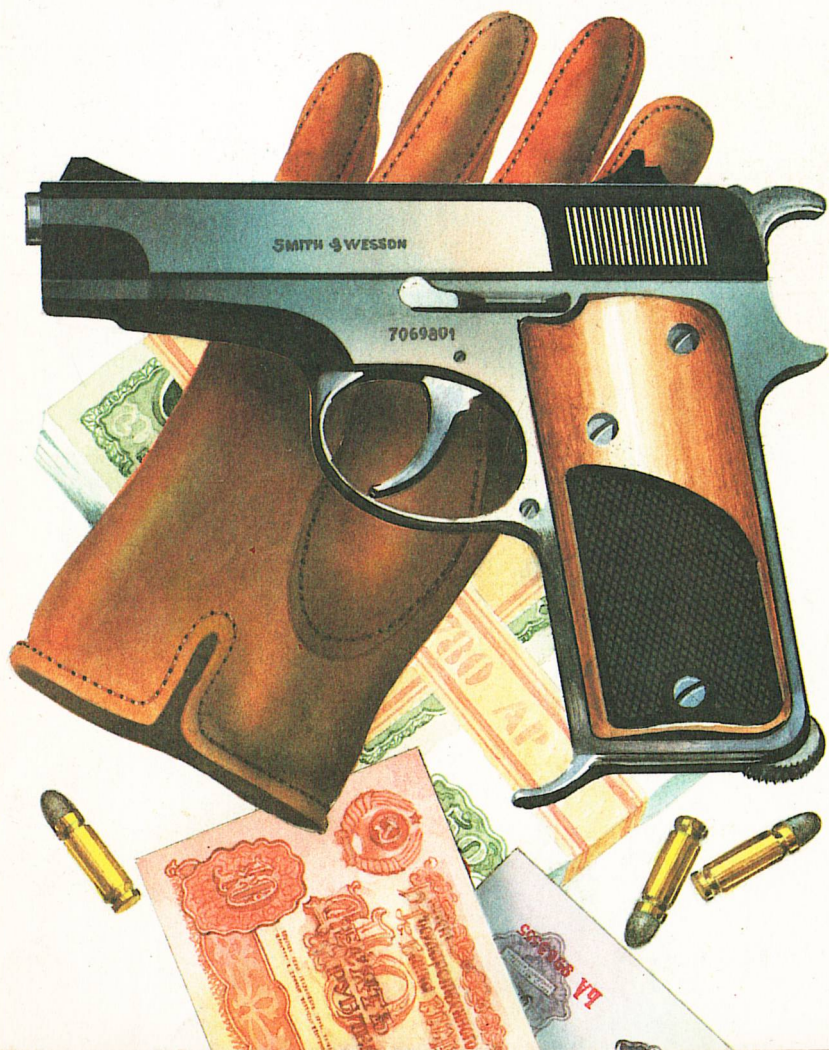

ЮРИЙ АЛЯНСКИЙ

ПУЛЯ И МИКРОСКОП

ЮРИЙ
АЛЯНСКИЙ

**ПУЛЯ
И
МИКРОСКОП**

ЮРИЙ АЛЯНСКИЙ

**ПУЛЯ
И
МИКРОСКОП**

ЛЕНИЗДАТ · 1989

67.99(2)116.31
А60

Редактор *И. М. Вдовина*

А $\frac{1203020200-151}{M171(03)-89}$ 71—89

© Лениздат, 1989

ISBN 5-289-00314-2

О ЧАЙНОМ СИТЕЧКЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАСТЯХ И ЗАКОНЕ

Как и почему возникла эта книга? Вопрос не праздный. Автору много раз доводилось писать о людях искусства, культуры, науки. Но о работниках милиции? Не слишком ли резкий и неожиданный поворот?

Как ни странно, одним из импульсов такого поворота событий стало... отрицательное отношение к некоторым произведениям приключенческой литературы и киноискусства. Дело в том, что автор — преданный поклонник детектива. От детективного романа его не в состоянии оторвать даже явно средние литературные достоинства произведения, а посредственный фильм о работниках милиции будет им обязательно досмотрен до конца. И даже когда заранее понятно, чем у них там кончится дело, — а в посредственных фильмах это всегда совершенно ясно, — благополучный финал и щелчок наручников на запястьях преступника все же проливают бальзам на встревоженную душу.

Не раз обманутый в своих читательских и зрительских ожиданиях, автор стал различать определенные лакировочные штампы наших книг и фильмов о милиции. Употребив немного гиперболы и иронии, один из наиболее распространенных штампов можно представить себе так.

Таинственный вор украл у старушки чайное ситечко. Она, плача, заявляет об этом в милицию. И тут начинается! Прокловник уголовного розыска срочно собирает на совещание лучших сыщиков управления. Все немедленно бросаются на задания, отрабатывают разные версии, составляют разные схемы. Собачка бежит по следу и теряет его у ближайшей троллейбусной остановки. И тогда появляется главный герой повествования — молодой, но талантливый лейтенант милиции, сотрудник уголовного розыска по призванию, обаятельный супермен со спортивной фигурой, железными мускулами и шутливым

складом ума, очень верный муж и преданный друг. С этой минуты он не ночует дома, не общается с семьей, питается холодными пирожками и газированной водой и все двадцать четыре часа в сутки отдает поискам преступника.

Притаились засады. Молодые люди в штатском с пистолетами под мышкой растворяются в городской толпе в таком процентном соотношении, что, кажется, ни один квадратный метр территории огромного города не остается без наблюдения. Потом автомобильные погони с визгом покрышек и воем сирен. В небе над дорогами висят зоркие сине-желтые вертолеты. В управлении милиции у пульта связи дежурит группа руководящих товарищей. Гигантский город надежно перекрыт. Замерли океанские и воздушные лайнеры. Инспектора ГАИ, рискуя жизнью, кидаются под колеса машин подозрительных водителей. Все в напряжении.

И вот преступник схвачен. В фундаменте богатой дачи, построенной на нетрудовые доходы, люди в наушниках с миноискателями находят бриллианты, шедевры европейской живописи, а заодно и старушкино имущество. След тянется к богатому и беззастенчивому зарубежному коллекционеру чайных ситечек. Наши аквалангисты задерживают на морской глубине его агента, иностранного дипломата, персону нон грата.

И тогда молодой лейтенант, весь в пороховой копоти, приходит к старушке и возвращает ей ситечко, устало прислонясь к дверному косяку. Он отказывается от чашечки чая (уже без чайнок), поскольку он при исполнении, а также потому, что другие важные и неотложные дела зовут его к новым погоням. Город может жить и спать спокойно: злоумышленник не пройдет. И не пропадет бесследно ни одно ситечко. А молодой лейтенант наконец-то сдержит давнишнее обещание и сводит маленькую, истосковавшуюся по отцу дочку в зоопарк.

Так иногда, прочитав некоторые книги, посмотрев иные фильмы, представлял себе автор работу милиции.

А тут еще суровая действительность подкинула впечатления — на этот раз не в изящной словесности и не в его воображении.

В знакомой семье случилась довольно серьезная квартирная кража. Отмечался день рождения хозяйки дома. В одной комнате за праздничным столом сидело человек двадцать гостей. А через окно соседней комнаты (квартира расположена на первом этаже) вор под шум застолья украл несколько ценных вещей.

Естественно, тут же позвонили в милицию. По литературе и искусству мы знаем: искать преступника лучше по горячим следам. Но прошел час, другой, а никто, увы, не являлся на наш зов. Перевалило за полночь. И тогда мы позвонили по телефону 02 и попросили соединить нас с дежурным по городу. Дежурный внимательно выслушал рассказ о наших наивных ожиданиях собачки, берущей след, молодого, но талантливого лейтенанта уголовного розыска, способного непременно и немедленно все устроить в наилучшем виде, а потом спокойно сказал:

— Знаете, мы работаем не по киносценарию. Машины у нас в вашем районе вообще нет, так что наш товарищ, очевидно, идет пешком. А собачка есть. Но в данный момент она очень занята. Если товарищ, который к вам придет, найдет нужным ее пригласить — будет и собачка. А тех гостей, которых вы не подозреваете в краже, можно отпустить домой...

Сотрудник милиции, придя часа через два с половиной, не нашел нужным приглашать собачку: прошло слишком много времени, да и дождь уже к тому моменту лил как из ведра. Много ли вынюхаешь под дождем?.. Украденные вещи так и не нашлись.

Мучимый привычным штампом книг и фильмов о милиции и его явным, казалось, отрывом от суровой, но реальной действительности, автор поделился своими чувствами с другом, известным писателем и кинодраматургом, мастером детективного жанра. Он пришел к своим книгам и фильмам не из Литературного института, а из тех самых кабинетов Московского уголовного розыска, где бьется пульс жизни многомиллионного города. Без малого два десятка лет службы в этом учреждении — хорошая школа для писателя.

Выслушав с мрачным видом иронические сомнения и всю историю с ситечком и лейтенантом, мой друг сказал:

— Послушай, ты же ничего не знаешь и не понимаешь в работе милиции! Чего же иронизировать! На самом деле эта работа и проще, и сложнее, и драматичнее. И по книжкам и фильмам ее не понять.

Его серьезность и злость погасили мою иронию, побудили сойти с обывательской точки зрения стороннего наблюдателя и задуматься над возникшей проблемой.

Советской милиции — 70 лет, всего лишь средний возраст жизни одного поколения. Наша милиция — одна из самых молодых правоохранительных организаций в мире. Любителю детективной литературы нетрудно заметить: писатели западных стран, где полиция существует испо-

кон веков и оснащена уникальной техникой, пишут о ней не иначе как в насмешливом, а то и в издевательском тоне. Так писал Конан Дойл или, скажем, авторы современных скандинавских детективных романов. «Полиция, полиция, картофельно пюре» — сами названия книг говорят о позиции авторов, а следовательно, и населения этих стран, об их отношении к своим стражам порядка.

Советская литература и искусство стремятся показать — пусть порой романтизируя — трудные, трагические будни милиции. Очевидно, в традиционном литературном отображении и рождается тот розовый, иронический стереотип, какой возник и у меня. Но ведь существуют и подлинно талантливые книги и фильмы об истории ВЧК, о работе современных правоохранительных органов, о солдатах правопорядка. Они вызывают уважение к этим людям — часто неизвестным героям, чей опыт еще продолжает складываться и сегодня.

Очевидно, полиция западных стран пребывает в противостоянии с населением, интересы которого, казалось бы, представляет и защищает. Отсюда, наверное, и та издевка, та нелюбовь, какие сквозят в зарубежных произведениях искусства. Конечно, и на Западе есть талантливые сыщики, честные полицейские, добросовестные следователи, прокуроры и адвокаты. Но они вершат свой труд, свою службу, нередко сопряженную с риском для жизни, не благодаря, а вопреки общей атмосфере, сложившейся вокруг их дела, профессии, обязанностей. Они живут и работают в резко континентальном климате недоброжелательства, безусловного нежелания помочь. Они сражаются в одиночку.

Советская милиция — часть народа, и конфронтации с населением у нее нет. И даже «малая война» между автолюбителями и инспекторами ГАИ, одной из жертв которой, случается, бываю и я, воспринимается нами скорее юмористически, нежели трагически. «Моя милиция меня бережет». Отсюда, наверное, и восторженный тон у писателей и деятелей кино.

Такие размышления подкрепились неожиданными впечатлениями. Первым из них стала история с найденным мною анонимным портретом тридцатых годов прошлого столетия. Эксперты-криминалисты Ленинградского ГУВД помогли мне установить, что на портрете изображена героиня моей документальной повести, легендарная русская актриса Варвара Асенкова (на страницах предлагаемой книги эта история будет рассказана). Тогда, в первой половине семидесятых годов, я впервые

соприкоснулся с работой одной из важных служб ленинградской милиции — сотрудников экспертно-криминалистического отдела. А потом произошли новые события, сыгравшие важную роль в моей литературной судьбе.

В 1984 году я заканчивал очередную книгу — «Ленинградские легенды», представляющую собой сборник документальных рассказов о всемирно знаменитых, а также и никому не ведомых еще людях, объединенных в книге моим восхищением: их подвижнический труд и значение содеянного ими ставят их в ряд легендарных ленинградцев.

Когда рукопись уже лежала на столе у редактора, неожиданно оказалось, что разрешенный мне объем книги не исчерпан и имеется возможность написать еще один, новый, незапланированный рассказ. Героев уже написанных рассказов я давно и хорошо знал, со многими из них посчастливилось дружить в течение долгих лет. Когда работал над основными главами книги, мне не пришлось, что называется, собирать материал — он давно сложился. Теперь же предстояло найти достойного героя и писать о нем в процессе сравнительно короткого знакомства. Новый и пока неизвестный персонаж должен был тем не менее соответствовать общему уровню остальных героев.

И тогда я позвонил Ольге Николаевне Володимеровой, майору милиции, эксперту-криминалисту, помогавшей мне в истории с портретом Асенковой, и спросил:

— Нет ли в управлении милиции такого человека, который мог бы стать героем рассказа в книге под обязывающим названием — «Ленинградские легенды»? Может быть, познакомите с нашим родным выдающимся ленинградским сыщиком, грозой преступного мира?!

И в голове уже проносились заветные картины: погоня, вой милицейской сирены, выстрелы в ночи и в свете фар оперативной машины некто с поднятыми вверх руками... Наконец-то и я попробую свои силы в любимом жанре!

Ольга Николаевна подумала и сказала:

— А почему бы вам не написать о начальнике нашего экспертно-криминалистического отдела, полковнике милиции? Это замечательный человек!

— Да что вы! — разочарованно возразил я. — Зачем мне ваш кабинетный полковник, какой-нибудь мрачный служака в высоких сапогах, неразговорчивый, неконтактный, необаятельный?!

— И все-таки я вам советую познакомиться. В конце

концов, это вас ни к чему не обязывает. Не сойдется в первом разговоре, не найдете общего языка — уйдете. Полковник и не подозревает, что вы собираетесь что-то писать. Приходите, я закажу вам пропуск.

Шел я на встречу с начальником экспертно-криминалистического отдела ГУВД неохотно, не предвидя ничего интересного. Дело в том, что, работая над многими книгами документально-художественных рассказов о людях самых разных профессий, я давно открыл закон, хотя его, вероятно, до меня открывали для себя другие литераторы: своего героя надо любить. Необходимо просто влюбиться в него. Иначе и писать и читать рассказ будет неинтересно. Так обычно и случалось. Я неизменно влюблялся в людей, о которых писал, и даже Варенька Асенкова, умершая за восемьдесят лет до момента моего рождения, не составила тут исключения. Повесть о ней я писал в состоянии пусть фантастической, но вполне ощутимой влюбленности. Увы, полковник милиции, да еще с административным уклоном, гипотетически не вызывал подобных лирических предчувствий.

Уныло подошел я к двери с табличкой «начальник отдела», постучал и вошел. И замер на пороге.

За письменным столом, в окружении всевозможных телефонных коммутаторов, аппаратов, селекторов, переговорных устройств и прочей техники связи, сидела обаятельная женщина в милицейской форме с погонами полковника!

Едва опустившись в предложенное мне кресло, я уже твердо решил, что непременно напишу о Людмиле Евгеньевне Быстровой. И еще не подозревал, как трудно окажется сломить ее решительное нежелание стать действующим лицом какой бы то ни было книги, да и вообще печатного слова. Людмила Евгеньевна сопротивлялась моему намерению упорно, долго, сердито. К счастью, победа осталась за мной. И в книге «Ленинградские легенды» появилась заключительная глава «Такая служба», посвященная жизни и работе этой замечательной во многих отношениях женщины. Теперь рассказ о полковнике милиции Л. Е. Быстровой расширен: в течение прошедшего времени я еще глубже проник в сферу ее деятельности. К тому же закон создания литературных портретов, требующий, по моему убеждению, зарождения любви автора к своим героям, в данном случае безусловно соблюден.

И вот однажды, когда мы уже подружились, Людмила Евгеньевна спросила, какую новую книгу я собираюсь

писать. Ответ: наверное, снова рассказы об актерах или художниках — ее явно разочаровал.

— Напишите лучше книгу об экспертах-криминалистах. У нас в отделе работают замечательные специалисты своего дела, и многие из них достойны того, чтобы о них знали читатели!

Я вытянулся и сказал:

— Есть!

Так судьба в лице полковника милиции связала меня с экспертно-криминалистическими делами и проблемами еще более крепкими узами.

Но тут начались трудности, прежде всего литературные.

Любая история, тем более та, что ложится в основу литературного произведения, интересна читателю своим сюжетом — системой событий, составляющих действие предлагаемой истории. Работа эксперта-криминалиста, как правило, лишена сюжетной, фабульной стороны. В отличие от сотрудников следственных органов, уголовного розыска, ОБХСС и других служб милиции эксперт не всегда знает, что и где случилось, кто жертва, кто преступник, когда и чем то или иное криминальное событие окончится. На его рабочем столе бесконечной чередой появляются лишь вещественные доказательства, самые разные, самые невообразимые предметы. Задача эксперта — изучить их и ответить на поставленные следствием конкретные вопросы.

Ему в руки попадает чья-то испачканная в красном одежда, надо определить, краска это или кровь, если кровь — то человека или животного, а если человека — то какой группы. Перед ним — тряпка или ветошь со следами автола, осколки фарных стекол автомобиля; следует установить, к какой машине они могут быть «привязаны». Эксперту вверяют подложный документ или анонимное письмо. Их нужно расшифровать и «разоблачить» по возможности полно. Ему доставляют деформированную пулю. Необходимо узнать, из какого оружия она вылетела, сколько метров пролетела, где, в какой точке пространства по отношению к цели стоял стрелявший. Но что совершил владелец того автомобиля, кто и зачем составил подложный документ и какую выгоду из этого извлек, кто в кого и зачем стрелял — этого эксперты обычно не знают. И писать об их работе в привычной сюжетной форме оказалось крайне затруднительно.

Стало очевидно: невозможно ограничить рассказы этой книги одним лишь изложением пусть даже весьма

увлекательных экспертных проблем, достижений сотрудников отдела. Придется обратиться и в другие службы милиции — в следственное управление, уголовный розыск, ОБХСС, в судейские канцелярии и архивы. Необходимо поближе познакомиться не только с экспертами, но и со следователями, инспекторами уголовного розыска, прокурорами, судьями, адвокатами, людьми многих юридических профессий. Так и случилось, что круг героев предлагаемых рассказов стал расширяться. Вместе с тем расширялось и мое представление о роли наших правоохранительных органов.

И снова — ирония, только на этот раз не моя — ирония судьбы. Знакомясь со своими будущими героями, я все больше поражался их профессиональному мастерству, таланту, уму, все больше поддавался их обаянию. И в разгар работы заметил, что теперь и сам восторженно пишу о молодом талантливом лейтенанте милиции, готовом не спать ночей, чтобы раскрыть преступление. Сам восхищаюсь дотошностью и проницательностью следователя, способного на титаническую по объему работу для выявления улик преступления. Стараюсь внушить вам, читатель, уважение к высокому профессионализму каждого из моих героев. Стремлюсь воссоздать на этих страницах образы и дела тех сотрудников милиции, кто защищал законность и правопорядок в Ленинграде в самую тяжелую и мрачную пору его истории, в дни войны и блокады города. Тогда горстка экспертов-криминалистов, став волею времени и обстоятельством универсалами, справлялась с такой непомерной работой, какую сегодня осуществлял бы, наверное, мощный коллектив специалистов. Они трудились плечом к плечу с сотрудниками угрозыска и не делили между собой обязанности, время и долг.

Так гасла моя ирония, превращаясь в уважение и восхищение.

Имелась у меня и еще одна сложность. У экспертов-криминалистов, да и у других работников милиции — свои профессиональные секреты, и выдавать их литератор не вправе. Такие секреты — залог успешного разоблачения самых многообразных уловок преступника.

И еще мне хотелось рассказать о доброте. И о ее тени — жестокости, таинственной хронической болезни далеких предков, что не знали жалости, сострадания, милосердия. Эта застарелая болезнь загадочным, порой не-

объяснимым образом просыпается уже не в древних охотниках за доисторическими мамонтами и не в каких-нибудь отпетых злодеях, а в самых обыкновенных, казалось бы, людях, весьма к тому же цивилизованных. Даже в подростках. Даже в детях.

Предки знали: если не ты его — он тебя. Какое уж тут милосердие! Они убивали живое ради собственного выживания, ради пищи, ради охраны семьи и домашнего очага. Чему служит жестокость сегодня? Любой корысти, причуде, капризу, эгоистическому порыву. И никакая цивилизация, никакая научно-техническая революция с ее достатком, комфортом, культурой, искусством, моралью не могут до конца вытравить эту рудиментарную болезнь человечества, как удалось это сделать с холерой или чумой. Жестокость страшнее чумы.

Мы помним кинофильм «Чучело» — о жестокости маленьких людей: они вершат несправедливость, еще не испытав ее на себе, еще не имея причин мстить ближним за собственные обиды. Мы помним и другие фильмы, книги, спектакли, да и случаи из самой жизни, когда в обычном человеке, которого никто не считает преступником, нарушителем правопорядка, просыпается эта болезнь предков, и нет средств вовремя распознать ее, уберечься от нее, излечить.

Фильм Ролана Быкова шел на экраны нелегким путем: еще не принято было столь откровенно говорить о теневых сторонах человеческой души. Но сейчас — время откровенных разговоров, время гласности. Поэтому будем говорить о борьбе в человеке тени и света, о том, как бескровно побеждает доброта, становясь идеалом межчеловеческих отношений. К такому идеалу каждому из нас стоит стремиться.

«Мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей», — писал Тютчев. Человек всего вернее умеет сгубить самого себя. Способов здесь множество. И не обязательно это пресловутый алкоголизм, наркомания, курение. Бывает, что человек, обуреваемый неподвластными ему темными страстями и пороками — алчностью, злобой, мстительностью, непомерной влюбленностью в самого себя, — идет на преступление и живет при этом иллюзорной надеждой, что сойдет, что не узнают, не поймут, не накажут.

Экспериментируя со словом и продолжая в этом отношении традиции Маяковского, Андрей Вознесенский в поэме «Ров» сокращает, к примеру, слово «алчность» до ударного, разящего «алчь»:

Вызываю тебя, изначальная алчь!
Хоть эпоха, увы, не Ламанч.
Зверю нужен лишь харч.
Человек родил алчь.
Не судья ему нужен, а врач.
Друг, болеет наш дух.
Ночью слышите плач?
Это страсть одиночек — алчь.

.....

Я всю мерзость собрал на страницы, как врач,
чтобы сжечь тебя, алчь.

Мне тоже пришлось писать на этих страницах о всяческой мерзости. Вы найдете здесь документальное повествование о нескольких тяжких преступлениях, и читать эти главы, возможно, будет неприятно. Иные эпизоды и детали выглядят даже незстетично. Но невеселые события, собранные в книге, единичны, достаточно редки. Избрав же темой книги работу правоохранительных органов, я не мог избежать таких сюжетов, не рассказать вам о подлинных преступлениях. Они были, были! И те, кто их совершил, наказаны по заслугам.

И не о преступности хотелось мне рассказать. Как и в предыдущих книгах, посвященных актерам, художникам, ученым, я стремился говорить прежде всего о людях, чьими руками вершатся история, биография и судьба искусства или науки, вся наша жизнь. Есть люди, в чьих руках — охрана законности, нашего покоя и человеческого достоинства. Они защищают добро и Закон. И заслужили, чтобы вы знали об их жизни и труде.

Однако эта книга пишется и печатается в эпоху решительной демократизации советского общества, в дни, когда мы вспоминаем о милосердии и утверждаем гласность. Поэтому нельзя не сказать, что в наших учреждениях внутренних дел, как и в других сферах человеческой деятельности, есть не только прекрасные, честные, смелые люди — их, к счастью, большинство, — но и антигерои. Выступая перед ленинградцами, начальник Главного управления внутренних дел Леноблгорисполкомов генерал-лейтенант Анатолий Алексеевич Курков рассказал, что в течение последних лет десятки сотрудников милиции увольняются и наказываются за нарушение дисциплины, неисполнение должностных обязанностей, недобросовестность и иные провинности. За 1986 год, например, около пятидесяти бывших работников милиции были не только уволены, но и осуждены.

В начале 1987 года «Советская культура» дважды выступила с большими острыми материалами по поводу

тяжкого преступления, совершенного в Н-ске. В публикациях сознательно и правомерно не названы ни город, ни фамилии действующих лиц: речь шла об изнасиловании девушки, студентки, и защитить ее достоинство газета была обязана. Как и следовало ожидать, в редакцию хлынул мощный поток писем со всех концов страны. Читатели возмущались нерадивостью, равнодушием и неисполнительностью органов милиции — искать преступника пришлось самолично отцу девушки, и, к счастью, он нашел негодяя. Возмущались читатели и странно мягким наказанием изуверу — всего три года заключения. Один из читателей иронизировал: «Посмотришь фильм о милиции — идеально! Мерцающие табло, подтянутые лейтенанты, необычайная деловитость: «Всем постам! Первый, первый! Я — второй, вижу третьего». Тут и новейшие методы криминалистики, и образцы служебного рвения, пронизательности. Где же все это? Убитый горем отец сам разыскивает преступника...» А другой читатель в порыве горького разочарования работой милиции даже вспомнил всеми нами любимых «знатоков»: «...не надо больше Пал Палыча на голубом экране, слишком контрастно сопоставление с действительностью...» Многие выражали также сомнение в неподкупности причастных к этой истории лиц.

Вряд ли надо здесь объяснять, что снискавшие наши симпатии Пал Палыч, Шурик Томин и Зиночка Кибрит — фигуры обобщенные. Авторы этого сериала драматурги Ольга и Александр Лавровы синтезировали в образах героев лучшие черты работников правоохранительных органов. И зрители полюбили своих телевизионных знакомцев. Помните тревогу за судьбу и жизнь Шурика, когда его ранил бандит? Эта тревога охватила сотни тысяч людей!.. Думаю также, что в годы, когда создавались первые два десятка спектаклей и фильмов о «знатоках», критика органов милиции вряд ли была возможна — консультанты образумили бы авторов.

На страницах предлагаемой книги читатель найдет не только восхищение автора работой сотрудников Ленинградского ГУВД, но и откровенный разговор об их ошибках и просчетах. От автора не потребовалось теперь особой смелости — свои законы диктует время. А подчиняться новым, современным законам приятно и радостно.

С момента начала работы над этой книгой прошло несколько лет. Они вобрали в себя решительное нарастание государственной перестройки — и в экономике, и в нравственной сфере. Время диагностировало метастазы

коррупции и беззаконий, проросшие в самых разных слоях общества. Взятка — всегда палач справедливости. Не миновала этого тяжкого недуга и система органов внутренних дел.

Но правда неудержимо пробивает себе дорогу к людям. Гласность проникает в самые «неприкасаемые» дворцы и закоулки нашей жизни, неся свежий воздух торжествующей справедливости. И это неизбежно: никто не может жить в вакууме общественной изоляции. И под милицейскими мундирами — те же человеческие души, что и под любой другой одеждой. Здесь тоже есть благородство и алчность, смелость и трусость, самоотверженность и себялюбие, скромность и карьеризм.

Мы с ужасом и гневом узнали о событиях в среднеазиатских и других регионах страны. Мы узнали, что, поняв неизбежность разоблачения своей преступной деятельности, покончили с собой два бывших министра внутренних дел — СССР и Узбекской ССР, что за нарушение служебного долга преданы суду сотни работников правоохранительных органов, которые ради корысти способствовали творимым беззакониям. Вскрыты целые кланы уголовных банд, нити преступлений тянутся вверх. Вернулись на страницы нашей партийной печати забытая формула «организованная преступность», такие слова, как «мафия» и «рэкет».

Правда неудержимо пробивает себе дорогу к людям. Преступления алчных, циничных и равнодушных не перечеркивают и не могут перечеркнуть самоотверженный труд тысяч преданных своему делу честных людей. И нельзя допустить, чтобы в бездумном обывательском сознании неуважение, презрение к тем, кто нарушил свой долг, распространились бы на всех людей в форменных милицейских мундирах. Потому и написана эта книга.

Перед вами — документальные рассказы о людях честных, скромных и самоотверженных. Эта книга о тех, кто сохранил ленинградским органам внутренних дел честь именоваться отрядом правоохранительных органов нашего государства.

Таких людей большинство. В разные годы эти люди оберегали и оберегают нас, помогают нам, охраняют достоинство и покой каждого из нас.

Автор надеется, что вы почувствуете, как это нелегко.

Итак, сейчас перед вами встанут люди — добрые и злые. «История души человеческой, хотя бы самой мел-

Милиционер
Сергей Гарюгин
погиб при задержании
преступника
на станции метро
«Парк Победы»
29 августа 1987 года.

кой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...» — писал Лермонтов в романе «Герой нашего времени». Думается, в этой парадоксальной мысли великого поэта кроется некоторое смещение понятий. История народа, государства и история души человеческой, действительно тайны из тайн, вряд ли сопоставимы впрямую, как несопоставимы впрямую мир космоса и мир атома. Но общая черта налицо: история народа и история одного человека в равной степени имеют право стать предметом исследования писателя, объектом литературы.

И Лермонтов несомненно прав, как прав другой, современный поэт, сказавший: «Что-то физики в почете...» Сегодня, в эпоху ядерного вооружения, эта мысль приобретает трагическое звучание. Об истории атома — хоть и есть тут аналогия с человеком — написано и понято куда больше, чем об истории человеческой души. А ведь и здесь таятся опасности. Атом, как оказалось, способен уничтожать города, жечь землю, нести смерть всему живому. Но и малыш с трогательными складочками на ножках и ручках иногда, лет через двадцать, становится преступником, даже убийцей. И ни один «лирик» еще не объяснил, как это происходит, какие процессы сознания ведут к перерождению личности, как остановить ее распад. Даже сам человек часто не знает, на что он способен — и в добре, и в зле, — когда наступит стрессовая, экстремальная ситуация. Одни спасают других. Иные — себя.

Героев этой книги — и положительных, и отрицательных — вы застанете именно в такие минуты. Поэтому в данном случае можно позволить себе устаревшее и наивное для других случаев деление персонажей на героев и антигероев. И давайте вместе подумаем о том, как рождаются, как формируются те и другие.

И как было бы полезно, если б, все познав об атоме, мы занялись уничтожением его смертоносной силы и обратились к цепной реакции распада личности: ее количественные показатели страшны не менее, чем бомбардировка Хиросимы.

И последнее. Раскрыв эту книгу, вы можете заметить, что слово «Закон» я всюду пишу с заглавной буквы, хотя речь идет не о каком-то конкретном законе, взятом из Конституции. Я пишу это слово с большой буквы, потому что именно ради охраны наших законов живут, трудятся, сражаются, а иногда, случается, и погибают герои предлагаемой книги.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕРВОЙ БРИГАДЫ

тенокардия, гипертония, магнитные бури над головой, о каких прежде и не слыхивал,— такие новые враги появились в конце жизни у Василия Васильевича Панова. Что они такое — признак старости или плод достижений науки конца двадцатого века?.. Но главным из последних его врагов стала тяжелая, неизлечимая болезнь дочери. Все разговоры Василий Васильевич сводил к своей непоправимой беде.

В двадцатых годах, когда он стал сотрудником милиции и уголовного розыска на Псковщине, или в тридцатых, когда возглавил Первую бригаду ленинградского угрозыска, враги были другие. Тогда на долю Панова доставались тяжкие преступления: убийства, изнасилования, разбои, грабежи. Но они казались не так страшны — за оперуполномоченным Пановым стояла молодая великая страна. Многие вокруг могли стать его помощниками. Имелась и средства борьбы с теми недругами: мужество, опыт, недюжинные силы, оружие, наконец. И еще — молодость. А что было ему, ровеснику века, делать с нынешними врагами? И силы не те, и противник не тот. Этого победить куда труднее. Его приходилось одолевать в одиночку. Не вскочишь в гремящий, обитый железом кузов грузовика, что служил некогда оперативной машиной, чтобы гнаться за ним по пятам; не устроишь облавы, не заломить нынешней беде руки. Она сама норовила скрутить его в три погибели. И преуспела в этом...

Да, тогда, в дни молодости, многие люди вокруг могли стать помощниками — это были не пустые слова. Однажды в 1934 году в Ленинграде, на Васильевском острове, грабитель ворвался в сберегательную кассу, угрожая оружием, отобрал у кассира все деньги и выскочил на улицу. За ним погнались — еще не сотрудники милиции, а свидетели происшествия. Панов со своим помощником после сигнала тревоги успел присоединиться к погоне, возглавить ее. Преступник, поняв, что ему не уйти, вбежал в один из

дворов, швырнул охапку денег на землю и скрылся «черным ходом». Жильцы дома с изумлением смотрели в окна: по воздуху парили, разлетаясь во все стороны и медленно планируя к земле, пятерки, десятки, полусотенные бумажки. Время было нелегкое. Продукты выдавались еще по карточкам. Продукты в торгсинах, где продавалось все на свете, но по очень высоким ценам, большинству ленинградцев оказывались не по карману. А за окнами, в твоём же дворе, бесшумно падал денежный дождь...

Люди, бежавшие за преступником, окружили дом, закрыли ворота. Панов и его помощник поднялись по лестнице, по которой пытался уйти от погони грабитель. Один из жильцов показал на дверь лестничной кладовки: «Он мог спрятаться только здесь».

Когда тот, кто действительно сидел в кладовке, услышал предложение выйти и бросить оружие, начал палить через дверь. То были пули, случайно не задевшие Панова. Василий Васильевич тоже выстрелил в дверь. Видя безвыходность ситуации, преступник застрелился.

Василий Васильевич вспоминает этот случай отнюдь не для того, чтобы еще раз поведать, как приходилось сражаться с бандитами, подвергаться опасности, слышать свист пуль. Недаром же в числе многих государственных наград удостоился он и именного оружия — пистолета системы Коровина № 292221 — «за беспощадную борьбу с бандитизмом». Он вспоминал этот случай именно потому, что видел и ценил помощь окружающих людей. В тот день случайные свидетели происшествия помогли ему не только задержать грабителя, но и собрать разбросанные по земле деньги. Ветер разносил легкие разноцветные бумажки во все концы старого ленинградского двора. Поднимали, ловили их десятки людей: жильцы дома, прохожие. Но собрана была вся украденная вороном сумма — до последнего рубля!..

Написал эти слова — и удивился самому себе, привычной психологии: почему «но»? Разве честность перестала быть нормой нашего поведения?! Никто в том дворе не взял даже рубля. А это было так просто сделать! Интересно, возможно ли такое сегодня?..

Когда подполковник милиции в отставке Василий Васильевич Панов волновался, у него немного дрожали руки, увлажнялись глаза. Нервы уже не те. Жена, Ольга

Ивановна, желая, очевидно, «разрядить обстановку», настойчиво предлагала чаю. Но я боялся, что прервется тоненькая ниточка, паутинка воспоминаний. Понимал, что судьба уготовила мне роль последнего слушателя этого человека — в том, восемьдесят седьмом году ему исполнилось восемьдесят семь.

Жизнь за его плечами — долгая-долгая цепь тяжелых усилий, смертельных схваток, лишений, недоеданий, недосыпаний, бесконечного, без ограничения времени, труда. Комфортной жизни не было никогда и нигде — ни в деревне под Порховом, ни в ленинградской квартире: ни изысканных обедов, ни полированных стенок. И в последние годы Панова окружали вещи-ровесники: старенький диван, простое, скромное бюро у окна, давно позабывшее свою молодость и все те слова, какие писались на его дерматиновой поверхности, прямоугольный старый стол на мощных резных ножках — такой нынче увидишь редко, — комод, трельяж... Все в комнате было просто и надежно, как сам хозяин этого дома. И даже имя маленькой мальтийской болонки Дины — тоже «ретро»: так звали первую служебно-розыскную собаку Панова, подаренную ему Евгением Николаевичем Болотниковым, первым серьезным учителем и наставником в избранной профессии, бывшим царским сыщиком, а в двадцатые годы начальником Порховского уездного угрозыска. Конечно, та Дина не была болонкой — ни по статьям своим, ни по характеру, ни по обязанностям. Ее давно уже нет. Но имя осталось. Оно напоминало о прошлом.

Василий Васильевич волновался, рассказывая о годах молодости, о жертвах раскрытых им преступлений. Снова начинали дрожать руки. Менялся голос, становился тише и глуше. Я испытывал чувство неловкости, что ворошил прошлое, окрашенное для старого человека в красный цвет знамени и крови, вторгался в чужую жизнь, полную для того, кто ее прожил, острых, непреходящих воспоминаний. Никогда я не мог предположить, что прикосновение к прошлому — нет, не учителя, не актера, а работника милиции — может ощущаться как неделикатность! Время не загасило эмоций, пережитых этим человеком в минуты крайнего напряжения душевных и физических сил.

Панов помнил десятки имен и дат — они всплывали в его сознании через пропасти полувековой дали. Под длинными мостами памяти — Великая Отечественная, многие годы лишений, тревог, опасностей, непосильной работы. А невидимые мосты целехоньки. Память жива.

Вставали в ней и те голодные, одичалые мальчишки, что прятались и даже жили в холодных кладбищенских склепах Волкова кладбища в Ленинграде, среди могил Менделеева, Белинского, Добролюбова, Тургенева... Мальчишки иногда огрызались, отстреливались, а их следовало вернуть к жизни. Как сейчас перед глазами — тела несчастных, изуверски убитых ради мелкой, ничтожной поживы. И не стерло время физиономии тех, кого удавалось выследить, поймать, уличить, — хоть сейчас составляй словесный портрет! Сколько их было — хороших и дурных людей, живых и мертвых, несчастных и озлобленных! Они давно ушли из реальной действительности, многие имена, фамилии, клички навсегда поглощены забвением, но только не здесь, не в этой опрятной квартире в высоком доме на улице Жуковского.

«Никогда не говори: „никогда!“» — это любимая поговорка англичан. Но никогда не забудутся дни и ночи глухих деревень на Псковщине в двадцатые годы, дни и ночи службы в ленинградском угрозыске, — цвела пышным цветом организованная преступность. Не забудутся те годы не только потому, что запечатлены они в экспозиции Музея истории Краснознаменной Ленинградской милиции, — здесь есть и стенд, посвященный Василию Васильевичу Панову. Но и потому, что вошли они в еще более надежную и высокую «экспозицию» — нашу благодарную память.

— Вы в своем жанре документально-художественной прозы не сможете написать о моей работе, вообще о работе сотрудника уголовного розыска!

Это сказал не Панов — другой, сегодняшний ас уголовного розыска Ленинграда — полковник милиции Харлампий Иванович Апочида.

— Почему вы так думаете? — Я почувствовал себя задетым. — О следователях могу, об экспертах-криминалистах могу, о работнике ГАИ могу, а о сыщике нет?

Мне захотелось шутливо употребить блатное «обижаешь, начальник!», но не решился: знакомство с полковником Апочида тогда только начиналось.

— Потому что наша работа соткана из интуиции, кстати, она есть прямое продолжение профессионализма, из неуловимых ощущений, догадок, озарений, что ли.

Я вспомнил свои впечатления любителя детективной литературы и кино.

— Как это все же происходит на деле? Приезжаете

вы, к примеру, на место преступления. Картина перед вами непонятная, загадочная. Что к чему — сообразить трудно. Вот тогда и рождается интуиция?

— Непонятность картины места преступления — это ваше пристрастие к Конан Дойлу и Агате Кристи, а еще — вольность писателей и кинорежиссеров. Понимаете, я — профессионал. А на месте преступления профессионалу обычно понятно все, и приходит это понимание довольно быстро. Загадок две: кто совершил преступление и где он в данный момент находится? Это действительно загадки, и проясняются они, к сожалению, не всегда быстро. Вот, к примеру, приехали мы недавно на убийство. Смертельно ранена молодая женщина. Муж, вернувшись с работы и найдя ее на полу истекающей кровью, вызвал нас и «скорую помощь». Мы вошли и увидели картину страшного погрома: содержимое шкафов и ящиков столов выброшено на пол, все вещи перебиты, стулья опрокинуты. Тем не менее я сразу же мог заверить мужа пострадавшей, что в квартире не похищено ровным счетом ничего. Было очевидно: это инсценировка, и задача ее — направить милицию по ложному следу. Так оно и оказалось.

— Это была ваша интуиция?

— Профессионализм, опыт, интуиция.

— Но почему же об этом нельзя рассказать?

— А это как в музыке. Представьте, побывали вы на концерте. Вам особенно понравилось, скажем, соло трубы. Музыкант играл вдохновенно. И вот по прошествии года или даже полугода подойдите к трубачу и спросите его, как он играл в тот вечер, когда вы его слушали. Он изумится, пожмет плечами и, скорее всего, ответит: «Понятия не имею!»

— И все же что-то можно определить словами, как-то обозначить!

— Помню многочасовые, многодневные разговоры с подозреваемыми людьми. Этим людям надо было «раскрыть», добиться от них нужной информации. Тут нет готового сценария, не существует схемы. Есть живой, импровизированный разговор, он рождается сию минуту, в процессе общения, а потом растворяется в воздухе, как дым. Запись не ведется. Сидим с человеком вдвоем, беседуем с глазу на глаз. Часов десять, а то и несколько дней подряд.

— Вот если бы существовал текст такого длительного диалога между вами и преступником, не было бы, очевидно, никаких проблем. Готовая драма!

— Верно. Но ничего этого как раз и нет. Так что не знаю, что вы сможете написать о работнике уголовного розыска...

Мне вспомнился этот разговор с полковником Апочи-ди, когда подолгу беседовали мы с Василием Васильевичем Пановым. Он тоже не раз говорил о профессионализме и интуиции. И все же...

Поначалу Василий Панов работал рядовым милиционером в Харижском и Луковищенском сельсоветах под Порховом. Сам был и участковым, и инспектором уголовного розыска, и следователем. Целыми днями — пешком, по лесным дорогам, километров по двадцать в сутки. «Волги» с сиреной и синей мигалкой на крыше тогда, естественно, не имелось. Бандиты отстреливались. Но преследовать и задерживать их все равно требовалось самому. И свист первых пуль у виска Панов слышал именно здесь. И навсегда запомнил этот зловещий звук. К нему трудно привыкнуть. Иные дела, впрочем, выглядели безобиднее. Ограбление церкви. Злостное самогоноварение, которое в те годы преследовалось еще строже, чем теперь. Угон коров и лошадей. Однажды пришлось разыскивать воров, которые систематически срезали со столбов телеграфно-телефонные провода. Предполагалось, что занимаются этим враги молодой Советской власти: лишение района связи было им на руку. Но оказалось, что провода срезали и использовали... бондари — для стягивания бочек. Ну прямо злоумышленники из знаменитого чеховского рассказа!

Начинающий оперативник довольно быстро стал опытным и умелым. Его перевели в Порхов. Здесь он получил должность заместителя начальника отделения милиции по уголовному розыску. А в подчинении у него имелись два, а чаще один помощник. Вот и весь районный угрозыск. И это в то время, когда Порхов был одним из центров тогдашнего бандитизма.

Арифметике, алгебре, а потом и высшей математике новой профессии учил его Болотников, тогда — его непосредственный начальник. То, что Евгений Николаевич работал прежде в царской полиции, смущало молодого советского сыщика еще меньше, чем областное руководство НКВД. Тем более что методика сыскной работы, думается, не имеет знака — положительного или отрицательного. Знак возникает тогда, когда метод направляют против тех или иных людей. Когда царская охранка использова-

**Оперуполномоченный
Василий
Панов.**

ла десятилетиями отработанные приемы против революционеров, подпольщиков, рабочих, метод оказывался отрицательным. Когда молодой сотрудник советской милиции учился использовать его в борьбе с бандитами, основы метода становились положительными. Болотников, найдя в Панове способного, понятливого ученика, раскрывал ему секреты профессии, каких в те годы, да еще в провинциальном Порхове, получить было не у кого. Двадцатые годы на Псковщине стали важной школой для молодого оперативного работника. Василий Васильевич раскрыл тогда девять бандитских притонов. Его не раз пытались убить. Судьбе было угодно сохранить ему жизнь.

Василий Васильевич снова и снова говорил о профессионализме, определяя его четкой формулой: настойчивость, терпеливость, строгость, но не грубость. А я с каждым новым днем знакомства все яснее понимал, что есть у Панова еще одно важное качество, которое он не назвал, может быть, даже не думал о нем, не замечал его в себе. Но оно несомненно помогало ему добиваться успеха. Это качество называется добротой.

Разумеется, Панов, как и любой нормальный человек, как любой добросовестный сотрудник угрозыска или следователь, испытывал естественное чувство гнева, когда видел перед собой убийцу, насильника, бандита. Но подлинный профессионал не позволяет себе это чувство показывать. Да к тому же если не сдержишься, толку будет

мало: подследственный или преступник замкнется в себе, откажется с тобой разговаривать или крикнет традиционное: «Требую прокурора!» И ничего ты с ним не поделаешь.

Да, у многих следователей — а Панов в те годы совмещал в одном лице и оперативника, и следователя, и конвоира — существуют известные приемы расположить к себе допрашиваемого: предложить ему папиросу, поговорить с ним в сочувственном, даже дружелюбном тоне. У Панова эти приемы рождались органично — не от знания тонкостей профессии, а от ощущения сложности человеческой души. Мысли Панова еще раз напомнили о том, как неправомерна обывательская злоба против любого преступника — злоба, не признающая никакого закона, а лишь эмоции и чувство мести.

Одну подозреваемую женщину, по всей видимости соучастницу убийства, следствие никак не могло заставить говорить правду. Беседуя с ней в камере, Панов понял, что женщина голодна. И накормил ее своими, принесенными из дома бутербродами. И добился-таки признаний, каких не смогли добиться от нее другие. Разумеется, женщина сказала правду не потому, что ее накормили. Она почувствовала в собеседнике не «начальника», а человека, его справедливость и доброту. Почувствовала, что и он увидел в ней человека. А в особые минуты жизни это необходимо каждому. «Надо видеть и понимать душу преступника», — говорил Панов. Душу, а не только его злодеяние. Жестокости Панов противопоставлял доброту.

В 1931 году Панова перевели в Ленинград — в Первую бригаду уголовного розыска. Обосновался он теперь на Дворцовой площади — здесь находилось управление НКВД. Милиция располагалась в здании, которое прежде занимал жандармский корпус. Думал ли архитектор Росси, возводя изящное полуциркульное здание Главного штаба, какие учреждения разместятся в нем!

Сергей Миронович Киров обратился к работникам милиции с настоятельной просьбой — очистить город от организованной преступности. И бывший порховский оперуполномоченный стал в этом тяжком предприятии одной из центральных фигур.

На его долю достались, например, преступники, занимавшиеся «самочинкой».

Бандит разгуливал по городу в добытой где-то форме командира НКВД. Звонил или стучал в квартиру, где, как он знал, есть чем поживиться. Входил, разговаривал

корректно, смотрел вокруг холодно и цепко. Предъявлял «липу» — ложные, умело сфабрикованные документы и начинал самочинный «обыск». Перепуганные хозяева без сопротивления отдавали ценности, вещи. Неожиданный гость оставлял даже какую-нибудь расписку об изъятии ценностей и предупреждал строгим тоном, что завтра их вызовут «куда следует», в комнату... (и называл номер комнаты, где с хозяевами будут разбираться).

Люди не спали всю ночь — ждали вызова. Но никто их, конечно, никуда не вызывал. Тогда они приходили сами и с изумлением и отчаянием узнавали, что никого к ним с обыском не посылали и что их обвел вокруг пальца опасный мошенник, которого давно разыскивает уголовный розыск. Фальшивая расписка — вот все, что оставалось у них на память от незваного гостя.

Двоих таких самостоятельно действовавших преступников выследил и обезвредил Панов. Он был верен себе: назвал имена обоих — Борис Котляревский и Агатов-Тимашев. Помнил, как они выглядели, во что были одеты, когда меняли украденную форму на штатский костюм. Котляревский — высокий, статный, красивый; Агатов-Тимашев — маленький, злобный, грубый... Но работали оба виртуозно. Ловлю себя на ощущении, что Василий Васильевич рассказывал о них не только с презрением, не только с чувством удовлетворения, что удалось задержать таких опасных преступников, но и с каким-то еще неожиданным оценочным оттенком. И вдруг понял — так говорят в театре об актере, сыгравшем роль негодяя, но сыгравшем талантливо! У Панова не было восхищения талантом пойманных им правонарушителей, хотя каждый из них в известном смысле тоже прекрасно играл свою роль. Но некое признание артистизма, что ли, послышалось мне в рассказе Василия Васильевича.

А жизнь и оперативная обстановка в городе «придумывали» все новые сюжеты. Однажды, поздней осенью, когда на ленинградских улицах уже хмурилось предзимнее ненастье, стали поступать сведения о массовых раздеваниях маленьких детей. К мальчикам и девочкам подходила какая-то тетя, угощала конфетой, обещала сводить на карусель, отводила их поодиночке куда-нибудь в сторону и говорила что-нибудь в таком роде:

— Какие у тебя красивые сапожки! Знаешь, у моей дочки тоже есть сапожки, только похуже. Можно, я возьму твои ненадолго, дам ей померить, а потом куплю ей такие же. А ты пока постой здесь, подожди. Я сейчас же вернусь...

Женщина аккуратно стелила на землю газету, ставила на нее разутого ребенка и просила несколько минут подождать. И разумеется, исчезала. В одном случае — с сапожками или туфельками. В другом — с пальто или шубкой. Одну девочку, замерзшую, посиневшую, нашли поздно вечером: она доверчиво стояла на подстеленной газете и все ждала, когда же вернется приветливая тетя...

Панову удалось выследить эту женщину. И тогда в помещении на Дворцовой площади состоялась необычная очная ставка. Преступница сидела, опустив голову, а десятки малышей, пришедшие сюда с мамами, папами, бабушками и дедушками, узнавали тетю и возбужденно кричали: «Это она!»

Наверное, в поисках этой преступницы Панов применял те же методы оперативно-розыскной работы, какими пользовался обычно. Но убежден: его энергию, настойчивость, терпение снова поддерживала и подогревала все та же человеческая доброта. Воспоминание о фигурке девочки в одних чулках, одиноко стоявшей под промозглым дождем на подстеленной газете, не давало Панову спокойно уснуть по ночам.

Мы жили с Василием Васильевичем на одной улице, почти напротив друг друга. Жаль, что я познакомился с этим человеком лишь за полгода до его кончины...

ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ

Блокадный Ленинград сражался на видимом и невидимом фронтах. Вглядываясь сегодня в те девятьсот дней и ночей убеждаешься: находилось в них место и подвигу, и творчеству, и любви. Но также и преступлению, предательству, шкурничеству. Вдумчивый наблюдатель и участник событий, пережив блокаду Ленинграда, уносил с собой в дальнейшую, мирную жизнь чувство гордости за свой город, горькой и нежной любви к тем, кто его отстоял, кто помог ему выстоять и победить. Эти люди — солдаты, матросы, летчики, пожарные, учителя, писатели, актеры, художники, врачи, музейные работники. И — криминалисты. Их труд наименее заметен, почти неизвестен.

Надо рассказать и о нем.

Он лежал на своем диване, в квартире на улице Воинова, не шевелясь. Не было сил поднять голову, двинуть рукой, спустить ноги на пол. То, чего не сделали ни вражеские снаряды и бомбы, ни пули преступников, сделал голод. Никандр Тихонов, младший лейтенант милиции, молодой эксперт-криминалист, понимал — ему уже не встать. И помощи ждать неоткуда. Семья из Ленинграда выехала. А сослуживцам в эти дни первой блокадной зимы не до него. Когда спохватятся и начнут искать — может оказаться слишком поздно. Дистрофия его добьет.

Наверное, жаль уходить из жизни молодым. Наверное. Но он не испытывал ни сожаления, ни боли, ни отчаяния. Одно равнодушие. Тусклое равнодушие умирающего от истощения человека. Поначалу он сопротивлялся ему. Сопротивлялся воспоминаниями. Возвращал назад недолгие ушедшие годы. И делал это подробно и точно — так, как делал все.

Всплыли в сознании детство — голодное детство в городке Каргополе на Онеге, первые послереволюционные годы. Родители умерли рано. Он остался совсем

один. Из всех впечатлений детства вспоминалось сейчас главное: «егорова уха», похлебка тех лет, сухари, посыпанные солью и размоченные в кипятке. Даже рот свело от сладких воспоминаний. Вспомнил и другое тогдашнее «блюдо» — толченый красный клевер смешивали с высевами и пекли из полученной смеси лепешки. Чем они пахли — полев, травой, дождем?.. Сейчас, на исходе сорок первого года, нет в Ленинграде ни клевера, ни высевок. Впрочем, высевки, возможно, еще есть. Их добавляют в тяжелый, сырой блокадный хлеб.

Но и за этим маленьким кусочком жизни ему не сходить. Силы кончились. Продуктовые карточки останутся на ночном столике. Наверное, их найдут на исходе зимы, когда обнаружат его тело...

Тихонов закрыл глаза. Попробовал представить себе путь от дома до ближайшей булочной и то, как продавщица под пристальными взглядами очереди возьмет буханку и отрежет от нее положенную порцию. Ощущался ли при этом запах хлеба?.. Этого он вспомнить не мог.

Какой-то посторонний звук вмешался в бред. Стук? Нет, шаги. Кто может ходить в пустой квартире? С трудом разлепив глаза, Тихонов увидел незнакомого человека — тот стоял посреди комнаты и внимательно на него смотрел.

Еще один мародер, подумал Тихонов. Война, блокада породили новые виды преступности: мародерство, подделку продуктовых карточек, воинских документов. Как нестерпимо ощущение собственного бессилия! Бандит безнаказанно ходит по твоей комнате, открыто, не таясь, понимая, что ты уже обречен! И ты действительно ничего не можешь сделать, разве только по профессиональной привычке запомнить лицо. Но что это даст? Вытащить бы из-под подушки пистолет! Нет, рука висит как парализованная. Это конец.

Незнакомец оглядел комнату, увидел на подоконнике недокуренную пачку папирос, взял ее, сунул в карман и ушел, не произнеся ни слова.

Ушел...

Мысли постепенно возвращались в прежнее русло. Теперь вспоминалась работа. Октябрь сорок первого. Как это было? Если подробно и точно?..

В двадцатых числах октября сорок первого года Тихонову пришлось участвовать в раскрытии преступления, которое, даже по военному времени, оказалось из ряда

вон выходящим по своей жестокости и изощренности. Особенность этого дела состояла также и в том, что жертва этого убийства не вызвала особых симпатий и чувства сострадания: жизнью поплатился человек, сам намеревавшийся нарушить Закон. Но для сотрудников милиции это дела не меняло. Они стояли на охране порядка в осажденном городе. И эксперт Тихонов работал так, как работал всегда,— добросовестно, дотошно.

20 октября положение в Ленинграде стало крайне тяжелым. Кончились запасы ячменной муки, и в хлеб начали добавлять льняной жмых и отруби. Сообщение о том, что в Москве введено осадное положение, усугубило остроту ситуации. А 21 октября на пустынном Невском проспекте встретились два бывших сослуживца, два инженера. Один из них по неизвестной причине уже уволился из учреждения, где они оба работали, другой еще числился там, но мечтал оставить Ленинград и любым способом эвакуироваться на Большую землю.

Между ними состоялся такой разговор.

— Есть возможность завтра рано утром уехать из города. Знакомый летчик обещал помочь. Хотите лететь?

— Очень хочу. Что для этого нужно?

— Нужны деньги, сами понимаете.

— Я готов отдать все, что у меня есть!

— Сколько это?

— Пятнадцать тысяч.

— Пожалуй, летчик согласится. Сделаем так. Сегодня вечером приезжайте ко мне с деньгами. Захватите наиболее ценные и нужные вещи. Рано утром летчик за нами заедет, и мы улетим. А переночуете, разумеется, у нас. Идет?

— Идет,— ответил молодой инженер, хотя он еще числился на работе в своем учреждении и пользовался броней, освобождавшей его от службы в армии.

Ах, если бы он знал, что истекает последний день его жизни и что ждет его нечто гораздо более страшное, чем быт осажденного города или сражение на фронте! Если бы он знал, что через двое суток отдельные части его тела будут найдены в различных концах Ленинграда аккуратно завернутыми в цветастые обои! Но знать это жертвам преступлений не дано. Это знают и планируют преступники.

Первое сообщение поступило 24 октября из Гавани. Здесь, на трамвайном кольце, под сиденьем прицепного вагона маршрута № 5 были найдены два странных пакета, завернутых в обои и перевязанных бечевкой. При-

ехавшие сюда сотрудники уголовного розыска обнаружили в одном из пакетов нижнюю часть туловища мужчины, во втором — руки и ноги.

Следующий день принес новую страшную находку. Из бочки с водой на Лиговской улице извлекли еще два пакета — с человеческим торсом и обезображенной головой: нос отрезан, глаза выколоты... Убийцы, вероятно, рассчитывали на то, что никто не сможет опознать убитого.

...Тихонов думал о том, что преступникам не удастся и никогда не удастся замести все следы. Что-то да остается. Так случилось и на этот раз. Во-первых, в одном из пакетов оказался обрывок газеты «Ленинградская правда» за 21 октября, и на нем — часть пометки, делаемой почтальоном при сортировке: карандашом обозначаются название улицы, номера дома и квартиры, куда адресована газета. В данном случае сохранилась лишь одна цифра — «4», означавшая, несомненно, номер дома или квартиры.

Во-вторых, цвет и рисунок обоев, в которые были завернуты пакеты, — достаточно индивидуальные признаки. Конечно, все ленинградские квартиры обойти невозможно, но в совокупности с другими уликами сработают и обои. Бечевка стала третьим оставленным преступником следом. Наконец, восстановление труп погибшего, возможно, поможет установить личность убитого.

Город жил напряженной, героической жизнью. Люди сопротивлялись врагу и лишениям из последних сил. Женщины и подростки становились к станкам, и заводы продолжали работать. Печатались газеты и книги. Писала свои пронзительные стихи Ольга Берггольц, и ежедневно выходило в эфир ленинградское радио, оставаясь центром духовной и гражданской жизни горожан. А сотрудники ленинградской милиции шли по следам убийцы. Здесь на войну и блокаду скидок не делали. Напротив, время требовало безотказной самоотверженности, мобилизации всех сил.

Голова погибшего подверглась анатомической реставрации. Теперь надо попытаться опознать труп. В течение недели тринадцать человек побывали в морге, чтобы проверить, не пропавший ли без вести их родственник или знакомый обнаружен работниками милиции. Тринадцатый посетитель — сотрудник морского ведомства — установил сходство тела с пропавшим без вести своим сослуживцем, молодым инженером. Появилось основание вскрыть комнату инженера и осмотреть его вещи. В ком-

нате нашли кепку, письма и, что особенно важно, фотокарточку хозяина дома. Да, то был он, тот самый человек, жертва изощренного убийства.

Опыт оперативно-следственных мероприятий требовал отработки личных и служебных связей убитого. Удалось выяснить, что у него были особенно близкие отношения с бывшим сослуживцем, уволенным за месяц до трагических событий. Тут же начала «работать» пометка почтальона на обрывке газеты — бывший сослуживец убитого проживал по адресу: 4-я Советская улица, дом 36, квартира 4! Цифра «4» дважды фигурировала в данном адресе! Прокуратура дала разрешение на обыск в этой квартире.

Здесь были найдены документы и вещи убитого, его ломбардные квитанции, продуктовые карточки и пара новых полуботинок — им предстояло сыграть важную роль в экспертной работе Тихонова. Сотрудники уголовного розыска обнаружили также многочисленные следы крови на полу, оттоманке, обоях, клеенке, топоре, молотке, ноже и ручной пиле. Обои! Они хорошо запомнились сотрудникам милиции. Те самые!

Убийца изворачивался, придумывал все новые объяснения того, как у него дома оказались документы и вещи убитого. И тогда в поединок с ним вступил эксперт-криминалист Тихонов. Серия тонко выполненных экспериментов и исследований приперла преступника к стенке. Военный трибунал войск НКВД приговорил его к расстрелу. Приговор привели в исполнение.

Экспертизы же начались с идентификации отпечатков пальцев погибшего человека с отпечатками пальцев на его вещах — настольном зеркале, никелированном и фарфоровом чайниках, чашке, флаконе из-под духов. Идентификация восстановленного тела также закончилась успешно. Биологические исследования доказали, что замытая кровь в квартире убийцы принадлежит человеку. Обои и шпагат, найденные там же, оказались идентичными тем, какие послужили упаковкой для частей тела. Нашлась и газета «Ленинградская правда» — оторванный кусок идеально к ней подошел. Но, пожалуй, главной уликой стало сличение слепка правой ступни покойного со следами износа в его туфлях.

Дело в том, что пальцы правой ноги убитого имели особое расположение: второй палец был подогнут, а большой и средний его прикрывали. Тихонов снова отправился в морг, чтобы сфотографировать ногу расчлененного трупа, измерить ее, сделать матрицу, а по

Эксперт-криминалист
Никандр
Тихонов.

ней — позитивный гипсовый слепок ступни. Оба слепка — со ступни и туфли — оказались идентичными.

...Тихонов вспоминал сейчас, лежа на своем холодном диване, весь ход расследования, все экспертизы. Воспоминания отвлекали его от мыслей о еде, о смерти. И давали чувство удовлетворения профессией: да, вина преступника должна быть всесторонне и убедительно доказана, только тогда дело можно передать в суд.

Первые же месяцы блокады показали, как обнажила война самое тайное, что глубоко запрятано в людях. В обычное время это тайное может и вовсе не обнаружить себя. Прожив целую жизнь, человек может так и не узнать не только о том, что в его желчном пузыре, к примеру, были камни, но и о том, какие каменоломни имелись в его душе. Он может так и не узнать, на что он способен в экстремальных условиях, каковы скрытые резервы его мозга, воли, характера, нравственности, каковы здесь «допуски».

У большинства людей блокадного Ленинграда обострились чувства товарищества, благородства, самопожертвования, готовности к подвигу. Матери отдавали детям, жены — мужьям, товарищ — товарищу последнюю крошку хлеба. Но у других, пусть немногих, проснулись низменные инстинкты, животные побуждения, способность пойти на преступление ради даже малой корысти.

И в эти тяжкие дни сотрудники ленинградской мили-

ции, уголовного розыска, эксперты-криминалисты думали о Законе, его неукоснительном соблюдении. Пока в осажденном городе торжествует Закон, государство существует. Пока не допущена анархия, государство живет и борется. И они мужественно сражались за это ради жизни и победы.

Но, похоже, его, Тихонова, сражение окончилось. Смерть подкрадывалась тихо, безболезненно, неотвратимо. Он погрузился в дремоту, ту роковую дремоту, когда человек утрачивает чувство времени и не в силах больше думать, осознавать, вспоминать. Вместо мучительного чувства голода пришло ощущение пустоты, легкости, тишины.

Шаги в прихожей.

Чудится, наверное.

Не стоит открывать глаза — слишком велико необходимо для этого усилие. Но шаги все ближе, вот уже совсем рядом. Тихонов заставил себя разлепить сомкнутые веки. У дивана стоял незнакомец. Тот самый, вчерашний. Или позавчерашний? Сколько времени прошло с тех пор, как он унес папиросы? Какое это имеет значение!

Что ему надо? Ведь взять здесь решительно нечего — вот только продуктовые карточки. Но он же мог унести их еще в первый день! Зачем он снова тут? Не мебель же выносить будет! Хотя и мебель сейчас, этой лютой зимой, спасение: ею можно истопить печь...

Незнакомец вышел, потом вернулся с охапкой поленьев. Спокойно уселся на корточки и начал растапливать давно не топленную печурку. Когда огонь разгорелся, человек повернулся к Тихонову, кивнул молча и снова ушел.

Тепло от печки растекалось по вымерзшей комнате, обволакивало, усыпляло. Потрескивание горящих поленьев и щепок звучало в тишине блокадного жилья громко, как живой человеческий голос. И Тихонов уснул. Не провалился в беспамятство, а уснул, успокоенный этим теплом и потрескиванием дров.

Через какое-то время незнакомец снова вернулся. Принес маленький кулек, и в нем — щепотка чая. И еще принес пятьдесят граммов спирта, кусочек дурандового хлеба, елочную хвою, из которой сделал настой и подал умирающему. И снова исчез.

Никандр Николаевич думал о том, как он ошибся. Позднее Тихонов станет упорно искать своего спасителя,

тем более что у сотрудника милиции имеются для этого немалые возможности. Но настойчивые поиски окажутся безуспешными.

Когда Тихонов смог подняться на ноги, он снова вернулся на Дворцовую площадь, где находились тогда и управление милиции, и научно-технический отдел. Здесь он, как и его товарищи, жил на казарменном положении. Отсюда днем и ночью вызывали его по тревоге, если совершалось очередное преступление. Особенно незаменимым оказывался он, если нападение сопровождалось применением огнестрельного оружия.

Пули стали разить свои жертвы еще сотни лет назад, как только на смену холодному оружию средневековья пришли аркебузы и мушкеты. Но криминалистика начала изучать следы, оставляемые пулей на теле жертвы или каком-либо предмете, да и сами пули значительно позднее. Во времена д'Артаньяна и его друзей-мушкетеров людей убивали в упор, из-за угла, явно и тайно, но никому и в голову не приходило искать убийцу по индивидуальным особенностям его оружия. Всерьез над всем этим начали работать лишь в двадцатом столетии, и Тихонов стал одним из первых, кто занялся баллистическими исследованиями, идентификацией оружия.

Очередной трагический случай не замедлил представиться.

Вскоре после выздоровления Тихонова темной морозной ночью на Охтинском химкомбинате убили охранника Куцикову. Оперативная группа осмотрела место преступления, труп убитой. При ней не оказалось служебного пистолета марки «чешска-зброевка». Убийца пристрелил женщину из винтовки и забрал ее оружие. Значит, последуют новые преступления. Но кто он? Как его отыскать?

Тихонов знал: комбинат охраняют красноармейцы войск НКВД — около ста человек. У каждого имелась винтовка. Их предстояло проверить.

Никандр Николаевич поручил своему помощнику начать отстрел винтовок — их изъяли для баллистической экспертизы. Ведь у каждого оружия и у каждой пули — свой «почерк», свои индивидуальные признаки, видимые опытному глазу специалиста и объективам чувствительных приборов. Но стрельба из боевой винтовки — и, соответственно, ее отстрел — дело не безобидное: болезнен не только сильный удар приклада в плечо, но и звуковой удар по барабанным перепонкам стрелка. К тому же для

получения качественного образца отстрелянной пули необходимы по меньшей мере три выстрела из каждой винтовки, чтобы максимально полно воспроизвести микрорельеф ствола, выявить его индивидуальные особенности.

Помощник установил ватный пулеулавливатель и приступил к работе. Современных наушников, применяемых при спортивной стрельбе, тогда, конечно, еще не было. Каждый выстрел завершался звоном в ушах. Боль все усиливалась. Отстреляв тридцать винтовок, продолжать работу помощник больше не смог. Он уже ничего не слышал. И Никандр Николаевич принялся за дело сам.

Оставалось семьдесят винтовок. Надо произвести еще более двухсот выстрелов... Прослужив два предвоенных года в армии, Тихонов имел достаточный опыт обращения с оружием. Но опыт здесь мало что менял: звон и боль в ушах становились все нестерпимее.

И вдруг произошло непредвиденное: одна из винтовок в момент выстрела взорвалась. Эксперта отбросило назад. Он упал на спину и потерял сознание. Из ушей пошла кровь. Контузия прервала работу.

А тем временем в городе было совершено несколько преступлений с применением пистолета «чешска-зброевка». Убийца оставался на свободе. Следовало спешить.

Едва оправившись, Тихонов снова принялся за работу. Он отстреливал одну винтовку за другой. Старался не думать о том, что не проходят ни постоянная боль в ушах, ни ощущение, что в них — вода или вата. Оно сохранилось на всю жизнь. Тихонов в значительной степени утратил слух навсегда. Но один из сотен выстрелов выявил ту винтовку, из которой была убита охранница Куцикова. По оружию в казарме нетрудно найти его владельца. Убийца понес наказание.

Тихонов всегда выполнял любую работу, не думая о себе, не жалея себя. После очередного разбойного нападения с применением огнестрельного оружия пришлось обследовать крышу двухэтажного дома — в ней могли застрять пули. Стояла жестокая зима. Крыша была покрыта плотной ледяной коркой. Никандр Николаевич работал, не думая о морозе, ледяном ветре, пробиравшем до костей, об уходящей из-под ног крыше. Немели руки, перчатки примерзали к топорыку. Ледяная крошка впивалась в лицо.

И вдруг Тихонов начал неудержимо скользить по наклонной поверхности, сорвался и упал с высоты второго этажа на ледяные торосы вниз. Острая боль в ноге не

Никандр Николаевич
Тихонов
в последние годы жизни.

позволила даже шевельнуться. Когда в больнице врачи накладывали ему гипс, они заметили, что пациент, несмотря на то что почти теряет сознание от боли, крепко сжимает что-то в кулаке. Ему разжали пальцы. На ладони лежал маленький кусочек металла — найденная и извлеченная из крыши пуля...

Всю весну он ходил на костылях.

В те блокадные дни приходилось многое делать: устанавливать подлинность или поддельность паспортов, военных и партийных билетов, изъятых у задержанных шпионов и лазутчиков, исследовать тайнопись на бумагах, взятых у диверсантов, фотографировать погибших на улице людей, портретировать трупы — из этих снимков составлялись альбомы неопознанных личностей. Они тоже могли пригодиться сотрудникам уголовного розыска. Доставалось и самое страшное — расследование случаев каннибализма. Тогда же Тихонов написал две работы — «Идентификация оружия по следам от бояка ударника» и «Идентификация оружия по деформированным пулям». Он продолжал пополнять свою картотеку гильз и пуль.

Тогдашняя криминалистическая техника показалась бы нынешним сотрудникам экспертно-криминалистической службы примитивной и малоэффективной. Даже фо-

тоаппараты доставляли ослабевшим от недоедания экспертам множество неудобств: транспорта обычно не было — громоздкую аппаратуру, тяжелые штативы приходилось таскать на себе. Но, несмотря на все тяготы войны и блокады, ничтожная в количественном отношении горстка ленинградских криминалистов провела около двух тысяч экспертиз. Они помогли раскрыть многие опасные преступления, поймать и уличить преступников.

Никандр Николаевич Тихонов — один из этих скромных людей. Он всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, но знал, что на земле больше хороших людей. Он всегда помнил незнакомца, который спас его той первой блокадной зимой, и верил в силу добра и справедливости. Поэтому и сражался за них.

Екатерина Воинова приехала в осажденный Ленинград в октябре сорок третьего года. Впрочем, «приехала» — слово из иного, мирного лексикона. Выпускница Центральной школы милиции семеро суток добиралась до Ленинграда «нелегально», не имея даже пропуска на право пребывания в осажденном городе: получить его в Москве она не успела. Первую ночь на ленинградской земле провела в каком-то сарае. Лейтенант милиции, она со страхом ожидала утра, встречи с патрулем, задержания...

В милицию она попала случайно и для себя неожиданно. В сорок первом окончила в Москве среднюю школу. Затем работала в пошивочной мастерской. Летом сорок второго ее вызвали в милицию. Как и любой человек, Катя испытала чувство робости: время военное, мало ли что!

Со страхом переступив порог дежурной части, спросила:

— Что я сделала? В чем виновата?

Ни в чем, конечно, она не провинилась. Шел призыв в органы охраны порядка...

Обстановка в осажденном городе, жизнь его граждан, вой сирен — все это могло ошеломить. А работа милиции в таком городе не имела ничего общего с тем, чему ее, Катю, учили в школе. Даже кражи в военном Ленинграде имели свою специфику. Нередко похищались продукты. Это понятно: они сулили тогда спасение. Похищали продуктовые карточки. Вор не думал о том, что человек, у которого он украл их, обречен на гибель. Хорошо, если пострадавший работает или живет в коллективе, — ему помогут. А если он остался один — ждать спасения неоткуда.

...Пережив тревожную ночь в пригородном сарае, Екатерина Воинова явилась утром по назначению и начала работать экспертом-криминалистом научно-технического отдела милиции. В его канцелярии она и жила.

Ее не раз вызывали на продуктовые кражи. Молодому криминалисту приходилось исследовать следы зубов на куске сыра или масла. Человек не смог унести весь кусок, и лихорадочно, в состоянии от голода почти невменяемом, хватал зубами желанную пищу. Но ведь другие тоже голодали! И виновного следовало найти.

Однажды пришлось провести весьма необычную экспертизу.

Неизвестные проникли в продуктовый магазин, разбив витринное стекло. На осколках стекла остались три следа ладоней. В совершении этой кражи могли участвовать многие лица из ближайшего микрорайона. Но как по следам рук найти преступника, если вор не профессионал, чьи следы могут отыскаться в картотеке милиции, а новичок? Нельзя же поголовно снимать отпечатки рук у неограниченного количества людей! Закон этого не разрешает. Нужны были конкретные подозреваемые. А их не было.

И тогда родилась необычная и остроумная идея. Пятьдесят человек из числа подозреваемых были приглашены на осмотр к врачу. Во врачебном кабинете в белом халате сидела Екатерина Яковлевна и принимала «пациентов». Особенно внимательно осматривала она их ладони. Рисунки папиллярных линий с разбитого стекла магазинной витрины Воинова старательно удерживала в памяти.

Из полусотни осмотренных она отобрала семнадцать человек. Эта цифра была более приемлемой для следствия. Трое из проверенных лиц оказались преступниками.

Екатерина Яковлевна Воинова прошла свой профессиональный путь скромно и незаметно, как живет и сейчас, погружившись в домашние заботы. Но именно на таких скромных и обязательных людях держится ритм жизни страны, города, завода, учреждения. И служб милиции — тоже. Поэтому и работа Е. Я. Воиновой вошла в историю криминалистики пусть маленьким, но неотъемлемым звеном.

Жаль только, что человек, который захочет узнать о работе Екатерины Яковлевны побольше, поподробнее и станет расспрашивать ее о проведенных в разные годы экспертизах, о впечатлениях, трудностях, пережитых в те дни, услышит в ответ:

— Что вы, ничего уже не помню. Посмотрите архивные дела...

Шла операция на сердце.

Делается не по себе, даже когда просто пытаешься мысленно вообразить обнаженное, развернутое сердце человека и руки хирурга в тонких резиновых перчатках, смелое касание пальцев, инструментов... Каково же бывает человеку, чье сердце должно увидеть яркий свет мощных ламп, склоненное лицо хирурга, ощутить сквозь наркоз прикосновение его пальцев? Наверное, требуется мужество, чтобы решиться на такую операцию.

Любое операционное вмешательство способно вызвать чувство страха, множество опасений, колебаний, сомнений. Но сердце!.. Говорят: «сердечный человек», «принимает близко к сердцу»... Маленький комочек мышц связан в нашем понимании с радостью, горем, любовью и ненавистью. Сердце вложено природой в нашу грудь. А мы, идя дальше природы, вкладываем — или не вкладываем — его в любимое дело, которому служим. Поэтому именно за болезнью сердца в особой степени видятся биография, судьба, жизнь человека. Сердце незаметно для нас откликается на внешние события, лишения, страдания, повышенные нагрузки, накапливает отрицательные импульсы...

А потом сдает, к примеру, митральный клапан.

В марте 1971 года профессор Путов делал очередную операцию на сердце. На этот раз перед ним на операционном столе лежала большая, страдавшая митральным стенозом. Операция прошла успешно. И хирург, выписав пациентку, возможно, вскоре забыл о ней.

Между тем заболевание этого сердца развивалось не в результате инфекции, случайности или возраста. Оно стало следствием судьбы человека. Судьба же у пациентки профессора Путова, подполковника милиции Людмилы Михайловны Федоровой, сложилась необычно.

За год до войны она окончила фармацевтический институт по специальности «судебная химия» и стала экспертом-химиком в научно-техническом отделе ленинградской милиции. Когда началась война, ее муж ушел на фронт. В октябре сорок первого у Людмилы Федоровой родилась дочь Галя.

В большом зале родильного дома с окнами, забитыми мешками, лежали вместе и молодые матери, и младенцы. Ленинград ежедневно терял своих защитников, своих граждан. Но под грохот бомбежек и обстрелов в его убежищах входили в жизнь новые граждане города — они будут его отстраивать и украшать потом, после войны. Вопреки блокадным невзгодам их следовало сберечь, выкормить, вырастить.

Эксперт-криминалист
Людмила Михайловна
Федорова.

Людмила Михайловна тяжело болела, молока не было. Из детской кухни удавалось принести немного соевого молока. Ребенку отдавались последние крохи, последнее тепло и силы. И девочка выжила. Может быть, именно тогда, в те дни, недоедание и холод начали свою разрушительную работу и на нее со временем отозвалось сердце?

В марте сорок второго мать и ребенка вывезли в Вологду, оттуда — в Боровичи. Здесь было относительно спокойно. И молодая специалистка по тонким химическим реакциям, криминалистка уникальной квалификации, стала колхозницей — сеяла, косила, молотила, делала любую работу, какая требовалась. В сорок четвертом вернулась в Ленинград, чтобы снова занять свое место в охране общественного порядка.

Первые экспертизы оказались непривычными: расследование поддельных продуктовых карточек.

Молодые читатели не видели, наверное, небольшие разноцветные прямоугольники бумаги с квадратиками-талонами и заветными словами на них: «хлеб», «мясо», «сахар», «жиры»... В дни блокады и на протяжении двух с половиной лет после нее — до середины декабря 1947 года — продукты в Ленинграде выдавались лишь по таким талончикам. Каждый из них давал надежду на жизнь. Утрата карточек равнялась смерти. Там, где проходит пограничная полоса между жизнью и смертью, вспыхивают страсти, рождаются подвиги, совершаются преступления. Продуктовые карточки оказались в одном из скрещений светлых и темных страстей.

Работницы типографии имени Володарского ежедневно закладывали в печатные машины листы разноцветной бумаги. Клочок такой бумаги, выходя из машины и укладываемаясь в аккуратную стопку, означал тогда спасение, потому что, пройдя печатный пресс, становился продовольственной карточкой. Прихватить одну-другую, отпечатать несколько лишних было, очевидно, несложно. Работниц не проверяли. Они сами решали проблемы долга и чести. Мы знаем сегодня, что немало работниц типографии умерло от голода здесь же, возле станков, рядом со стопками продовольственных карточек.

Но находились и такие, кто подделывал карточки, чтобы урвать лишний кусок для себя. Одни делали это примитивными средствами — чернилами, карандашами, тушью. Рассчитывали, что в полумраке булочных, лишенных зачастую электрического света, при огоньке коптилки или свечи подлог останется незамеченным. Другие создавали фальшивые карточки с применением технических средств — эти выглядели более натурально.

Поддельные талоны становились орудием бескровного убийства. Продуктов в осажденном городе не хватало. И если кто-то получал лишние порции, значит, другой их лишался. Разоблачение изготовителей фальшивых карточек становилось таким же важным делом, как поимка убийц, шпионов, ракетчиков, мародеров и воров. На стол эксперта Федоровой ложились литографские камни, клише, негативы. Давно известно: иные преступники затрачивают на изготовление преступных материалов и приспособлений такой труд и такие способности, какие могли бы принести немалую пользу в правом деле.

Поэтому работникам милиции приходилось бывать в булочных гораздо чаще, чем того требовало отоваривание собственного пайка.

Сегодня трудно себе представить блокадную булочную. Здесь ждали хотя бы минутного утешения страданий, иллюзии сытости, источника надежды. Продавщица, отрезая маленькие дольки тяжелого, сырого хлеба, выглядела жрицей, может быть, богиней, вершительницей твоей судьбы. А вдруг ошибется? Или не хватит? Исправны ли весы? В булочных стояли весы судьбы.

Булочная закрывалась.

Вечером, перед самым закрытием, в помещение вошли несколько человек и предъявили продавщице удостоверения инспекторов. Они потребовали выдать им листы, на которых по правилам клеились вырезанные из продуктовых карточек покупателей талоны с надписью «хлеб».

Количество талонов должно было точно соответствовать количеству проданного хлеба.

Продавщица побледнела, засуетилась. Трудно сказать, знала ли она за собой вину или просто испугалась, но она молча, явно волнуясь, отдала инспекторам заполненные за день листы. На первый взгляд в них все было в порядке: талоны наклеены ровными рядами и, как положено, перечеркнуты вдоль и поперек чернилами.

Инспекторы расписались в получении торговых документов и ушли.

А вечером, исследуя их при свете яркой лампы, увидели, что некоторые талончики выглядят бледнее остальных. И тогда лист с подозрительными талонами отправили на Дворцовую площадь, в научно-технический отдел милиции. Их передали Людмиле Михайловне Федоровой.

Эксперт отделяла талончики один за другим и исследовала клеевой слой. На нескольких квадратиках гербовой бумаги Людмила Михайловна увидела, что клеевой слой отличается от обычного. Анализы показали, что клеились они не один раз. А на их лицевой стороне, рядом со свежей чернильной линией погашения, Федорова обнаружила другие, первоначальные, вытравленные линии. Следовательно, талоны предъявлены и использованы вторично.

Кто мог это сделать? Разумеется, не покупатель. У него просто не было доступа к вырезанным из его карточки и погашенным талонам. Сделать это могли лишь работники главка или сама продавщица. И это предстояло устано-

вить — но уже не эксперту, другим службам милиции.

Лабораторные исследования Федоровой тех лет выглядят для непосвященного человека довольно мрачно: анализы остатков пищи погибших от отравления, поиски яда в трупном материале. Одно сознание того, что за ткани и препараты лежат на предметном столике микроскопа или в пробирках, могло заставить женщину содрогнуться. Но Людмила Михайловна решительно подавляла в себе чувства брезгливости, страха, отвращения. Это ее работа. Она же химик. Служба, охрана порядка требовали не только научных знаний, опыта, интуиции, но и физических и душевных сил. И она отдавала их без остатка. И не думала о том, что сердце тоже расходует свои ресурсы.

Сегодня эта женщина с молодым еще голосом и удивительно молодыми руками занимается обычными домашними прозаическими делами. Но в ее памяти, в ее рассказах — бесценные крупницы времени. В ее руках и сердце бьется пульс тех дней, когда она вместе с товарищами защищала страну, город, Закон.

Сорок пятый — год войны и год Победы. Еще дотлевали угли разрушенных городов, еще стояли голые трубы сельских русских печей, где некому было разводить огонь и печь хлеб. Люди жили еще в землянках, а в больших городах ютились в коммунальных квартирах уцелевших от бомбежек домов. Еще продукты отпускались по карточкам, а промышленные товары — по специальным талонам.

Зима сорок пятого снова выдалась морозной. И согревали людей не только дрова и одежда, но и сознание того, что наступил мир, что больше не будут стрелять, что оружие можно сдать в фонды Музея обороны города.

Морозным декабрьским вечером из трамвайного вагона вышли двое. Они с трудом опустили на снег баллон с кислородом, шланг, резак — приспособления, необходимые для резки металла. Свой груз они укрепили на санках и потащили к подъезду Института инженеров железнодорожного транспорта.

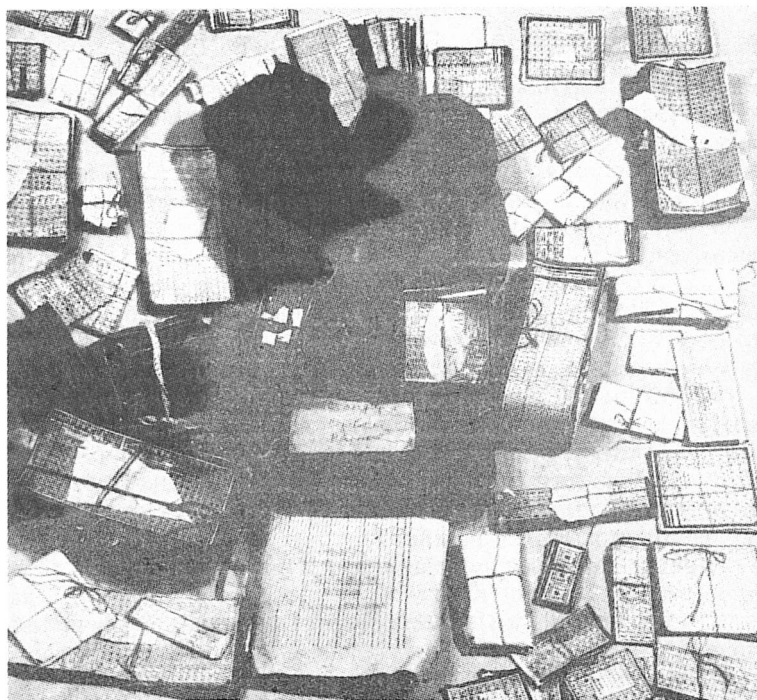
Вахтер в подъезде их не пустил: чего это на ночь глядя вести работы?

Двое спорить не стали. Переглянувшись, повернули назад, вышли на улицу и сгрузили привезенный инвентарь в сугроб. Вместо него взяли ломик, напильник, молоток и направились к другому входу в институт. Его топографию они знали отлично: четыре месяца кряду быва-

**Яков Федорович Рыжий
погиб, выполняя
свой долг.**

**Несметное богатство —
продуктовые карточки
ленинградцев, спасенные
милиционером
Яковом Рыжим.**

ли здесь ежедневно, ходили разными маршрутами по огромному зданию, кружили вокруг карточного бюро.

Но сегодня и тут, у дверей карточного бюро, дежурил вахтер. Его быстро связали, пригрозив пистолетом. Взломать дверь бюро, а затем и дверцу несгораемого ящика с продуктовыми карточками оказалось делом времени и техники.

И вот перед ними — несметное богатство.

Теперь надо быстро уложить добычу. В припасенный портфель пачки карточек не поместились. Тогда сняли с вахтера гимнастерку — ничего, пусть померзнет на лестнице до утра, — сложили карточки в узел и выскользнули на улицу.

Морозная декабрьская ночь темна. Надо уйти как можно дальше. Лучше бы побыстрее сесть в трамвай, но в такой поздний час они, пожалуй, уже не ходят. Придется пешком. Ну да ничего: своя ноша не тянет.

Что это за огонек впереди, у Обуховского моста? Человек что-то осматривает на снегу. Надо бы обойти его стороной. Но человек с фонарем обращает луч света прямо на них — на двоих с узлом и портфелем.

— Что несете? — спрашивает он, и двое видят, что перед ними милиционер. На правом боку полушубка — застегнутая кобура.

— Да вот, книги несем, мы студенты...

— Документы ваши, пожалуйста.

Один из преступников достает паспорт. Когда милиционер пытается на ветру осветить потрепанную книжицу и рассмотреть ее, владелец паспорта в упор стреляет в него из своего парабеллума. Осечка. Милиционер хватается парабеллум за ствол. Начинается борьба. И тогда второй грабитель стреляет из браунинга милиционеру в голову. Тот падает на снег.

Схватив поклажу и отбежав на некоторое расстояние, преступники остановились. Они забыли о паспорте! Надо его немедленно забрать! Иначе скрыться будет почти невозможно. Кинулись назад. Но у распростертого тела милиционера уже толпились люди — что-то кричали, торопили кого-то вызвать милицию и «скорую помощь». Все. Надо бежать. Но бежать с узлом и портфелем — значит, вызвать новые подозрения. Решили спрятать заветное богатство в одном из близлежащих дворов. Взять его придется потом.

Да, брать пришлось потом, вернувшись сюда под конвоем. Уйти не удалось. Проведенные экспертами сложные трассологические экспертизы, исследования

оружия, пули и гильзы подтвердили, что выстрел, смертельно ранивший милиционера, произведен из оружия одного из бандитов. А осколки металла, найденные возле сломанного несгораемого ящика, оказались идентичными металлу, из которого был сделан ломик — орудие взлома.

Содержимое узла и портфеля означало жизнь или смерть не одного, не пяти, а тысяч людей: 4796 талонов на обувь, белье и одежду и 3959 комплектов продуктовых карточек. В переводе на реальные продукты это означало:

3053 килограмма хлеба,

481 килограмм мяса,

214 килограммов масла,

334 килограмма сахара,

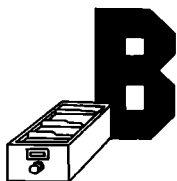
1032 килограмма крупы.

Это также означало, что более шести тысяч человек могли остаться в январе первого мирного года без всех этих продуктов, без сапог, валенок, простынь, рубашек, пеленок. И спас это достояние ленинградец Яков Рыжий, молодой сотрудник милиции. Он погиб, выполняя свой долг, 28 декабря 1945 года, уже в мирное время, когда на фронтах давно умолкли орудия. Он погиб на набережной реки Фонтанки, у дома № 109.

Для него война не окончилась. Яков Федорович Рыжий умер от пули бандита, не приходя в сознание. Но рукой он прикрывал спрятанный за ремнем портупеи паспорт преступника.

В 1944 году Президиум Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий правительства во время войны, за доблесть и мужество, проявленные личным составом, наградил ленинградскую милицию орденом Красного Знамени.

ТАЙНА ДОМОВОЙ КНИГИ

четыре часа ночи, обычное тогда, вскоре после войны, рабочее время, комиссар милиции 2-го ранга Герой Советского Союза Иван Владимирович Соловьев вызвал капитана милиции Потемкину.

— Лидия Васильевна, тут письмо пришло насчет одной девочки, какой-то Любы Ивановой. Знаете ее? Что у вас по этому делу?

Потемкина быстро пробежала письмо.

— Сейчас принесу все, что есть, товарищ комиссар. Разрешите идти?

Когда она вернулась с тремя объемистыми папками, Соловьев удивился.

— Я же вас только про одну девочку спрашивал!

— Вот про одну эту девочку, товарищ комиссар, и набралось три папки переписки, документов, справок, повторных запросов...

Военные судьбы многих мальчиков и девочек материализовались в комнате капитана Потемкиной в объемистые папки всевозможных бумаг. Но первое письмо Любы Ивановой даже в повседневном потоке похожих просьб поразило Лидию Васильевну категорической требовательностью:

«Товарищ Потемкина! Прошу — срочно найдите мою маму. Сообщаю необходимые подробности. Фамилия — Иванова. Зовут Марией. Рисунок нашего дома под Выборгом я сделала и прилагаю. Так что надеюсь, вы скоро найдете маму и сообщите мне о результатах и ее адрес. Люба».

Ничего не скажешь, на редкость оригинальные данные для розыска: Иванова! Да к тому же Мария! И еще — детский рисунок какой-то избушки! Такого сочетания сведений просто не придумаешь. Но капитан Потемкина спокойно и решительно принялась за розыски.

После войны почта стала работать лучше, оперативнее, ответы на запросы начали приходиться в Ленинград

Герой Советского Союза
Иван Владимирович
Соловьев.

регулярно, без долгих задержек, вызванных блокадной обстановкой. И поток запросов обрушился на Потемкину: люди искали близких.

Девочка Люба Иванова ожидала быстрых результатов, предполагая, возможно, как это случается со многими даже взрослыми людьми, что ее письмо, просьба, дело — единственные в своем роде и должны быть рассмотрены немедленно.

Лидия Васильевна, спокойно реагируя на Любину нетерпеливость, снарядила в Выборг целую комсомольскую экспедицию искать домик по детскому рисунку, искать в районе, где прошумела война и где сгорели тысячи домов. Странная для окружающих группа молодых людей ходила по деревням с каким-то листком в руках и пристально оглядывала уцелевшие дома, похожие один на другой, как близнецы. Хозяйки, притаившись за занавесками, пугались — уж не комиссия ли какая? А то и впрямь была комиссия — для розыска Любиного домика и Любиной мамы.

Чудеса начались и успешно продолжались. Комсомольцы из Ленинграда нашли дом, в котором до войны жила со своей мамой Люба Иванова. Порасспросили соседей. И потянулась очередная ниточка поиска доброй службы милиции, где ищут не преступников, а хороших людей, чьих-то родных и близких.

Между тем Люба продолжала писать из Москвы, где она теперь жила и училась в ФЗУ, сердитые письма:

«Товарищ Потемкина, я вас не понимаю! Неужели до сих пор не нашли маму? Я же все данные послала, чего же еще? Что-то вы не торопитесь с поисками!..»

Лидия Васильевна, про себя прозвав Любу ругательницей, спокойно вкладывала ее сердитые письма в соответствующую папку и, независимо от них, слала все новые запросы в далекие от Ленинграда города и поселки, где, по некоторым косвенным и туманным данным, могла проживать Любина мама, Мария Иванова. Ответы приходили более или менее исправно. Марии Ивановы проживали во всех городах и поселках, куда шли запросы из Ленинградского управления милиции. Но это каждый раз оказывались другие Марии. Другие Ивановы.

Капитан Потемкина не отступала. Искала по всей России Марию Иванову. Из домика под Выборгом. Если в огне войны уцелел домик, то должна же найтись его хозяйка!

Тем временем требовательная Люба лично прибыла в Ленинград и с утра пораньше явилась на Дворцовую площадь, прямо к Потемкиной. Она приехала бороться с бюрократией.

— Чем вы тут занимаетесь? Никак не пойму, где, наконец, моя мама? Ведь не иголка же человек!..

Лидия Васильевна спокойно выслушала упреки, потом спросила:

— Ты где остановилась? Жить-то есть у кого?

Растерявшись от неожиданного поворота событий, Люба призналась, что пришла прямо с вокзала и жить ей нигде.

— Тогда погоди немного, освобожусь — и пойдем, поживешь пока у меня. А потом, может, и мама найдется.

С этого дня началась их дружба.

А маму девочки Лидия Васильевна нашла. Вопреки тому, что поначалу не было никаких реальных «зацепок». Вопреки тому, что искать в России неизвестную Марию Иванову — занятие из области фантастики. Вопреки тому, что война перетасовала миллионы людей и многие жили теперь совсем не там, где проживали прежде. Вопреки тому, что Любина мама давно поменяла фамилию. Вопреки тому, что из Павлодара, где она обосновалась после войны, уже не раз приходили отрицательные ответы. Лидия Васильевна пренебрегала отписками, не брала их на веру и отправляла новые запросы — наперекор канцелярскому бюрократизму адресных столов. Любину маму нашли даже вопреки тому, что сама она не пыта-

лась искать свою дочь,— а ведь это очень ускорило бы дело!

За годы блокады из состава ленинградской милиции 1617 человек ушли добровольцами на фронт. 970 умерли от голода. 168 человек погибли от обстрелов и бомбардировок. 125 человек было ранено и контужено. Сотни ленинградских милиционеров несли свою напряженную службу на улицах осажденного города, голодая и замерзая, как все. А капитан милиции Лидия Васильевна Потемкина, почти не покидая своей комнаты в управлении милиции на Дворцовой площади, занималась «писаниной». Но эта «писанина» спасла, как официально установлено, 25 тысяч детей, вернула им близких, восстановила их семьи, нередко даже — собственные имя и фамилию, поначалу утраченные в круговерти военного лихолетья.

На каждого ребенка составлялась специальная учетная карточка с указанием всех имеющихся данных: имени, адреса, особых примет, возраста, первоначального местонахождения в доме малютки, детском доме, доме инвалидов или распределителе милиции. Сюда же заносились имена и фамилии близких и знакомых семьи, если они обнаруживались. Распухали и специальные папки с документацией, тоже заводимые на подопечных. Картотека ширилась и наполнялась на протяжении всей блокады и в течение ряда лет после окончания войны. В этом собрании детских судеб и драм насчитывалось около 100 тысяч карточек, 25 тысяч пухлых дел — иногда по два-три тома каждое. И все эти драгоценные сведения бережно хранились в специальном шкафу, оказавшемся для этой цели очень удобным. В нем стояли ящики с картотекой. Хранились в строгом порядке папки. Там, как в зеркале своеобразного телескопа, отразились тысячи «небесных тел» человеческой галактики. Этот шкаф стал куда драгоценнее многих похожих по внешнему виду шкафов не только с домашним скарбом, но и с музейными экспонатами. Здесь, в комнате у Потемкиной, таились человеческие судьбы. Лидия Васильевна не думала, конечно, о том, что когда-нибудь, после войны, материалы из этого шкафа могут послужить неоценимым, фантастически богатым источником для многих документально-исторических книг, кинофильмов, романов, драм, а может быть и комедий. Это приходит в голову только теперь, дорогой многоуважаемый шкаф!

А Иван Владимирович Соловьев, прославленный танкист, герой и почетный гражданин Варшавы, после

войны вступив в должность начальника ленинградской милиции, понял той ночью, читая сердитое письмо Любы Ивановой, какая в управлении ведется необыкновенно важная работа не только по пресечению преступности, но и по спасению детей.

Однажды к Лидии Васильевне обратился капитан 2-го ранга, разлученный войной с семьей и детьми. Его рассказ, опубликованный в свое время журналом «Нева», отражает лишь один эпизод из множества поисков Потемкиной, один из десятков тысяч случаев со счастливым концом.

— В конце сороковых годов встретился я со своими детьми после семилетней разлуки. Если бы не Лидия Васильевна, встреча произошла бы значительно позже. А скорее всего, она не состоялась бы совсем. Страшно даже подумать...

Расстался я с детьми в Ленинграде, в разгар блокады, а встретились в Сибири! Мне кажется, Потемкина совершила чудо. После войны, уже обратившись к ней и занимаясь собственными поисками год за годом, я совсем потерял надежду. Однажды пришел и говорю: «Ладно, Лидия Васильевна, хватит. Оставьте. Я вижу, вы сделали все возможное...» А она строго и грустно посмотрела на меня, головой покачала: «У вас нервы сдают. Так вот, пока есть хоть крупичка надежды — не отступлюсь. Буду искать». И продолжала свой поиск. Сотни запросов, горы перевернушенных архивных бумаг, десятки опрошенных людей. «Дело» превратилось в пухлый том. Но Потемкина знала на память каждую справку, помнила содержание каждого письма...

Теперь мои дети взрослые, внучка родилась. Она, конечно, не знает Лидию Васильевну, но когда вырастет, я расскажу ей об этой женщине!

...Розыск детей капитана 2-го ранга Потемкина начала через пять лет после того, как они были эвакуированы из Ленинграда. Пять лет в те годы — срок огромный. Миграция населения совершалась бурно и безостановочно. А исходные сведения выглядели неутешительно. Сопровождать детей капитана на Большую землю вызвалась малознакомая женщина, пообещав доставить их родным в Саратовскую область. Ей доверили маленьких детей. Но и женщина, и дети бесследно исчезли.

Потемкина располагала тремя фактами: номером эвакуэшелона, датой эвакуации и фамилией женщины.

Пять минувших бурных лет сводили ценность этих фактов почти на нет. Лидия Васильевна пыталась решить очередную формулу со многими неизвестными, но на все ее запросы приходил стандартный ответ: таких детей в нашем городе, районе, детдоме нет.

Поиск пошел и по другому пути: следовало попытаться найти на просторах нашей страны женщину, взявшую на себя труд и ответственность доставить детей их близким. Реально ли это?

Реально!

Удалось отыскать родителей женщины, они проживали в Закарпатье. Но почему-то всячески скрывали местонахождение дочери. На вопросы Потемкиной отвечали по-разному: «Уехала с санитарным эшеленом»... «Сбежала с проезжим военным»... Однако уловки не помогли. Лидия Васильевна нашла их дочь.

И вот — новый этап переписки, на этот раз с самой антигероиней данной истории.

«Где дети?»

«Не знаю. Тогда по дороге началась бомбежка. Они остались на какой-то станции...»

«На какой?»

«Не помню, кажется... Нет, не могу вспомнить».

«Назовите хотя бы край или район».

«Вроде бы где-то в Пермской области...»

Проследить путь и судьбу эвакуэшелона, далеко, конечно, не единственного в те годы, — задача действительно для криминалиста, к тому же человека с железным упорством. Узнать, в какие дни и на каких станциях его бомбили, это уже почти из области невероятного — ведь, повторяю, прошло пять лет. И все же такую изыскательскую работу Потемкина проделала. Выяснилось: эшелон уцелел, но след его затерялся на просторах Сибири.

Все областные и районные центры на пути эшелона отвечали на запросы из Ленинграда отрицательно. Детские дома и приемники тоже. Число писем с короткими стандартными ответами, нанося новые удары по надеждам, все увеличивалось, их насчитывались сотни. Это могло обескуражить и привести в отчаяние кого угодно, даже отца детей. Но только не Лидию Васильевну. Она не верила, не хотела верить ни единому отрицательному ответу. Она верила только в положительные. И посылала повторные запросы по уже знакомым адресам, понимая, что ничего, кроме чувства досады и раздражения, ее настойчивость там не вызовет. Впрочем, это мало ее беспокоило, она все равно писала без устали.

Добрый гений
блокадных детей —
Лидия Васильевна
Потемкина.

Вы, читатель, уже понимаете, что детей капитана 2-го ранга Сашу и Люду Потемкина нашла. Они оказались в деревне Сарбалык Новосибирской области. А в детском доме, где они жили, имелись ложные, неведомым путем полученные сведения, что дети — сироты.

Приходится признать: в числе адресатов Потемкиной находились люди невнимательные, недобросовестные, равнодушные. Лидия Васильевна угадывала их по стилю ответов, по духу писем — и писала снова. Представим себе на мгновение вещь невозможную — что и у самой Потемкиной было бы холодное, равнодушное сердце чиновника. Что бы из всего этого получилось? А ничего путного, как всегда в таких случаях. Просто тысячи детей так и не нашли бы своих родителей, а родители — потерянных сыновей и дочерей. Многие люди, вырастая в детских домах и приютах, и по сей день, может быть, считали бы себя сиротами — при живых родителях! — и носили бы, вполне возможно, иные, случайные фамилии добрых людей, которые подбирали их на блокадных ленинградских улицах. Многое сложилось бы иначе!

Откуда берутся такие люди, как Потемкина? Как научилась она противостоять равнодушию? Трудно однозначно ответить на эти вопросы.

Семья у матери была большая, детей много, отец умер рано. Лида упорно рвалась в школу вопреки желанию мамы: не до учения было, в крестьянской семье требовались руки. Но в самые суровые зимы каждое утро Лида

шла в школу, расположенную от дома в пяти километрах. Шла, потому что хотела учиться. После седьмого класса по шпалам отмахала сорок километров — в Вологду, чтобы поступить в фабрично-заводское училище при вагоно-ремонтном заводе. Здесь готовили специалистов для работы сугубо мужской. Но и здесь Лида училась настойчиво. Потому что хотела учиться. В 1931 году приехала в Ленинград. Снова училась. Устроилась работать на фабрику имени Желябова. Поработав ткачихой, Потемкина перешла в плановый отдел. Может быть, именно здесь научилась она систематизации материала, методичности и плановости в работе, строгой, неукоснительной отчетности. Кого это, да еще в молодости, способно увлечь? Но Лида Потемкина, сама того не подозревая, готовила себя к подвигу, необычному подвигу, какой ей предстояло совершить в дни войны, а потом и в мирное время.

В день начала войны экономист Октябрьской железной дороги Потемкина оставила свою комнату в коммунальной квартире на улице Герцена и перешла на казарменное положение. Многие жильцы этой квартиры разъехались. Оставались одна или две семьи и даже двое мальчишек. Наверное, тоже уедут в эвакуацию, думала Лида. Что им делать теперь в Ленинграде?

В августе сорок первого женщин из управления дороги спешно послали убирать урожай овощей под Ленинградом — продуктов уже не доставало. Их высадили из товарного вагона на станции Поповка.

Это что за остановка —
Бологое иль Поповка?
А с платформы говорят...—

как далекий сон всплывали в памяти молодых ленинградок строки Маршака о Рассеянном с улицы Бассейной. Когда они начали собирать капусту, морковь и лук, выяснилось, что вражеские войска наступают уже в нескольких километрах отсюда. Пришлось, побросав овощи, спасаться бегством.

Ребенок Лидии Васильевны умер в младенчестве. Воспитала троих племянников — детей рано умершей сестры. А 29 мая 1942 года стала сотрудницей новой милицеской службы. Со времен революции и гражданской войны не было в городе столько беспризорных детей, сколько в начале Великой Отечественной. Решение Совета Народных Комиссаров, принятое в начале 1942 года, обязывало органы НКВД выявлять детей, оставшихся без родите-

лей, размещать их в специальных приемниках-распределителях, а затем устраивать в детские дома, а тех, кто постарше, отправлять по возможности на производство и в сельское хозяйство. Поиски и спасение детей стали важнейшим государственным делом.

В первые дни Лидия Васильевна понятия не имела, как подступиться к новому делу. С фронта шли солдатские треугольники с мольбами узнать что-нибудь о судьбе семьи, детей. С Большой земли шли письма эвакуированных людей, наполненные тревогой, страхом, отчаянием. Они приходили в Ленинград нечасто, но зато одновременно целыми пачками. И тут начиналась работа — днем и ночью, сутками напролет. Сухая канцелярская деятельность подогревалась душевной болью, страданиями людей, стремлением хоть чем-то им помочь. Пронзительным оказалось письмо с фронта, написанное на листке школьной тетради сержантом Ершовым. Его жена умерла в блокадном Ленинграде. Остался сынишка, Женечка. Совсем один. «У него родимое пятнышко на левом ушке!..» — писал сержант в отчаянии, видимо, ни на что уже всерьез не надеясь. Кто там, в городе-фронте, станет искать его Женечку с родимым пятнышком на ушке! Смешно же!..

Сержант Ершов не знал, что в городе-фронте несет свою службу капитан Потемкина.

Она нашла мальчика с родимым пятнышком на левом ушке. Но вот незадача: в детском приемнике мальчика с указанной приметой звали Витей. А фамилии у малыша вообще не имелось — он еще не мог ее знать и произнести. И тогда Лидия Васильевна обратилась к командованию фронта с просьбой откомандировать сержанта в город — для опознания ребенка. Ершов примчался взволнованный, потрясенный, а когда увидел Витю, который оказался его, его Женечкой, у сурового военного человека на глазах выступили слезы.

Потемкина и в дальнейшем пользовалась возможностью вызывать людей с фронта хотя бы на один день, чтобы отец нашел сына или дочь, опознал их. И в очередную карточку в потемкинской картотеке заносились новые, уточненные сведения. Например, зачеркивалось имя «Витя» и сверху писалось: «Евгений»... Не раз видела она слезы счастья, слезы горя и разочарования. К ним не привыкнешь!..

Приходилось опознавать и погибших детей. Их имена тоже попадали в картотеку. Ведь могут прийти новые письма от близких этих детей — и тогда долго искать не

придется. Однажды, забежав за какими-то вещами к себе на квартиру, на улицу Герцена, в роскошный дом, где когда-то, давно, помещалась знаменитая ювелирная фирма Фаберже, а теперь стыло на морозе выморочное человеческое жилье, она, войдя в кухню, увидела два мальчишеских трупа. Это были ее недавние соседи. Больше в квартире не оказалось ни одной живой души. Потемкина организовала похороны мальчиков и, понимая, что она теперь — единственный человек, кто знает их имена и фамилии, тоже внесла их в новую, очередную карточку. В мемориал памяти.

История мальчика Вити Хачуа началась в канун войны. Родители отправили его с бабушкой на каникулы в деревню поездом Ленинград — Шклов. И были уверены, что увидят сына в конце лета выросшим, загоревшим, возмужавшим. Этому не суждено было сбыться.

Началась война. Витины родители слали бабушке телеграмму за телеграммой с требованием немедленно вернуться. Но в ответ из белорусской деревни пришло письмо от девятилетнего Вити: «Дорогие папочка и мамочка, не волнуйтесь, здесь очень хорошо, а фашистов мы разобьем». На этом связь родителей с сыном прервалась.

А потом началась «одиссея» Вити Хачуа.

Вместе с бабушкой он пешком пробирался в Смоленск. Оттуда они повернули в сторону Пскова. Гитлеровцы наступали. В дороге бабушка умерла. Витя остался один. Попал к немцам. Фашисты согнали беспризорных детей в холодный барак. Многих малышей выносили оттуда мертвыми.

Какая-то добрая женщина уговорила оккупантов отдать ей Витю — якобы для работы в поле. Но вскоре мальчик снова оказался один. Прятался по чужим задворкам, ел что попало, скрывался в лесах. Теперь он находился в «мертвой зоне», недостижимой для запросов инспектора Потемкиной. А Витины родители, эвакуированные в Омск вместе с заводом, на котором работал отец, умоляли Лидию Васильевну предпринять хоть что-нибудь для розыска сына. Что можно в данном случае предпринять, они и сами не знали.

Только в сорок четвертом году Вите Хачуа чудом удалось пересечь линию фронта. Он попал в расположение одной из наших частей. Его привели к командиру.

— Как ты здесь оказался? — Командир части смотрел на отощавшего, обросшего мальчишку с изумлением.

16 10.43. года

Красноармейское спасибо
за вашу работу и заботу о
бойцах по розыску пропавших
вояков, от мамы и моих
братовых друзей.

Боевой привет отряд
математической школы от
бойцов казачьего истребительного
бата. "Смерть немцам!
назад!" Вперед к
Войне.
1943 г.

В.Ф.И.И.И.

Письмо с фронта.

И Витя рассказал всю свою историю. А закончил тем, что о судьбе родителей ничего не знает.

— А фамилия твоя какая?

— Хачуа.

— Пойди-ка, а отца не Александром звали?.. — спросил командир и вдруг осекся, поняв, что говорит об отце мальчика в прошедшем времени.

— Его зовут Александр, — бессознательно, может быть, перевел Витя разговор в настоящее время.

— Так мы с ним до войны на одном заводе работали! Надо же!

И Витя Хачуа стал сыном полка. Ему подобрали по росту шинель и обувку, отмыли, накормили, подстригли. С этой частью и вернулся мальчик в Ленинград. И так как адрес свой он не помнил — кажется, где-то на Крестовском острове — и родителей там все равно давно уже не было, его передали в детский приемник.

И тут он снова попал в сферу действия тех добрых сетей, какие раскинула по всей стране инспектор Потемкина. Через некоторое время встреча Вити с родными состоялась. И произошла она в кабинете Потемкиной. Витя расплакался. Плакали и взрослые. Впрочем, этот кабинет не впервые видел слезы горя и радости.

А Владимира Оганжяна, разысканного Потемкиной по очередным запросам в другом ленинградском детском доме, встречали в родном Ашхабаде... с оркестром! В ашхабадской газете даже заметку напечатали. Шутка ли, нашелся человек! Вернулся в родной город, можно сказать, из небытия!

Дети обретали родителей. Родители — детей. Лились слезы радости. Даже, как видите, оркестры гремели. А капитан Потемкина получала главную награду: «Спасибо вам, Лидия Васильевна, вы помогли нам найти друг друга!..»

Когда Лидия Васильевна Потемкина, выйдя в отставку, зашла по каким-то делам в свой отдел, она увидела, что шкафа с ее картотекой и папками уже нет.

«Дорогой, многоуважаемый шкаф...» — знаменитая фраза Гаева из чеховского «Вишневого сада» звучала печально...

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?..

то рассказ о несчастном случае.

Это рассказ об Испытании. Заглавная буква в данном случае — уважение к судьбе, которая его ни-спослала, чтобы развенчать человека.

Это рассказ о мужчине, которого считали суперменом.

Это рассказ об эксперте-криминалисте. Он придумал и провел уникальную экспертизу, чтобы выявить истину.

Печально, но иногда именно несчастный случай может ясно показать всем, кто есть кто.

Из электрички мальчики и девочки высыпали на перрон. Настроение у всех с самого утра было восторженным. Еще бы! Вместо скучных, привычных уроков в классе — занятия плаванием, да не в искусственном бассейне, а в самом настоящем озере!

Преподаватель физкультуры Юрий Михайлович утихомирил учеников 6-го «А» и повел к озеру. Девочки на ходу срывали полевые цветы, мальчишки и здесь, в пути, успевали перекинуть друг другу футбольный мяч. Да и зачем ходить строем? Пьянила свобода.

Юрий Михайлович не придирался к своим воспитанникам, никогда не читал им нотаций, а замечания делал только по существу занятий. Прививать подросткам духовные, нравственные и всякие прочие знания и принципы — дело других учителей. Его дело — попытаться сделать тех, кто этого хочет, не хлюпиками какими-нибудь, а гармонично развитыми молодыми людьми, здоровыми и бодрыми. Никто точно не знает, как это делается, ведь каждый человек индивидуален, к каждому нужен особый подход. Но Юрий Михайлович воздействовал еще и собственным примером.

Всегда подтянутый, свежий, в глухом свитере или элегантном тренировочном костюме, в начищенных до зеркального блеска ботинках, с ухоженными ногтями, он излучал какую-то уверенность и вел себя обходительно и услужливо. Учительницы школы ставили его в пример учителям-мужчинам, упрекая их в недостаточной галантности. Им нравилось и льстило, что он видел в них не

сослуживиц, а женщин, и забытое женское ощущение мужчины — защитника, опоры, надежной стены создавало вокруг Юрия Михайловича ореол супермена.

На уроках физкультуры он всегда бывал ровен, никогда не сердился на неловких учеников, а, демонстрируя выдержку, терпеливо объяснял им промахи и ошибки. Когда во время занятий на сложных снарядах он поддерживал девочек, готовых упасть, они розовели от смущения, угадывая в нем, в прикосновении его крепких рук не только адепта физической культуры, но и мужчину. Мальчишки удивительно точно улавливали эти флюиды, отчаянно ревновали и изошрялись в остроумии, желая низвести Юрия Михайловича с того мужского пьедестала, на каком им самим хотелось утвердиться. Но их натужные остроты угасали, едва вспыхнув, как отсыревшие спички. Девочки взглядывали на них презрительно, и в этих взглядах чернела та пропасть, что отделяла мальчиков-подростков от уверенного в себе, что-то знающего о жизни и многое испытавшего Юрия Михайловича.

О его личной, семейной жизни иногда говорили шепотом, но никто точно ничего не знал, и покрывало тайны придавало Юрию Михайловичу еще большую загадочность и привлекательность.

На пляже школьники быстро разделись и выстроились в плавках и купальниках. Юрий Михайлович открыл свою изящную кожаную папку, достал чистый лист бумаги и записал фамилии тех, кто присутствовал на занятии. Потом началась разминка. Одежда, сложенная аккуратноными кучками на песке, как бы огораживала класс от общего пляжа пестрым пунктиром.

Разминка окончилась. Юрий Михайлович сказал:

— Пошли в воду. Далеко не заходите. Для того чтобы научиться плавать, вовсе не обязательно, чтобы дно под ногами не было. Я покажу вам основные приемы и правила. Главное — не задерживайте дыхания, не напрягайтесь, будьте свободны и легки. Бояться нечего: вода вас удержит...

Урок на воде начался.

Вокруг 6-го «А» купались отдыхающие, дачники, туристы. Холодная после солнцепека вода сначала обжигала, потом никак не хотелось оторвать от мягкого илистого дна ноги, чтобы лечь на воду и отдаться ее упругости, нежным качелям легкой волны. Юрий Михайлович показывал самым храбрым приемы и стили. Поддержи-

62 АДЕПТ (ЛАТ.) - ДОСТИГШИЙ.

Флюид (ЛАТ.) - БЕКУЧИЙ.

вая ученика под животом, он приговаривал: «Давай, давай, никуда не денешься, не бойся лицо замочить, не бей ногами беспорядочно! Чувствуешь, как вода тебя держит? Вот и плыви...»

Те, кто был пока свободен от занятий, наслаждались солнцем, радостным ощущением жизни и совершенно не тужили, что еще не наступила их очередь лежать животом на сильной руке Юрия Михайловича и беспомощно барахтаться в этой прозрачной и ненадежной воде. Мальчишки и тут затеяли игру с мячом. Девочки их сторонились: от игроков летели тучи холодных брызг. Чувство свободы и веселья не проходило.

Вдруг резкий крик вырвался из общего разноголосого шума. Его можно было бы и не различить среди воплей мальчишек, их нарочито громкого хохота, визга девочек. Но этот крик перекрыл все прочие звуки, и над озером повисла тишина. Брошенный мяч медленно и безвольно покачивался на воде, уплывая все дальше и дальше от берега. Все обернулись в ту сторону, откуда раздался крик.

Девочка, стоя по пояс в воде, почему-то пятилась и пятилась к берегу, держась руками за голову и глядя себе под ноги. Юрий Михайлович и остальные школьники бросились к ней. Когда класс сгрудился вокруг кричавшей девочки, все увидели: под водой в какой-то неестественной позе медленно покачивался Андрей Васильев, ученик того же класса. Он не плыл. Руки и ноги его раскинулись в стороны, лицо под водой. Открытые глаза смотрели куда-то в пространство, но мальчик не делал никаких попыток встать, вынырнуть на свежий воздух, на солнце, глотнуть живительного ветра.

Юрий Михайлович и мальчишки схватили его за руки, за плечи, попытались поднять, поставить на ноги. Тело поддавалось их усилиям. Но встать на ноги Андрей не пытался. Колени его подгибались, и он снова опускался в воду.

— Скорее на берег его, он же тонет!— кричали ребята.

Непослушное тело Андрея положили на прибрежный песок. Юрий Михайлович кинулся делать ему искусственное дыхание. Он делал это энергично и умело. Время от времени его сменяли мальчишки. Из рта Андрея вылилось немного воды. Но никаких признаков дыхания не было. Лицо мальчика покрывалось бледной синевой.

Он был мертв.

Все дальнейшее вспоминалось потом как в тумане. Кто-то бежал к телефону — вызывать «скорую». Кто-то

предлагал звонить родителям Андрея, чтобы вызвать их сюда, на озеро, но никто так и не решился на это. Юрий Михайлович, бледный, но собранный, пытался погасить панику, сделать все необходимое. Приехала «скорая». Врач склонился над телом мальчика. И сразу поднялся. «Ничем ему уже не поможешь», — бросил он и кивнул санитарам. Они принесли носилки, положили на них Андрея, с его плавок комьями падал мокрый песок. Двери медицинского микроавтобуса закрылись. Санитарная машина развернулась и стала подниматься по берегу к шоссе.

Все было кончено.

На другое утро в кабинете директора школы собрались учителя. Рядом с директором расположился следователь из Главного управления внутренних дел, капитан милиции. Юрий Михайлович сидел со своей папкой в руках, и только его пальцы, слишком крепко сжимавшие папку, выдавали волнение. Впрочем, это мог заметить лишь очень наблюдательный человек.

— Расскажите, как все случилось, — обратился следователь к преподавателю физкультуры.

— В том-то и дело, что я не видел. Занимался с двумя учениками, когда вдруг раздался крик одной из девочек. Вы же понимаете, что за всеми сразу не уследишь, тем более на воде. Ведь около двадцати человек! Поймите меня правильно, ответственности с себя я не снимаю и оправдываться не хочу, но дело в том, что Васильева вообще не было в той группе, которую я вез на озеро. Откуда он появился?! Может, приехал с родителями или опоздал к нашей электричке и догонял самостоятельно...

— То есть как это не был? Как это можно доказать?

— Видите ли, — медленно, будто подбирая слова, начал Юрий Михайлович, — на уроки физкультуры, как вы знаете, обычно приходят далеко не все учащиеся. У одного — освобождение от врача, другой прогулял, третьи вообще под любым предлогом отлынивают. Поэтому, чтобы вести учет посещаемости, я каждый раз, перед началом каждого урока, составляю список тех, кто пришел...

— Ну, а на озере? Вы не составили такого списка?

— Почему? Составил как обычно. Вот он! — С этими словами Юрий Михайлович раскрыл папку и достал лист исписанной бумаги. — Пожалуйста. Вы можете убедиться, что Андрея Васильева здесь нет.

— Может, вы его не заметили среди ребят? — спросил директор.

— Не мог я не заметить. Они выстроились в шеренгу. И я, стоя перед ними, записывал одного за другим.

Зная Юрия Михайловича, учителя были уверены: он спас бы любого ученика, даже рискуя жизнью.

Когда общий разговор закончился и педагоги разошлись, следователь остался с директором.

— Придется поговорить со школьниками. Иного выхода я пока не вижу. Вы могли бы предоставить мне какую-нибудь комнату? Их придется приглашать по одному.

— Да в любом свободном классе! А можно ребят допрашивать? Их ответы будут иметь юридическую силу?

— Закон требует, чтобы детей до четырнадцати лет допрашивали в присутствии родителей или учителя. Если классный руководитель шестого «А» сегодня здесь, все будет нормально.

Следователь и классный руководитель, учительница литературы и русского языка, приглашали мальчиков и девочек к себе по одному, усаживали, просили не волноваться и как следует вспомнить, был ли Андрей Васильев с ними с самого начала поездки.

Школьники входили посерьезневшие, тихие, усаживались на краешек стула. Видно было, что процедура допроса им неприятна. Результаты оказались неоднозначными. Одни говорили, что Андрея, кажется, с ними не было. Другие — что не помнят, не обратили внимания. И все же больше половины ребят сказали, что Андрей всю дорогу был с ними.

Вернувшись в кабинет директора, следователь попросил снова вызвать преподавателя физкультуры. Тот вошел, как всегда подтянутый, уверенный, без тени смущения на лице.

— Юрий Михайлович, разрешите мне еще раз взглянуть на ваш список... Я, с вашего разрешения, возьму его ненадолго с собой!

— Пожалуйста! — спокойно ответил Юрий Михайлович.

На другой день следователь пришел в экспертно-криминалистический отдел. В одной из лабораторий работал эксперт Борис Владимирович Краверский, тогда еще молодой специалист, а позднее — подполковник милиции, заместитель начальника отдела.

— Борис Владимирович, что вы могли бы сказать об этом списке? Не бросается ли что-нибудь в глаза?

Ветеран экспертно-криминалистической службы
Борис Владимирович Краверский.

Краверский разглядывал бумагу, вертел ее и так, и эдак, смотрел на свет.

— Нет, ничего особенного я здесь не вижу. Список как список. Если вас интересует, нет ли здесь исправлений, подчисток или других дефектов, то это можно проверить.

Краверский занялся принесенной ему бумагой. Современная аппаратура позволяет выявлять всевозможные дефектные документы. Тайное здесь наглядно становится явным. Но и приборы ничего предосудительного в списке учеников 6-го «А» класса не обнаружили. Все было в полном порядке.

— Ни подчисток, ни исправлений в списке нет,— сказал Краверский.— Расскажите мне, в чем тут дело, в чем заговodka. Может быть, родится идея!

Следователь поведал эксперту историю происшествия. Рассказал и о собрании в школе, и о разговоре с преподавателем физкультуры, и о допросе учеников класса.

— Как, вы говорите, составлялся этот список?

— По словам физкультурника, на пляже, перед строем ребят.

Краверский задумался. Какая-то интересная идея крутилась в голове, но не удавалось ухватить ее суть. Что-то в этом есть! Человек берет папку, использует ее для письма как плоскость стола, пишет стоя. Хорошо.

Лгать насчет папки или о том, что писал стоя,— никакого резона. Да и как иначе можно писать на пляже?

А, собственно, почему обязательно на пляже? Он ведь мог составить свой список, скажем, в электричке. Допустим. Но тогда от толчков вагона строчки обязательно оказались бы неровными. Этого незаметно. Список составлен аккуратно, довольно четко, вполне разборчивым почерком. Что из этого следует?..

Краверский расспросил следователя о подробностях несчастного случая. Услужливая память сигнализировала, что хранит какую-то ассоциацию, что-то очень похожее. Так бывает: начинает казаться, что происходящее сейчас уже было с тобою раньше. Но где, когда, с кем?.. Надо вспомнить.

Зима. Каток на расчищенной у городской набережной реке. Подростки катаются на коньках при свете заходящего зимнего солнца. Может быть, духовой оркестр играет традиционный меланхолический вальс... Да, конечно, это пришел сюда кататься на коньках Клим Самгин с другими мальчиками и девочками. Неожиданно провалился под лед и начал тонуть приятель Клим Борис, страстно Климом ненавидимый. Борис взывал о помощи, цепляясь красными руками за кромку льда, а лед все крошился и крошился. Клим сорвал с себя и бросил тонущему ремень, но, испугавшись, что и сам окажется в воде, взвизгнул от ужаса и выпустил ремень. Борис утонул, ушел под лед, его не нашли. И последнее, что помнил юный Самгин перед тем, как впасть в беспамятство, был чей-то серьезный, недоверчивый вопрос: «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?..»

Краверский расспросил и о том, что за человек преподаватель физкультуры.

— Настоящий мужчина,— ответил следователь.— По моему первому впечатлению и свидетельству преподавателей, сдержанный, подтянутый, мужественный, справедливый. А учительницы наперебой твердят, что он — образец, пример в их коллективе. Внушает полное доверие. Говорят: «Как он сказал, так и есть, можете не сомневаться».

Теперь эксперт и следователь должны были превратиться в тех астрономов, которые исчисляют параметры звезды, еще не увидев ее на небе.

Следователь смотрел на эксперта, не торопил его. Нужна, очень нужна какая-то зацепка! Капитан милиции не ставил перед собой задачи непременно сделать преподавателя физкультуры ответственным за несчастный

случай, виноватым в смерти мальчика. Но ведь этой глупой, бессмысленной смерти подростка могло бы не быть! И потом: неужели Васильев действительно приехал на озеро один? Почему? В этом стоило разобраться.

— Давайте сделаем так...— сказал Краверский.

Следователь снова отправился в школу. Снова попросил найти и вызвать преподавателя физкультуры. И когда тот вошел, пригласил его посидеть и поговорить в одном из пустующих классов.

— Сейчас мы с вами, Юрий Михайлович, сделаем вот что. У меня есть чистая бумага. Ручка при вас?

— Да, конечно.

— Прекрасно. Возьмите лист бумаги и пишите под мою диктовку текст, который я буду читать вслух.

Юрий Михайлович пожал плечами, но покорно уселся за стол.

— Нет, будьте добры, не сидя, а стоя, как тогда, на пляже!

— Пожалуйста!

Юрий Михайлович взял в левую руку папку, положил на нее бумагу и приготовился слушать и записывать.

— Итак, начнем.— Следователь раскрыл принесенную с собой книгу.— «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкафа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать...» Вот и все. Разрешите?

Следователь взял из рук преподавателя лист с продиктованным текстом, убрал его в свой чемоданчик, достал еще один лист.

— А теперь, пожалуйста, я снова продиктую тот же текст, только на этот раз вы пишете, сидя за столом.

По лицу Юрия Михайловича пробежала мгновенная тень. Но он молча уселся за стол. Вновь повторилась эта необычная диктовка начальных строк чеховского рассказа. Оба диктанта следователь унес с собой.

Вы уже догадались? Конечно. Эксперт Борис Владимирович Краверский сличил оба варианта и научно, графически, наглядно, с беспорной точностью доказал, что

почерк преподавателя физкультуры, как и всех других людей, меняется в зависимости от того, сидя или стоя он пишет. Список, отданный Юрием Михайловичем следователю, был составлен не на берегу, а позднее, дома, за столом, в удобной позе.

После случившегося он испугался. Он испугался ответственности и наказания, которое, скорее всего, оказалось бы не столь уж тяжким. И из страха пошел на обман и подлог.

Следствие окончилось. Оно породило в школьном коллективе смущение и разочарование кумиром. Юрию Михайловичу пришлось уйти из этой школы. Через некоторое время его взяли в другую. Там ничего не знали о несчастном случае с мальчиком. И снова, опираясь на его сильную, надежную руку, розовели девочки, а мальчишки завидовали ему и злились на него за его превосходство. Снова учительницы ставили Юрия Михайловича в пример коллегам-мужчинам. Он опять ходил в нарядном свитере и начищенных до блеска ботинках. И самим своим видом становился укором для многих, кто был не так строен и силен, кто поддавался унынию, кто хуже плавал.

Он опять прослыл суперменом.

А эксперт Краверский придумал и провел оригинальную экспертизу. Хотя вроде бы любому понятно, что почерк человека, конечно же, зависит от того, в какой обстановке и позе он находится, все же такая экспертиза оказалась в криминалистической практике чуть ли не единственной в своем роде. Потому что почерк — и это уже понимает далеко не каждый — зависит еще и от психологии человека, его физиологии, нервной системы, душевного состояния...

И вообще одно дело — понимать и догадываться, и совсем другое — убедительно доказать.

«ТЕМНА ВОДА ВО ОБЛАЦЕХ»

Женщина, ленинградка — я имени ее не знаю — шла по Невскому проспекту и думала о том, как велик разрыв между модой, этим вечным камертоном женского самосознания, и возможностью ее достижения. «Рабы моды» — звучит презрительно. Скажем иначе: у моды имеются верные подданные и враги. Из всех в мире врагов это единственные смешные враги. Они пытаются объединяться, коллективно возмущаются, выступают с протестами. Но они смешны и обречены. Что же касается женщин, то им так хочется побыть чьими-то подданными — в наше время роковой эмансипации это удастся все реже. Быть подданной моды — источник надежды даже для одиноких.

Но, как всякий властелин, мода равнодушна и жестока. Ее не касается, есть ли у ее приверженцев способы, средства и силы подчиниться ей. А если все это есть — то имеются ли реальные предметы, возведенные модой в ранг обязательных. Говорят, театр объединяет людей, делает их лучше, добрее, мудрее. Есть театр, не способный сделать зрителей ни добрее, ни мудрее, — современные «театры моды».

Конечно, продавщицам или дикторшам телевидения в этом отношении живется легче. Они как-то устраиваются. Дикторши Центрального телевидения, например, не довольствуясь своей красотой, умудряются за целый сезон ни разу не появиться на экранах в одном и том же наряде дважды. Это «секрет» фирмы, и разгадать его мы не беремся. Но как быть обыкновенной женщине, что идет после работы по улице, с тоской заглядывает в витрины обувных магазинов и заранее знает, что модных сейчас, в середине послевоенных пятидесятых годов, женских лакированных туфелек, разумеется, нет и быть не может? В заветном отделении сумочки лежат неприкосновенные деньги, для такой покупки необходимые. Но что с того толку?

И вдруг...

Многие события в истории криминалистики начинаются с этого великого наречия, без чьей электрической силы

не обойтись и напряженному жанру детектива. И так...

И вдруг наша безымянная героиня замерла у магазинной витрины. Сердце ее на мгновение остановилось, потом забилось учащенно. Кровь прилила к лицу и тут же отхлынула.

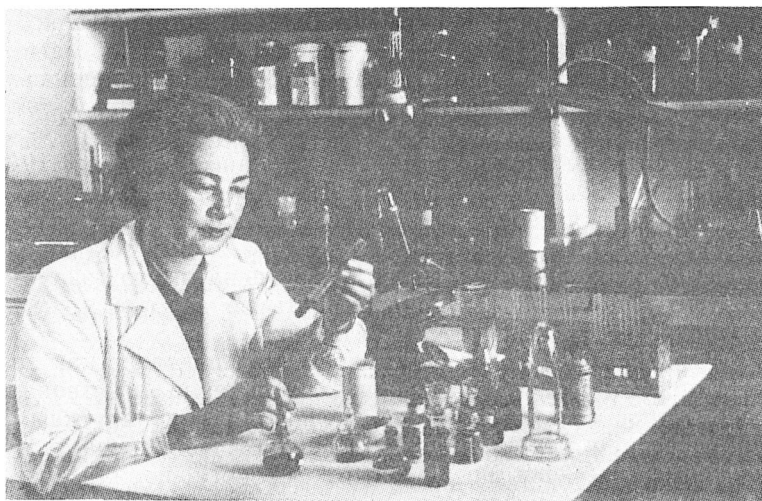
На витрине стояла пара лакированных женских туфель, точно таких, о каких грезил женщины в своих тайных мечтах середины нашего столетия. И что казалось еще более невероятным — рядом значилась цена, обыкновенная, подлинная, доступная цена, и это означало, что никому ничего приплачивать не надо, а можно просто подойти к кассе и выбить чек!

Все дальнейшие операции женщина произвела как во сне, правда, в отличие от ночных сновидений, действовала быстро, четко и последовательно. Она с напускным спокойствием, чтобы не спугнуть судьбу, попросила туфли померить, еще не надев их на ноги поняла, что размер — ее, туфли — ее, неслыханное счастье — ее. С тем же видимым равнодушием выстояла она небольшую очередь в кассу, хотя ей казалось, что кассирша засыпает на ходу и пытка ожидания никогда не окончится, потом ринулась обратно к прилавку, отдала чек, получила коробку с драгоценной покупкой и выскочила из магазина.

Через час женщина звонила подругам, делясь неслыханной новостью. И хотя она позвонила не всем подругам, а только самым близким и любимым, все же к концу дня в ленинградских обувных магазинах лакированных туфель уже не осталось.

Через несколько дней они, впрочем, появились снова. Теперь ими заинтересовались не только женщины, но и мужчины. Нет, не те, кто жаждет доставить любимой нечаянную радость, быть внимательным, сделать сюрприз. То были мужчины, кто внимателен по долгу службы. Они оперативным путем установили, что никаких накладных на лакированные туфли у директоров магазинов нет и что товар этот поступает в продажу не из государственного предприятия и не законным путем. Правда, на каждой паре загадочных туфель стояли штампы различных промкомбинатов, но, как довольно быстро выяснилось, поддельные. Удалось выявить и целую армию частных сапожников: спокойно сидя у себя дома, они изготавливали двести — триста таких пар ежемесячно. Для покрытия дефицита в масштабах города — количество ничтожное. Для обогащения жуликов — вполне приличное.

У всех сапожников имелся солидный запас дефицит-

**Эксперт-криминалист София Шариповна Касимова
в лаборатории.**

ной кожи. Не чувствуя за собой особой вины, они легко назвали человека, что регулярно привозит им сырье и забирает готовую продукцию. Долго искать его не пришлось. На естественный вопрос, где он достает кожу, предприимчивый делец твердил: «На рынке». И хотя было совершенно очевидно, что на рынке лакированной кожи не бывает, да еще в таких больших количествах, добиться правды не удавалось. Ясно одно: кожу делают и крадут на одном из шести ленинградских кожевенных предприятий. Но как это доказать?

Работники милиции обратились к технологам и товароведом, рассчитывая на их опыт, знание тонкостей производства. Ни те, ни другие не смогли прояснить ситуацию. Они единодушно заявили, что различить кожу одного и того же вида, сделанную на различных предприятиях, практически невозможно: выработка, окраска, сушка — все делается по стандарту, по единой технологии. Кожи можно различить только по маркировкам. А их на предъявленных образцах не было. И решить поставленную перед ними задачу специалисты-кожевенники отказались.

Когда образцы кож, взятые с разных предприятий, попали в экспертно-криминалистический отдел ГУВД, к ним поначалу тоже отнеслись пессимистически: стандарты производства соблюдены, основные физические

характеристики материала — тоже. Загадка выглядела неразрешимой.

Ее раскрытием увлеклась эксперт-криминалист София Шариповна Касимова. Она понимала: задача будет трудной. Во-первых, потому, что в отделе подобной проблемой еще не занимались и решать, как подступиться к ней, придется самой. Во-вторых, успешное раскрытие, скажем, одного различающего признака все равно не даст возможности уличить то или иное предприятие. Необходимы совокупность, «букет» признаков, чтобы экспертиза стала убедительной. Их придется искать.

Эксперту в предельной степени требуется честность. Вера в экспертные заключения у судей безгранична. На основе экспертизы человека можно и оправдать, и обвинить. Поэтому, подписывая результаты своих исследований, анализов, выводов, приходится сто раз подумать, убедиться в абсолютной правильности решения.

Надо признать, что в любой профессии (и экспертная работа, увы, не составляет исключения) люди относятся к своим обязанностям по-разному. Степень их добросовестности также различна. История криминалистики, к примеру, знает и помнит многое. Помнит она и такие, пусть редчайшие, случаи, когда эксперт, не до конца убежденный в правильности своих выводов при проведении сложной экспертизы, «подгонял» заключение к предварительным результатам следствия. Помнит история и то, что иногда следствие ошибалось, эксперт своим заключением и авторитетом закреплял судебную ошибку и невинный человек оказывался преступником.

Давать всегда правильные, точные ответы на поставленные вопросы выпускницу Химико-фармацевтического института Касимову научила война. Зная, что в Ленинграде и в войсках, обороняющих город, острая нехватка продуктов, гитлеровцы подбрасывали нашим передовым частям ящики, пакеты, свертки, в которых оказывалось съестное. Изголодавшиеся люди, не слишком задумываясь о происхождении находки, набрасывались на еду и вскоре погибали, отравленные ядом. Содержимое таких «посылок» судебному химику фронта Касимовой приходилось тщательно исследовать. От результатов химических анализов зависела жизнь людей.

После войны София Касимова пришла в свой институт — оформить какие-то документы. Погоны старшего лейтенанта медицинской службы наглядно свидетельствовали о том, какую нелегкую практику прошла бывшая студентка за последние четыре года. Теперь пора возвра-

щаться к научной работе. Тем более что успехи Касимовой на протяжении последних учебных семестров, отмеченные персональной стипендией, предвещали серьезную научную карьеру. Да и за предложениями дело не стало: «Ты ведь увлекалась судебной химией? Возьмем тебя ассистентом, будешь преподавать».

Подобное предложение привело бы в восторг любого выпускника. Так называемая чистая наука бывает привлекательна даже для тех, кто совсем не имеет к ней склонности: занятие ею, как теперь говорят, престижно. А Касимова обладала страстью ученого — в институте знали об этом. Тем большее удивление вызвало решение молодого специалиста пойти работать в органы внутренних дел. «Ты себя там загубишь как ученого,— предостерегали ее товарищи,— придется заниматься однообразной практической работой!» Но решение было принято бесповоротно. За ним стояли не упрямство, не каприз, а иная черта характера — убеждение, что на таком важном поприще, как охрана жизни целого города, можно тоже применить свою любовь к научному творчеству и сочетать его с практикой. Да и отдел, куда ее пригласили, назывался «научно-технический». Значит, ее способности пригодятся.

На протяжении многих лет работы в отделе Касимова доказала свою правоту. Некоторые начальники и коллеги иронически называли ее «наш профессор». Нередко критиковали: «Надо не наукой тут заниматься, а делом, раскрываемость повышать!» Но Касимова упорно вела свою линию и не раз показывала, что наука способна серьезно обогатить работу эксперта-криминалиста, открыть перед ним новые возможности, прежде ему недоступные. Некоторые коллеги отказывались от проведения экспертиз, когда не имелось прецедента, налаженной методики, элементарного опыта. А почему бы не создать такой опыт, а за ним и методику? Можно же попробовать! И снова она слышала: «Наш профессор». Но ирония и насмешка могут смутить того, кто не уверен в себе, в своей цели. Касимову они не смутили.

Было бы смешно и неверно утверждать, что до Касимовой и без Касимовой никаких научных исследований в отделе не велось. Разумеется, это не так. Но София Шариповна со своей страстью к таким исследованиям становилась, выражаясь языком ее любимой науки — химии, катализатором важных процессов в экспертном деле. Ее печатные труды — беспорное тому доказательство.

Легче всего сказать: принадлежность кожи тому или иному предприятию определить невозможно. Именно так ответили на поставленный вопрос технологи и товароведы. И тогда дело закрыли бы за отсутствием доказательств. И наказаны были бы сапожники, в данном случае — стрелочники. Но Касимова захотела всерьез взяться за решение задачи, у которой в практике не было аналогов, а потому и методов решения. Искать истину следовало в технологии. Ею Касимова и занялась.

Она посетила все шесть кожевенных предприятий Ленинграда и ознакомилась с тонкостями производства. Ей охотно показывали, как строится производственный процесс. И постепенно различия, неведомые товароведам, которые в них не вникали, и технологам, которых они не интересовали, начали всплывать одно за другим. «Букет» различающих признаков становился все богаче.

В этом предлагаемом вам детективе преступники манипулировали технологическими и бухгалтерскими позициями. Эксперт искал не следы крови на одежде, не царапины на расплющенной пуле, даже не отпечатки пальцев, а погружался в темные глубины технологических процессов, химических формул и физических параметров, чтобы, сопоставив их, отыскать истину.

Технологи и товароведы твердили одно: стандарты производства соблюдены на всех шести предприятиях. Поэтому «темна вода во облацех», темное, мол, дело.

Да, верно, над любым производством царствует стандарт. Его требования в данном случае сводились к одному — кожа должна быть покрыта лаком и блестеть. Но этот самый стандарт не в состоянии регламентировать каждый этап производства и технологии. К тому же тридцать с лишним лет назад, когда распутывалось названное происшествие, современных автоматических линий, да еще на небольших комбинатах, не существовало.

И вот — кульминация процесса: нанесение на поверхность кожи лакового слоя. На этой процедуре Касимова сосредоточила все свое внимание, весь свой опыт. Многие здесь делалось по-разному. Различными оказались даже способы крепления кусков кожи для просушки нанесенного на нее слоя лака. Одни предприятия пользовались специальными «фирменными» зажимами. Другие изготавливали зажимы кустарно. И те и другие приспособления оставляли на краях кожи определенные следы. На третьем предприятии подобных зажимов вообще не имелось —

там делали по краям кожи маленькие отверстия, чтобы растягивать ее для сушки с помощью крючков.

Особый интерес представлял для эксперта-химика сам лак, его состав. Стандарт гласит: лак получается в результате смешения растительного масла и сиккатива — смеси различных минеральных веществ. Сиккатив необходим для того, чтобы масло — основа лака — застывало. Но каков химический состав сиккатива — а его рецептура допускает различные варианты — это дело мастера, который его составляет для очередной партии кож. Естественно, что на всех шести предприятиях химические формулы сиккативов оказались не одинаковыми.

Все эти различия следовало не только выявить, но как-то зафиксировать, показать наглядно, чтобы сложное исследование превратилось в доступный любому неспециалисту результат. Его должны будут признать в бесспорном порядке и технологи, и товароведы, и следователи, и суд.

Касимова поняла: индивидуальные признаки технологического процесса указывают на то, что воруемая кожа производится не на шести, а лишь на одном, совершенно конкретном Дзержинском промкомбинате. Это было обувное предприятие. Кожу здесь не изготавливали, но зато лакировали — при комбинате имелся лакировочный участок.

Дальнейшие оперативно-следственные мероприятия показали, что начальник участка с помощью пересортицы искусственно создавал излишки кожи. Одна из участниц хищений обматывала ими талию под пальто, превращалась в толстушку, выносила таким образом кожу с территории комбината и отдавала ее человеку, который поддерживал связь с сапожниками. Так и случилось, что на фоне острого дефицита в магазинах стали появляться модные женские туфли.

Последний акт этой драмы разыгрался в суде.

Слово предоставили ведущему товароведу по изделиям из кожи. Подсудимый, начальник лакового участка, отрицал, что именно он снабжал кожей руководителя нелегальной фирмы. По ходатайству адвоката и был приглашен опытный товаровед. Он взял иронический тон:

— Ведущие специалисты по коже, ее технологии и производству, люди с неоспоримым авторитетом, ясно и убежденно говорят: отличить немаркированную кожу одного комбината от кожи другого предприятия нет никакой реальной возможности. Люди солидные и ответственные, они понимают, что домыслы в суде недопустимы и

даже преступны. И вот является сотрудница... вы, кажется, из экспертного отдела милиции?.. Вот-вот. И, никогда не держа прежде куски кожи в руках, принимается нас, специалистов, уверять, что ей все доподлинно ясно и понятно. Но у нас здесь не ученый совет, и научные новации столь сомнительного свойства тут неуместны. Подходить к такому серьезному вопросу следует более ответственно. Боюсь... Простите, ваше имя-отчество? Ах да, София Шариповна... (Судья постучал карандашом по графину, очевидно возражая против развязного тона.) Боюсь, милая София Шариповна,— продолжал старший товаровед,— что вы там, у себя, занимаетесь, извините, шарлатанством!..

Публика в зале и даже члены суда смотрели на Касимову с явным сомнением. Если она химик-фармацевт по образованию, как сказали судье, то откуда ей ведомы тонкости кожевенного производства? И почему она так уверена в своих утверждениях? Что же получается: все кожевники-специалисты идут не в ногу, а одна Касимова идет в ногу?

Однако Касимова и не думала сдаваться. Она воспользовалась своим правом и попросила перенести заседание суда на следующий день. При этом оговорила, что ей потребуются большой стол и некоторые необходимые приспособления.

На другой день суд работал в необычной обстановке. Касимова попросила занавесить окна и уменьшить свет в зале. В центре зала, на широком столе, лежали образцы кож, взятые на всех шести комбинатах города. Все куски выглядели совершенно одинаковыми, были густо-черного цвета, в степени их блеска не было никаких различий.

Касимова включила принесенную с собой кварцевую лампу. Ее свет она направляла на каждый из шести кусков по очереди. И все, кто был в этом зале, с изумлением увидели, что каждый кусок кожи светится иным цветом: красным, желтым, оранжевым. Один из кусков оставался черным... Старший товаровед молчал. Судья что-то лихорадочно записывал в свой блокнот.

Снова зажгли свет. Теперь эксперт Касимова отрезала от каждого образца кожи по небольшому кусочку, смочила их с обратной стороны ацетоном и, когда кожа набухла, отделила лаковый слой. Он оставался на столе в виде тонкой прозрачной пленки. Эксперт представила суду все шесть пленок. Все шесть оказались разных цветов! Произвольный состав сиккативов дал себя знать вполне наглядно.

И снова эксперт взялась за образцы кож. Она показала, что их края выглядят совершенно по-разному — в зависимости от того, какими зажимами или крючками крепили их для просушки.

В зале суда наступила звенящая тишина.

— А теперь возьмем кожу, из которой делают женские туфли, изъятые из продажи,— сказала Касимова. И все увидели, что эта кожа соответствует лишь одним образцам, прошедшим экспертизу,— только тем, какие поступили из Дзержинского промкомбината.

Вопрос был решен. «Темна вода во облацех» превратилась в прозрачное и вполне убедительное вещественное доказательство. Адвокат был встревожен. Он потребовал новой, комплексной экспертизы с привлечением других товароведов и технологов. Но суд отклонил это требование. Экспертиза убедила всех.

В конце судебного заседания София Шариповна, не удержавшись, заметила старшему товароведу, назвавшему ее работу шарлатанством:

— Суди, дружок, не свыше сапога!..

И кивнула на изящную лакированную женскую туфельку на судейском столе. Защитить достоинство экспертизы пришлось пушкинской притче.

Подполковник милиции С. Ш. Касимова упорно занималась исследованиями, связанными с установлением предприятия — изготовителя тех или иных изделий. Пришлось создавать оригинальные методики. Они формировались для самых различных элементов: трудовых навыков рабочих, качества и рецептуры использованных материалов, способов технологической обработки, используемых в производстве орудий и инструментов, даже упаковки готовой продукции. Кроме лаковых кож исследовалось производство листовых зеркал, мулине, резиновой тесьмы и многих других материалов. На основе своих научных исследований Касимова написала и успешно защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата юридических наук. С тех пор сочетание криминалистической экспертизы с серьезными научными исследованиями отличало работу Софии Шариповны.

Если, впрочем, вас не очень удовлетворил чисто сюжетный, детективный накал описанных событий, то в творческой биографии эксперта Касимовой есть дело совсем иного рода. Назовем его так: «Что можно извлечь из пустого кармана?»

Подполковник милиции
С. Ш. Касимова.

В середине тех же, пятидесятых, годов был ограблен универмаг Выборгского района Ленинграда. Воры похитили 435 пар часов и много дорогих носильных вещей. Оперативная группа установила, что они проникли в магазин со стороны соседней с ним библиотеки. Оба учреждения имели соединявшую их дверь, давно заколоченную. Зная об этом, воры весь вечер увлеченно листали журналы, задержались в библиотеке до ее закрытия, связали уборщицу и проникли в торговый зал универмага. Все шло гладко.

Один из воров решил обновить свой гардероб с головы до ног. А старую промасленную куртку небрежно забросил в дальний угол. Она ему больше не требовалась. Он не сомневался, что найти по истрепанной куртке ее бывшего владельца в таком большом городе, как Ленинград, невозможно — таких небось десятки тысяч.

Куртку в числе других предметов доставили эксперту Касимовой.

София Шариповна увлекалась в то время исследованиями невидимых текстов — смытых, стертых, замазанных — и поисками методов их восстановления. Увидев старую куртку преступника, Касимова вспомнила аналогичную историю.

Человек вошел в сберегательную кассу и предъявил к оплате несколько облигаций с крупными выигрышами. Контролеру, опытной сотруднице сберкассы, облигации показались подозрительными. Номера выглядели подде-

ланными. Работники кассы решили задержать предъявителя. Надо заметить, что подделывать облигации — дело на первый взгляд заманчивое, но чрезвычайно хлопотное и опасное: шансы потерять значительно выше шансов на приобретение. Поняв, что номер — в обоих смыслах этого слова — не удался, предъявитель облигаций бросился бежать. За ним погнались. Убегая от преследования, преступник сбросил форменную шинель.

Шинель — одежда унифицирующая. Искать по ней человека — что иголку в стоге сена. Но, исследовав эту шинель со всех сторон и применив специальный метод обработки ткани, София Шариповна, к великой своей радости, прочла на внутренней стороне воротника: «Феканский А. В.». Ход дальнейших событий вам, очевидно, ясен. Незадачливый «художник» попал в руки правосудия.

На воротнике куртки, брошенной в Выборгском универсаме Ленинграда, не оказалось никаких надписей. На рукавах — тоже. На подкладке — ровным счетом ничего. Оставались карманы — пустые, грязные, выдавленные, как говорится, виды. Чего в них только не лежало за долгое время! Об этом свидетельствовал толстый слой грязи.

Все же их стоило исследовать. Касимова аккуратно выпорола оба кармана, расправила их. Сшиты они были из старой холстины. Но что это? Мерещится, что ли? На одном из кусков холста вроде бы проглядывает линия, проведенная не то чернилами, не то чернильным карандашом. Может быть, тут имелась какая-то надпись?

Сначала пришлось смыть грязь. Холст стал чистым, но «слепым» — никаких текстов на нем не было. Касимова приготовила специальный реактив: он отбеливал холст, но не воздействовал на текст, если бы таковой здесь оказался. И положила в него один из двух кусков холста.

И произошло нечто, похожее на чудо. На поверхности посветлевшей ткани проступили какие-то буквы, даже целые слова! Касимова напряженно вглядывалась в них, но ничего прочесть не успела: через несколько секунд буквы стали меркнуть и исчезли. Кусок холстины снова стал «слепым». Ну прямо как в древней истории! На стене залы вавилонского царя Валтасара неожиданно во время пира появились кем-то начертанные загадочные слова: «Мене, текел, упарсин». Они появились и исчезли. Но пророк Даниил сумел разгадать их тайный смысл: эти слова означали гибель Валтасара и его царства. В отличие от этой истории, слова на холсте могли предвещать гибель владельцу куртки лишь в том случае, если бы содержали более конкретный смысл.

Надо попытаться еще раз!

Процедура повторилась. И снова какие-то слова на несколько мгновений возникли как бы из небытия. Но слишком мало времени, чтобы их прочесть. Глаз и сознание человека не всегда способны поспеть за химической реакцией. И тогда пришло единственно возможное решение: во время очередного «сеанса» успеть сфотографировать ускользающие буквы. Фотообъектив иногда надежнее глаза. Он должен помочь!

Сложный эксперимент удался. Слова, некогда стоявшие на холсте, теперь запечатлелись фотопластинкой. Они были пойманы.

Ах, какими экономными и запасливыми оказались воры из универмага, два брата по родству и промыслу! Они жили в разных городах, и один отправил другому посылку. Так нет чтобы потом выбросить использованный и грязный кусок холста, исписанный чернильным карандашом, испачканный сургучом, местами порванный. Все должно идти в дело! Его бережно сохранили и решили сделать из него карманы куртки, сшитой на заказ. А ведь братья владели легкими, ворованными, шальными деньгами, а теперь за раз унесли 435 пар часов! Уж, кажется, можно бы не жаться, не беречь грязный кусок холста, пусть и не подозревая о том, что на нем на вечные времена останутся слова их гибели: «Мене, текел...» .

Впрочем, текст на холсте оказался куда более осмысленным, чем таинственное предсказание на пиру Валтасара. На одном куске был тщательно выведен адрес получателя посылки, на другом так же аккуратно и старательно — адрес отправителя. И драгоценная фамилия братьев тоже стояла здесь, на достаточно четких фотографических отпечатках.

Уголовному розыску полученной информации вполне хватило. И сбылось предсказание: преступления без наказания не бывает.

А вы говорите: что можно извлечь из пустого кармана?!

СПИЦЫ В СТЕНЕ

Хутор Одресаре кажется затерянным среди полей и рощ русско-эстонской равнины. Участок смотрит голо, сиротливо — ни зеленых хвостиков морковки или лука, ни перерытых по осени грядок картошки, ни цветов. Мокрая пожухлая трава. Заглохшая крапива. Понурые облетевшие деревья. Тишина. Конец ноября. Промозгло. Скоро повалит снег, заметая следы. Странно выглядит здесь и небольшой автобус, «уазик» — передвижная криминалистическая лаборатория из Ленинграда.

Стены дома испещрены отверстиями от дроби и пуль. Кажется, здесь недавно прошумела война. Нет, на дворе 1977 год. И не война нафаршировала бревенчатые стены смертоносной начинкой. В людей стреляют не дробью — она для дичи. Будто прожорливым древесным точильщиком изъеден дом. Но «точильщики» сделаны из железа. И вылетели из огнестрельного оружия.

Метр за метром рассматривают эксперты следы дроби в старых бревнах. Следов — тьма-тьмушая. Разбитое окно. Простреленная дверь. Если исследовать каждое повреждение, оставленное выстрелами, — работы хватит на многие дни. Но что-то делать надо. Потому что здесь, в девяти километрах от Ивангорода, в лесу, местные охотники обнаружили тело человека, очевидно — хозяина хутора. Он лежал в старой потертой куртке, изношенных сапогах, без шапки, явно одетый наспех. И ничего уже поведать людям не мог. На хуторе разыгралась драма, и ее «сюжет» необходимо разгадать, реконструировать.

Все вокруг выглядит странно, непривычно. Если человек жил здесь постоянно — а дело, очевидно, обстоит именно так, — почему нет хотя бы маленького огорода, привычного хуторского хозяйства, какой-нибудь живности, курятника, собачьей будки? Еще удивительнее — таблички во дворе, расставленные в разных местах: «Не ходить! Опасно!», «Мины», на колодце — «Не пей, отравлено!»

Так же необычны результаты внутреннего осмотра дома: На кухне — огромные кастрюли с запаренным зерном, одна — с плесневеющей овсяной кашей. Бутыль с

хвойным настоем — похоже, обитатель дома употреблял его вместо чая и кофе. В кладовке — четыре мешка со старой обувью. Множество рукописей, большей частью — на эстонском языке. Обстановка комнат аскетична. Окна закрыты наглухо, будто их никогда и не открывали. Разбитые стекла кое-где заменены кусками фанеры. Помещение выглядит неприветливым, нежилым. Но ведь хозяин, как выяснилось вскоре, жил здесь в течение пяти лет! В чем же дело? Ну просто загадка для самого Шерлока Холмса.

Но Холмса нет. Есть представительная оперативно-следственная бригада. В ее составе из Ленинграда — прокурор-криминалист областной прокуратуры советник юстиции В. Писаревский, начальник отдела областного уголовного розыска подполковник Ю. Соболев, старший следователь областной прокуратуры В. Шевченко, эксперт-баллист В. Владимиров, оперуполномоченный А. Жук. Из Кингисеппа — старший следователь Ф. Жорняк. Разумеется, сотрудники милиции близлежащих районов. Все — специалисты высокого класса.

Алгебра следствия требует прежде всего заняться личностью пострадавшего. Кому понадобился некий добровольный отшельник? Кому и с какой стати понадобилось его убить? Прежде чем размышлять, кому это было выгодно, следовало как можно больше узнать про убитого человека: его биографию, образ жизни, характер, круг знакомств. Может быть, в них — ключ к разгадке таинственного преступления?

Полученная информация заставила призадуматься.

Да, дело очень, очень необычное. Совсем не простым человеком оказался обитатель хутора Одресаре. Жил здесь пять лет. Один. Все эти годы нигде не работал, ни с кем не встречался, никого к себе в дом не пускал, да постепенно и желающих навестить его становилось все меньше. Не вдохновляли на эти посещения и таблички во дворе. Как и на что жил этот человек, оставалось загадкой, мало кого, впрочем, до сих пор занимавшей. Его не видели в Ивангороде, он не брал книг, не ходил в кино. Существовал вне времени, вне людей. Охотники, изредка проходя мимо хутора, поглядывали на его слепые окна, на мертвую, неухоженную землю вокруг и полагали, что дом необитаем. Некоторые, как позже выяснилось, из озорства даже выпускали по дому заряды дроби — так, чтобы пострелять по неподвижной цели или проверить, не взорвутся ли будто бы оставленные здесь мины. Но ничто не взрывалось.

Постепенно стала выясняться биография пострадавшего. Родился в 1924 году. До войны жил в городе Тарту. В годы войны служил в Риге переводчиком при немецкой комендатуре. Отправлен на минометные курсы в Германию. Вернулся. Служил в эстонском фашистском батальоне. В 1945 году захвачен в плен нашими войсками. Отбыл положенное за измену Родине наказание. В 1952 году с отличием окончил филологический факультет Тартуского университета. Полгода преподавал в школе. Затем был помещен в психиатрическую больницу, где пробыл около двух лет. Выйдя из клиники, начал часто менять места жительства, нанимался такелажником, разнорабочим, пастухом. Дипломированный филолог пас коров. Что гнало его по земле?.. В 1972 году уединился, наконец, на хуторе Одресаре, договорившись с его хозяином о долгосрочной аренде.

Странная, неприглядная биография. Не в ней ли корни происшедших событий?! Кажется, придется здорово поломать голову.

Судебно-медицинский эксперт извлек из тела значительное количество дрови. Она оказалась сечкой — самоделькой, нарезанной из проволоки. Придирчивый осмотр показал, что хозяина убили в доме, а потом вытащили тело на улицу. Возможно, раненый сам выбежал во двор и пытался скрыться от преследователей в лесу. В одной из комнат в стене и на полу обнаружены дробь, пыжи и негоревший порох марки «Сокол». Пыжи указывали на то, что выстрелы произведены из гладкоствольного оружия.

Постепенно, в результате подробных осмотров, расчетов, экспертиз, допросов немногочисленных свидетелей, совещаний с местными работниками милиции, стали складываться версии совершенного преступления. Первая из них сама, что называется, просилась в руки. Она состояла в том, что убийство совершено на почве мести кем-либо из сослуживцев по фашистским войскам или в этой связи — ну, к примеру, из страха, что владелец хутора выдаст властям узnanного им сослуживца. Эта версия грозила сильно усложнить работу и серьезно расширить круг поисков и подозреваемых лиц.

Но могли быть и другие версии. Преступники проникли в дом с целью кражи, но, застав хозяина, встретив его сопротивление, убили его. Предположение, впрочем, не очень вероятное: красть в доме было, казалось, абсолютно нечего.

Или: преступники — несовершеннолетние, склонные к незаконному приобретению и хранению оружия.

Или: преступление совершили браконьеры либо охотники, может быть — непреднамеренно; неподалеку располагались охотничьи угодья.

Или: убийство совершено с провокационной целью в связи с проходившим в те дни в Кингисеппе судебным процессом над группой баптистов. Может быть, пострадавший принадлежал к этой секте?

Или: хозяин хутора в течение ряда лет не работал, значит, мог заниматься преступным промыслом и стать жертвой соучастников.

Чем больше версий, тем сложнее и кропотливее работа. Тем больше на нее уйдет времени. А его мало. Преступление надо раскрыть как можно скорее.

Судьба хозяина хутора вполне могла пересечься с судьбой его бывших сослуживцев по фашистским войскам. Так случается. Нити, что связывали этих людей, отщепенцев и предателей, невидимы, но иногда нерасторжимы. Однако после соответствующей работы стало ясно, что поиски в этом направлении никуда не ведут.

В тупик завела и оперативная проверка местного баптистского окружения. Да и у окрестных охотников имелось надежное алиби: с хозяином хутора они не знали и никаких чувств к нему не испытывали. Некоторые даже удивились, узнав, что дом, оказывается, был обитаем.

Впрочем, желание убитого жить уединенно можно было понять. В его сознании еще не померкли, наверное, мучительные воспоминания или угрызения совести — они могли тревожить душу, заставлять избегать людей, их общества, атмосферы открытого, доброжелательного общения. Человеку с филологическим призванием близки нравственные заботы, обременяющие далеко не каждого. Их неразрешимость — тоже источник сомнений, страданий, желания уединиться и отказаться от многих жизненных благ, кроме, конечно, самой жизни.

Для отработки всех этих версий требовалось произвести множество всевозможных экспертиз — баллистических, трассологических, физико-химических. Первыми двумя занялся специалист этого дела Владимир Юрьевич Владимиров.

Какие из множества следов дроби и пуль в стенах дома имеют отношение к происшествию, а какие нет? Пришлось оперативно исследовать большое количество повреждений. Особое внимание привлекли осыпи дроби в

стене комнаты; так тревожат астронома созвездия в незнакомой галактике. Значительная осыпь располагалась напротив окна с выбитым стеклом.

В отверстия, оставленные дробинками, Владимиров вставил деревянные спицы. Они сразу же указали направление, откуда летели в стену маленькие кусочки металла. Затем прокурор-криминалист Писаревский воспользовался ярким источником света, направив его из окна в комнату таким образом, чтобы луч совместился с эпицентром выстрела, а тени от спиц взаимно уравнивались. В результате источник света неизбежно и точно оказывался на оси траектории выстрела. Наконец, использовали нити — они протянулись от спиц через оптический фокус и далее, в пространство за окном.

И тут оказалось, что нити эти сравнительно близко... упираются в землю! Вывод однозначен: стрелок стоял близко от окна и рост его невелик! И еще одно открытие сделал эксперт Владимиров: большой разлет дробы в стене при малом расстоянии от оружия до объекта указывал на то, что выстрел произведен из обрезка. Из ружья дробь легла бы более кучно. Это исследование вскоре блестяще подтвердилось.

Другое крупное повреждение имелось в двери дома. Вычисление траектории этого выстрела показало, что второй стрелок — а их явно было двое — стоял в момент нападения на крыльце.

Так, с помощью метода визирования и определения искусственных координат, энтузиастом которого был В. Писаревский, уточнились места, откуда прогремели выстрелы. Места эти, разумеется в присутствии понятых, фиксировались не только с помощью фотосъемки, но и более наглядно. В полиэтиленовые пакеты вложили записки: «Здесь произведен выстрел». Первый пакет зарыли во дворе, под тем местом, где, по утверждению эксперта, находился один стрелок, второй — под досками крыльца, где должен был находиться другой. Позднее, когда преступников нашли и привезли на место происшествия, чтобы в ходе следственного эксперимента они указали порядок своих действий, они встали точно на те места, какие вычислил эксперт. Извлеченные тут же записки наглядно продемонстрировали торжество тонко проведенной экспертизы.

Но кто же преступники? Где они? Как их искать?

Работники милиции собрались на совещание с экспертами-криминалистами. С чего начать поиски?

Эксперты сказали: необходимо начать с выявления в

близлежащих городах Нарве и Ивангороде оружия, особенно — хранимого незаконно. Ведь экспертиза и следствие обладают «почерком» оружия, примененного нападавшими. Это пока их единственный след. И надо воспользоваться им.

Началась крупная операция по выявлению ружей и боеприпасов. У большинства охотников обоих городов имелись разрешения на владение ими. Но нашлись и такие, что хранили их незаконно. Ружья изымались и передавались экспертам.

Среди полученных образцов обратила на себя внимание берданка гражданина Белоносова. Эксперт Владимиров занялся патронташем владельца. И тут оказалось, что один из сорока хранимых в нем патронов заряжен самодельной дробью-сечкой, пыжом и порохом, идентичными с теми, что обнаружены на месте происшествия. На допросе Белоносов показал, что приобрел ружье у жителя Ивангорода Иванова. А тут поступил сигнал и о том, что у братьев Ивановых, Владимира и Петра, также незаконно хранится огнестрельное оружие.

Сотрудники уголовного розыска решили проверить, не случилось ли за последнее время каких-либо иных разбойных нападений со стрельбой. Оказалось, было такое. Сторож колхозного сада рассказал, что однажды ночью в сад пробрались двое, а в ответ на окрик, убегая, открыли стрельбу, к счастью, — не прицельную.

Опять двое с оружием! Братья Ивановы все больше интересовали милицию.

Получив разрешение прокуратуры, работники уголовного розыска произвели в доме Ивановых и хозяйственных пристройках к нему обыск. В результате обыска нашлись черный валенок с отверстиями, оставленными при вырубке пыжей, свинец, самодельная дробь-сечка и банка с порохом той же марки «Сокол», какой уже имелся в руках следствия после осмотра хутора Одресаре. В. Владимиров идентифицировал все находки и тем подвел черту основному этапу розыскной операции.

Остается добавить, что братьям Ивановым исполнилось к тому времени семнадцать и пятнадцать лет, что росту они оказались невысокого, и этим еще раз объяснилось, почему траектория выстрела, произведенного через окно, в реконструированном виде уперлась во дворе в землю. Невысокий парень стрелял с близкого расстояния.

Братья отправились на хутор, чтобы завладеть ружьем его хозяина, сделать «модный» среди местных под-

ростков обрез и продать его по традиционной в тех местах цене — за три рубля.

Одна из версий оказалась точной.

Говорят, на ладонях каждого из нас имеются некие «линии жизни» и по ним можно узнать свою судьбу. Думаю, что дактилоскопия здесь ни при чем. И чтение узора на ладонях — занятие из области не криминалистики, а хиромантии. Но есть иное понятие линии жизни. Оно не на ладони — в сознании человека. Весь вопрос в том, в какой мере сам человек умеет ее «читать», осознавать, управлять ею.

Линия жизни хозяина хутора Одресаре пересеклась с двумя другими линиями, двумя жизнями, такими же пустыми, как и его собственная. У его убийц не имелось за душой никаких сомнений, тревог, страданий. Их потребности были такими же примитивными, какими представляются нам инстинкты человека далеких доисторических эпох.

Но в их возрасте убитому тоже было неважно — что делать, кому служить, что защищать, к чему стремиться. Не за три рубля, но за пачку оккупантских марок он тоже стрелял в кого-то. Его духовный мир ограничивался едой, питьем и стрельбой по мере необходимости. И вполне можно предположить, что братья Ивановы, родись они на четверть века раньше, тоже стали бы предателями, тоже стреляли бы по своим — какая разница в кого, если за это платят три или тридцать рублей? По злой шутке судьбы хозяина хутора под Ивангородом убили такие же подростки, каким когда-то был он сам. А подростки не знали, да и не смогли бы осознать того неведомого им обстоятельства, что убитый ими человек поплатился за ошибки юности тяжелой душевной болезнью...

И тут приходят на ум размышления о воспитании и обучении молодого поколения. Нет, я не собираюсь писать очерка нравов и пускаться в морализования в том смысле, что в наших школах недостаточное число часов отводится для изучения Толстого, Достоевского, Чехова, которые нравственное начало ставили выше положения в обществе, выше достатка, карьеры, любого успеха. Хотел бы только заметить, что в нашей школе, напротив, хорошо поставлено патриотическое воспитание, и этому можно только радоваться. Но боюсь, что оно лишь тогда даст желаемые результаты, когда патриотическое чувство станет внедряться в неокрепшее сознание мальчиков и

девочек сплавленным воедино с чувством нравственным.

Может быть, именно в этой связи стоит задуматься о том, что наиболее жестокие преступления совершают в наше время не взрослые, а подростки. Не ради корысти. Не ради мести. Просто мы еще не научили их нравственным «правилам игры».

В процессе следствия выяснилось, что братья Ивановы и раньше занимались кражами и мелким разбоем и всегда шли «на дело» с обрезам собственного изготовления. Поражает, впрочем, даже не это. Поражает перечень предметов, украденных ими до совершения убийства. Вот этот перечень:

- банка растворимого кофе;
- портативный радиоприемник;
- домашнее распятие;
- канистра с бензином;
- медицинские перчатки;
- два тома Плутарха издания 1808—1809 годов;
- бутылка с автолом;
- рыболовные снасти;
- подлинная грамота царя Алексея Михайловича (уникальный памятник XVII века, где царь дарует Ивангороду привилегии);
- колода игральных карт;
- гитара;
- магнитофонные кассеты;
- огнестрельное оружие;
- набор чеканов.

Надо, наверное, объяснить слово «чеканы». Так называют инструменты, применяемые при художественной резьбе по металлу. Между прочим, в древних русских Актах сказано: «Которые воры учнут чеканы резать, и у тех воров сечь по правой руке и по ноге». Вероятно, дело в том, что с помощью чеканов изготавливались и фальшивые деньги.

И братья Ивановы делали деньги проще — продавали краденые обрезы. Еще бы! Ведь за каждый можно выручить целых три рубля. Эти три рубля оказались красной ценой жизни владельца хутора Одресаре.

Я не юрист, и меня волнует не столько уголовная, сколько нравственная сторона происшествия. Меня интригует «конструкция» душ Владимира и Петра Ивановых, подростков. Они родились после войны, не испытали ее ужасов и лишений. Жили в обыкновенной семье, учились в обыкновенной школе. Но чему же их научили? И каковы их устои?

После ареста старший брат переслал младшему записку, орфографию которой сохраняю:

«Петька!!

Напиши явку с повинной. В ней напиши о том, что ты мужека не убивал и нестрелял ни удома ни в доме. Что когда я шарил в доме ты меня отрывал чтобы я не шарил в доме. Ты пойми, что матери трудно и ей надо чтобы хоть ты был на воле и помогал ей. Я возьму все на себя «черт сним». Я отсижу десять лет но ты хоть будеш на воле и будеш помогать и хоть станеш человеком...»

Младший отвечал ему тоже запиской (обе они приобщены к восьмитомному судебному делу):

«Володя... я убегу на вечно, пусть буду шляться по лесам и скитаться и прятаться, скрываться, но сидеть не буду».

Преступники наказаны по справедливости.

Путь к справедливости кончается в зале суда. А где его начало? Оно — в спицах, торчащих из стены, в ярком луче света, сфокусированном экспертом, в полиэтиленовом мешочке, зарытом в землю именно там, где топтал ее преступник. Начало справедливости — в многочисленных, трудоемких и кропотливых анализах, исследованиях, расчетах. Только они способны бесспорно оправдать или обвинить человека. А суд управляет весами Фемиды. В отличие от экспертов, у нее завязаны глаза. Так что острота зрения, точность расчетов — обязанность и привилегия экспертов-криминалистов.

Я не был на хуторе Одресаре. И не знаю, ожил ли он для новой жизни, распустились ли в саду цветы, так любимые в тех краях, ухожен ли двор, идет ли из трубы дым. Но старые деревья вокруг помнят выстрелы в вечерней тишине, человека без шапки, в осенней стуже бегущего в лес, чтобы спастись от вполне нормальных подростков, которым захотелось украсть чужое ружье и продать его за три рубля!..

ДАФНИС, ХЛОЯ И КОРОБКА «КАЗБЕКА»

з оперативных сводок:

16 февраля 1963 года. Сообщение о краже в дирекции театральных касс на Владимирском проспекте. Исчезли две дешевенькие брошки, грампластинка и несколько авторучек. Преступник оставил сотрудникам дирекции пакет с колбасой и буханку хлеба. А на поверхности письменного стола заместителя директора касс нацарапал на английском языке (в правописании имеются ошибки) следующий текст: «Я здесь был. Помните меня! Привидение».

6 июня 1964 года. Кража из Соборной мечети на Петроградской стороне. Похищены четыре ковра и микрофон. Мусульмане просят ускорить розыск осквернителя храма.

25 ноября 1964 года. Через крышу Дома моделей преступники проникли в помещение одного из цехов и унесли образцы мужской и женской одежды.

Ни одно из этих дел раскрыть не удалось. Они стали упоминаться на совещаниях и летучках, доставляя немало горьких минут сотрудникам милиции и угрозыска.

Ночь на 8 декабря 1964 года. ЧП! Вор в залах Государственного Эрмитажа! Похищены две картины. Злоумышленник скрылся...

Брезжило хмурое декабрьское утро Ленинграда. Люди спешили по своим обычным делам, переминались в долгом, на морозе тоскливом ожидании троллейбусов и трамваев. В городе начинался день, еще по-зимнему похожий на ночь. А со стороны Литейного проспекта на Неву, к Адмиралтейскому скверу мчалась специальная машина Главного управления внутренних дел с синими мигалками на крыше. Работники уголовного розыска и эксперты-криминалисты ехали на очередное задание, хотя оказалось оно особенно серьезным и необычным. Квартирная кража, увы, никому не в новинку. Но на этот раз преступник посягнул на сокровища национальной культу-

ры. Слово «посягнул» звучит немного высокопарно. Но оно оправдано тем, что кража картины великого художника — совсем не то, что хищение домашнего имущества, одежды, предметов быта. Дистанции, как говорил Скалозуб, огромного размера. И тем, кто ехал сейчас в милицеемском микроавтобусе, хотелось раскрыть это дело как можно скорее.

А случилось вот что. Вор поднялся по водосточной трубе и громоотводу на второй этаж Зимнего дворца, разбил нижнее звено стеклянной двери балкона и проник в зал № 169. Здесь располагались экспонаты отдела русской культуры. Почему вор забрался именно сюда? Он несомненно не раз гулял по эрмитажным залам и коридорам, рассматривал, выспрашивал, примеривался, прикидывал так и эдак. Может быть, каким-то образом узнал, что эти залы, где нет наиболее ценных шедевров мирового искусства, менее строго охраняются и не подключены к сигнализации? Все это предстояло выяснить.

В зале № 169 сошлись в то утро многие встревоженные работники музея вместе с директором академиком Борисом Борисовичем Пиотровским. Они показали сотрудникам милиции два зияющих места на стене. Здесь еще вчера вечером находились похищенные картины — «Дафнис и Хлоя» Карла Брюллова и полотно его учителя, Алексея Егорова, «Исцеление расслабленного». Оба произведения относятся к первой трети XIX столетия. Собравшиеся в зале осмотрели обрезанные шнуры от занавесей, рассыпанные по паркету осколки стекла — в разбитую балконную дверь ветер швырял на паркет снежную крупу... Преступник унес картины вместе с рамами. Его наглость превосходила всякие границы.

Начальник одного из отделений экспертно-криминалистического отдела опытный эксперт Б. Краверский занимался тем временем балконной дверью, запорами и замками на ней. Необходимо выявить малейший оставленный вором след. Замки и шпингалеты вроде бы не повреждены. Во всяком случае, каких-либо следов, годных для идентификации, здесь не видно. Но вот — неожиданная удача: посреди балкона, прямо на снегу, валяется коробочка папирос «Казбек»! С большой долей вероятности можно утверждать, что обронил ее преступник. Кому еще бродить с наружной стороны запертого музейного балкона!

Эксперт Екатерина Яковлевна Воинова работала в зале — осматривала и обрабатывала огромную площадь стен и расположенных вдоль них витрин для хране-

ния графики и небольших по размеру произведений искусства. Долгое время обработка давала нулевой результат. И вдруг на крышке одной из витрин, расположенной у окна, проявился след... перчатки. Защитная шторка на витрине оказалась отодвинутой, смятой. Значит, кто-то касался ее. Едва различимый при специальной обработке след требовалось теперь запечатлеть на фотопленке. Это удалось сделать.

Инспектора уголовного розыска В. Кудряшов и В. Литвяков еще занимались тщательным осмотром зала, допросами музейных хранителей, а эксперты уже спешили обратно в отдел, чтобы в спокойной и привычной обстановке заняться своими прямыми обязанностями, в данном случае — дактилоскопическими экспертизами.

Е. Воинова рассматривала коробку «Казбека». Выглядит она обычно, так, как выглядят десятки тысяч таких же коробок. На лицевой стороне, в сине-лиловых тонах лихой горец осаживает бешеного коня на фоне кавказского пейзажа. Задняя сторона — белая. Здесь обозначены лишь наименование табачной фабрики и цена папирос. Пачка как пачка. Но ведь держал же ее в руках владелец! А раз держал — должны быть следы пальцев. Вряд ли человек доставал папиросы в перчатках — ведь не предполагал же обронить их на эрмитажном балконе! А стереть следы пальцев, вытравить их со всех предметов, окружающих человека, практически невозможно, сколько бы преступник об этом ни заботился.

Да, вот он, след! Четкий, графичный, вполне годный для идентификации. Он послужит следствию как уличающее доказательство — конечно, после того как возникнет хотя бы один подозреваемый человек.

Фотографией, сделанной с музейной витрины, занимался другой эксперт — Дмитрий Федорович Штыков. Снимок нуждался в специальной обработке, чтобы стать бесспорным доказательством.

Перед майором милиции экспертом Штыковым, бывшим фронтовиком, лежал след, оставленный не рукой, не ладонью или пальцами, как случалось обычно, а кожаной перчаткой. Советская криминалистика еще не имела опыта идентификации перчаток, и Штыкову предстояло заняться такой работой впервые. Десять дней колдовал бывший артиллерист над небольшой фотографией. Да, легче и проще, казалось ему теперь, стрелять из дальнобойной артиллерии по видимому или, во всяком случае, расположенному где-то впереди перед тобой врагу,

чем идти по следу невидимого преступника средствами трассологической экспертизы, видя перед собой всего лишь рельеф перчатки, изломы кожи. Но постепенно начали выявляться индивидуальные признаки объекта исследования. И когда удалось обнаружить подозреваемого в краже человека и изъять у него перчатки, правильность и торжество экспертизы стали очевидны.

Сотрудники уголовного розыска проводили тем временем оперативные мероприятия. Одно из них диктовалось логикой: две картины в рамах, пусть и небольшого размера, трудно нести по городу пешком. А городской транспорт в ночное время, когда произошло ограбление, не работал. Следовательно, преступник мог воспользоваться такси.

И вот все таксопарки города оповещены. Шоферы заинтригованы, переговариваются друг с другом, расспрашивают, не заметил ли кто чего-нибудь необычного. Принять участие в таком розыске — это же интересно!

И тогда в одном из парков один водитель обратился к товарищу:

— Слушай, Володька, а ведь ты рассказывал, что вез недавно ночью художника. Уж не тот ли это тип, которого ищет милиция?

— Да ты что? Он же правда художник. Свои картины показывал. Чудно: на одной — обнаженные мужчина и женщина, но ничего, красиво сделано. Это натурщики, называется...

— Да ты-то откуда знаешь, что он художник? Мало кто чего скажет. Не при тебе же он их рисовал.

— Так разве стал бы он так, в открытую, грузить в машину краденые картины да еще показывать? Я их и выгружать помогал. Веселый такой парень.

— Зря ты это на себя берешь. Сходил бы в милицию. Где он вышел, куда ты его привез — помнишь?

— Конечно. На улицу Плеханова. И дом знаю.

— Ну вот и сходи. Если ошибка выйдет — перед ним извинятся, да и он, если художник, поймет, не обидится. А вдруг...

И водитель такси Владимир Новиков поехал в милицию.

Там решили: чтобы не спугнуть вора — в течение нескольких дней патрулировать на улице Плеханова. Надежда была на то, что шофер опознает своего ночного пассажира.

Вот она — перчатка, оставившая след...

Два дня Новиков вместе с сотрудниками милиции, одетыми, разумеется, в штатское, прохаживался по улице, цепко всматриваясь в лица прохожих. Зимой в Ленинграде темнеет рано — уже после шестнадцати часов. Так что дежурить имело смысл не так уж долго — только в светлое время дня.

На третий день Новиков увидел того самого веселого молодого человека, что ехал с ним ночью домой от Адмиралтейского сквера. Встреча произошла 17 декабря, на десятый день после совершения кражи.

Короткая беседа с дворником — и названа квартира, где проживает подозрительный молодой человек. Живет у матери, без прописки, недавно вернувшись — и не впервые — из мест заключения.

Визит работников милиции не очень смутил гражданина Амелина. Он отнесся к гостям даже с некоторым юмором, вообще ему, очевидно, свойственным. Острил, приглашал к столу — чай пить. На вопросы о картинах изумленно пожимал плечами, отвечал отрицательно, шофера такси Новикова не знает, никогда не видел, в его машине не ездил. Да еще ночью? Да еще с картинами? Побойтесь бога!.. Слегка замялся, услышав, что на балконе Эрмитажа найдена коробка «Казбека». Впрочем, мало ли таких пачек в Ленинграде? Тысячи.

— Есть экспертиза. На коробке — отпечаток пальца. А если окажется, что ваш?

— Какая экспертиза! Я вообще зимой в перчатках хожу. Холодно.

— Четкий след перчатки у нас тоже имеется. И как раз — с музейной витрины, и именно, обратите внимание, из того самого зала, где украдены картины.

— Ну уж этого и быть не может. Про отпечатки пальцев слышал и читал — кто не знает. Но чтобы перчатка оставляла следы — это что-то новенькое. Далеко же ваша наука пошла, граждане начальники, как погляжу!

— Далеко, Амелин, далеко. Снимок перчатки мы вам покажем. Кстати, раз уж вы в перчатках ходите, где они? Предъявите.

С плохо скрытой тревогой смотрел Амелин, как его перчатки упаковывались в полиэтиленовый пакет и тщательно перевязывались. Пришлось расписаться на какой-то бумаге о невыезде из Ленинграда. Уезжать ему и самому не хотелось. Но жить здесь под надзором милиции улыбалось ему еще меньше, чем скитаться по городам и весям.

Следующая встреча произошла уже не у него дома и не за чайным столом, а в строгом кабинете, где ему предъявили отпечаток пальца, безусловно похожий на взятый у него, — это любому видно, а также фотоснимок перчатки, увы, действительно его собственной.

И тогда он признался, что похитил эрмитажные картины. Его отвезли домой, и он показал сарай во дворе, где под крышей, вынутые из рам и свернутые в трубку, лежали Дафнис, Хлоя и немощный больной, коему даруется волшебное исцеление.

На морозе, под крышей старого деревянного сарая, лежала картина, написанная молодым Карлом Брюлловым в Италии задолго до того, как приступил он к созданию своего шедевра — «Последнего дня Помпеи». Даже смотреть было зябко на покрытые инеем обнаженные фигуры юных пастухов, героев буколического романа древнегреческого писателя II—III века нашей эры Лонга. Любовные переживания и приключения юных селян надолго вошли в историю мировой культуры и, кроме изобразительного искусства, стали также содержанием балета Равеля... Путешествие этого сравнительно небольшого полотна из Рима в Петербург прошло в свое время спокойнее, чем ночной переезд из Зимнего дворца в жилой дом, а затем и в деревянный сарай на улице Плеханова. Но что с того героям старого греческого романа? Их не грело яркое солнце Италии, не студили холода северной русской столи-

цы. Они по-прежнему были заняты своей вечной любовью, мгновение которой остановила кисть Брюллова. Теперь им предстояло окончательно водвориться в знаменитый музей на берегу Невы.

Можно понять, почему именно Дафнис и Хлоя стали жертвой предприимчивого жулика — кроме несколько большей доступности зала русской культуры, отнюдь в Эрмитаже не главного, и кроме стоимости картины значение имел и ее размер. Не унесешь же с собой в самом деле «Последний день Помпеи», хотя это весьма заманчиво. Тут не такси, а железнодорожный вагон понадобится. Да и хлопот с продажей потом не оберешься — очень уж популярная вещь...

Под давлением улик Амелин сознался и в кражах из дирекции театральных касс, Соборной мечети и Дома моделей. Его привлекали объекты необычные, тем более что считал он себя человеком с фантазией и вкусом. Да и руки у него золотые — нет для них ни замков, ни запоров. Вы все только поглядываете на мечеть, гадая, что там внутри. А я побывал там! Интересно все-таки! Неверный разгуливает по заветному храму, куда его никогда не впустили бы по доброй воле. Подумаешь, взять ковры в магазине. А в мечети — совсем другое дело.

Ну а Дом моделей — тоже занятно. Не носить же ширпотреб, какого навалом в магазинах!.. На суде один из модельеров Дома ахнул — подсудимый явился на заседание... в элегантном костюме, том самом, в котором манекенщик прохаживался в свое время по демонстрационному помосту. Амелин шел торжественной, горделивой походкой, будто тоже демонстрируя прекрасно сшитую вещь. На скамью подсудимых садился осторожно, боясь измять длинный пиджак.

Он вообще был равнодушен к прекрасному.

Правда, последующие восемь лет своей бурной жизни Амелин носил одежду другого покроя.

ПОРТРЕТ НА ПОДУШЕЧКЕ ПАЛЬЦА

Помните, как мы волновались, замирая у телевизоров, когда шел телефильм «Семнадцать мгновений весны»? И особенно в тот вечер, когда Мюллер получил отпечатки пальцев Штирлица с ручки чемодана, в котором находилась рация? Запертый в камеру, Штирлиц мучительно думает, как объяснить это обстоятельство. Необъясненное, оно грозит провалом, катастрофой, смертью.

Отпечатки пальцев. Кто сегодня не знает о них? Редкий детективный кинофильм обходится без показа этого ведущего криминалистического средства идентификации преступника, отождествления личности. Это естественно: дактилоскопия — один из «китов» криминалистики на протяжении вот уже многих, многих лет.

Ее открытие произошло так. Шотландский врач Генри Фолдс рассказал в письме, посланном им в один из лондонских журналов: «В 1879 году мне довелось рассматривать несколько найденных в Японии доисторических глиняных черепков, и я обратил внимание на отдельные отпечатки пальцев, которые, должно быть, остались на сосудах тогда, когда глина была еще влажной. Сравнение этих отпечатков со вновь сделанными дало мне повод заняться этой проблемой. Общий тип пальцевого узора не меняется в течение всей жизни, а следовательно, может служить для идентификации лучше, чем фотография».

Новый метод развил английский ученый Фрэнсис Гальтон. Прошли десятилетия — и дактилоскопическая карточка стала постоянным, надежным и неизменным «паспортом», «портретом» человека, преступившего Закон.

В русских судах следы пальцев рук стали служить доказательством примерно в те же годы, что и в других странах — в начале XX века. Первые такие процессы вошли в историю криминалистики.

Осенью 1912 года в Петербургском окружном суде слушалось дело по обвинению двоих подозреваемых в убийстве аптекаря. Зал суда был заполнен до отказа. Но на этот раз стечение публики объяснялось не только интересом, какой обычно вызывали подобные процессы, но и тем, что впервые в этом зале слушалось дело, по которому в качестве доказательства выступал... отпечаток пальца одного из подозреваемых. Присяжные заседатели привыкли находить доказательства вины или невиновности подсудимых в рассказах свидетелей. На этот раз свидетели показывали в пользу обвиняемых. И только один-единственный отпечаток разоблачал их.

Присяжные заседатели были заинтригованы не меньше, чем публика в зале. Эксперт В. И. Лебедев понимал, что убедить присяжных будет нелегко. В течение полутора часов он терпеливо объяснял им, что такое дактилоскопия. На школьной грифельной доске, установленной здесь же, в суде, он развесил таблицы и фотографии и убедительно показал, что след пальца на оконной витрине аптеки, разбитой преступниками в момент убийства, и след пальца одного из подсудимых тождественны. Эксперт, а вместе с ним и молодая тогда дактилоскопия победили.

10 ноября (по новому стилю) 1917 года — день рождения советской милиции. А уже в июле 1918 года в приказе № 40 по уголовно-розыскной милиции говорилось о необходимости принять срочные меры, чтобы ознакомить сотрудников милиции, и прежде всего работников уголовного розыска, с дактилоскопией.

Впрочем, действительно ли дело обстоит так? Верно ли, что рисунок на коже наших пальцев — признак сугубо индивидуальный? Математики подсчитали: если взять у человека отпечатки всех десяти пальцев, то вероятность совпадений его папиллярных линий с линиями на руке другого лица окажется 1:64 000 000 000! Иными словами, такое совпадение практически невозможно.

Серьезные научные открытия обычно нелегко пробивают себе дорогу. Так случилось и с дактилоскопией. Скептики стали уверять, что папиллярные линии — признак ненадежный, может быть все-таки изменчивый. Ведь чтобы окончательно выяснить это, нужны долгие, многолетние эксперименты! И тут, в начале 1934 года, как нарочно, произошло событие, которое внесло в этот спор настоящее смятение.

Сержант чикагской полиции и три агента ФБР после длительного преследования и долгих засад наконец-то

выследили и пристрелили крупнейшего американского гангстера Клутаса. В уголовной полиции США стало правилом снимать отпечатки пальцев и у мертвых преступников, чтобы точно знать, кого можно вычеркнуть из списков разыскиваемых. Клутаса дактилоскопировали. И тогда случилось нечто такое, что повергло Америку в ужас и отчаяние: пальцы мертвого Клутаса... не дали никаких отпечатков! Они не имели папиллярного узора!

Криминалистов и полицейских охватила паника. О случившемся дали знать директору ФБР Гуверу. Тот распорядился немедленно пригласить лучших врачей-дерматологов и поручить им тщательно обследовать пальцы убитого. И через два дня ученые и криминалисты смогли вздохнуть с облегчением. Оказалось, что некий врач, пожелавший, разумеется, остаться неизвестным, подверг гангстера операции и снял кожу с кончиков его пальцев. Неужели же в этом состояла надежда преступников избежать идентификации?.. Нет, надеяться им оказалось не на что. Выяснилось, что после пластических операций папиллярные линии восстанавливаются снова, причем сохраняют свой прежний, индивидуальный рисунок. На молодой коже пальцев убитого теперь различили прежние, уже наметившиеся линии.

Но и этот научный факт признали не сразу. Еще не раз станут преступники, не доверяя самой науке, обращаться к врачам, корчиться от боли во время операций и потом воочию убеждаться, что страдания их были напрасны.

Возможности криминалистики не должны становиться достоянием широких кругов общественности. Но такое крупное открытие, как дактилоскопия, трудно оказалось сохранить в тайне. Шли годы, и преступники по мере своей грамотности, начитанности и любознательности поняли, что отпечатки пальцев следует уничтожать, стирать с предметов.

Но это трудно — помнить во время воровского или бандитского налета, к чему прикоснулся, к чему нет. И так-то нервы сдают. И тогда правонарушители придумали то, что лежало, казалось бы, на поверхности: орудовать в перчатках.

В кино мы нередко видим, как некто с разведывательной или преступной целью проникает ночью на предприятие, в учреждение или квартиру. Одет он бывает при этом в плащ с поднятым воротником, на лице — темные очки, руки — в перчатках. Думается, всё это скорее штамп детективного кино, нежели отражение действительности.

Реальные правонарушители вряд ли бродят в потемках, нацепив дымчатые очки. Что же касается перчаток, то и они при ночных налетах — явная помеха. Многие приходится делать на ощупь. А пальцы в перчатках теряют осязание, вор чувствует себя неуверенно, движения его рук становятся неловкими, замедленными. Поэтому к перчаткам прибегают в крайне редких случаях. А если бы знали преступники, что и перчатки оставляют след — «перчаточный век» ушел бы в прошлое.

Поэтому идентификация по отпечаткам пальцев и сегодня остается главным и мощным оружием криминалистов. Особенность и важность этого метода в том, что он помогает определить личность не только преступника, но, если нужно, и жертвы.

Однако история дактилоскопии — вовсе не гладкая, накатанная дорога. Здесь имелись определенные проблемы.

Представьте себе: в руках работников милиции — фотоснимок отпечатка пальца подозреваемого лица. Надо проверить, нет ли в картотеке милиции идентичного пальцевого узора. А карточек здесь тысячи. Попробуйте их просмотреть и узнать похожий рисунок! Через несколько часов такой работы голова пойдет кругом. И вот лет двадцать назад тогдашний начальник Ленинградского управления внутренних дел комиссар милиции 2-го ранга Александр Иванович Соколов (сейчас его звание именовалось бы «генерал-лейтенант») понял, что важнейшее дело идентификации папиллярных узоров необходимо ставить на серьезную научную и техническую основу. По его инициативе в Ленинград доставили электронную машину, созданную минскими учеными и инженерами для криминалистической практики, но никак не использованную ими. Экспертно-криминалистический отдел ГУВД Ленинграда совместно с научно-исследовательским институтом МВД СССР начал изучение новой методики. А первые опыты работы с новой машиной проводил сотрудник отдела, старший эксперт подполковник милиции Виктор Иванович Нестеров. Странная судьба у этого человека! Всю жизнь — с сорок первого года до недавнего времени — он сражался с врагом и при этом никогда не видел его в глаза!

Матросом-мотористом он провоевал всю войну. Его катер «морской охотник» принимал участие и в легендарном, трагическом переходе Балтийского флота из Талли-

на в Кронштадт в самом начале войны. Гитлеровцы яростно бомбили караван кораблей. Суда и люди тонули в огненной круговерти. А краснофлотец Виктор Нестеров, оставаясь на своем посту в машине, ничего этого не видел — ощущал только близкие разрывы бомб, вздрагивание корпуса катера да резкие сигналы судового телеграфа. В июле сорок третьего катер подорвался на mine. Очевидцы рассказывали о страшном зрелище: корма судна летела высоко над водой в одну сторону, носовая часть — в другую. Но матрос Нестеров не видел и этого — он очнулся в воде с кровоточащей раной на лбу. Его подобрала, спасли. И, поправившись, главстаршина Нестеров спустился в машину нового катера.

После трех лет сверхсрочной службы в морской пограничной школе окончил экспертно-криминалистическое отделение при Высшей школе милиции в Москве и вернулся в Ленинград. Неожиданно для самого себя он влюбился... в дактилоскопию. Нам, людям далеким от криминалистики и ее узких специализаций, трудно представить себе такое искреннее, горячее увлечение. Мы привыкли к другому: человек увлечен театром, балетом, литературой, астрономией, архитектурой, биологией... Но испытывать творческое удовлетворение от того, что ты сумел снять отпечатки пальцев с кисти выловленного в реке трупа, когда кожа утопленника давно уже утратила свои обычные свойства и внешний вид, — это нам представить себе нелегко. И все же Виктор Иванович и сегодня говорит о дактилоскопии так, что становится ясно: начини он жизнь сначала — снова занялся бы тем же самым любимым делом. Идентификация пальцевых отпечатков стала его профессией, постоянным занятием, делом всей жизни. И опять он не видел врага — только фотоснимки его пиллярных линий или кистей рук погибших людей.

Вскоре после начала службы в экспертно-криминалистическом отделе Виктор Иванович убедился, какая сила заключена в его знаниях, опыте, профессии. Судили взломщика пивного ларька. («Сколько лет прошло, а даже фамилию его помню — Язев», — сказал Нестеров.) Судья колебался. Во-первых, подозреваемый уверял, что в момент ограбления ларька находился не в Ленинграде, а у матери на Украине. А главное — адвокат с большой убедительностью говорил, что, потеряв на фронте правую руку (а это было правдой), человек вряд ли способен взломать тщательно запечатое помещение. Доводы адвоката заметно поколебали настроение суда. Тогда в зал заседания вызвали эксперта Нестерова. Его попросили

Эксперт-криминалист подполковник милиции
Виктор Иванович Нестеров.

еще раз подтвердить, принадлежат ли отпечатки, снятые на месте преступления, пальцам левой руки Язева. И Виктор Иванович еще раз подтвердил это.

В зале наступила минутная тишина. И вдруг однорукый человек на скамье подсудимых встал и сказал:

— Раз наука утверждает, что это след моей руки, значит, моей.

Это был единственный случай, когда Нестеров видел человека, чье преступление он помог раскрыть. Эксперты не всегда охотно сидят на судебных процессах — это дополнительная и нелегкая нагрузка. А Виктор Иванович сказал:

— Это счастье, когда эксперта приглашают в суд. Можно наглядно показать свою правоту, открыть истину...

Он так и сказал — счастье.

Электронная машина минских ученых вызвала поначалу некоторое недоверие, сомнения. Что она может? Неужели способна заменить эксперта или хотя бы серьезно облегчить его работу?

У машины действительно имелся определенный недостаток. Она умела сличать любые цифровые индексы и коды, запоминать любое их количество. Но создавать, со-

ставлять коды она не могла. Это предстояло сделать людям. А как перевести папиллярный рисунок в цифры? Как создать условный код, чтобы ввести его в мощную память новоявленной электронной экспертши? Этим и занялся Виктор Иванович Нестеров.

Рисунок отпечатка человеческого пальца можно условно разъять на составные элементы, на типовые позиции. Ну, прежде всего, конечно, наименование пальца: большой, указательный и так далее. А затем возможны такие позиции: тип узора, разновидность узора, строение центра узора, строение дельты, количество линий. В каждой из этих позиций возможно несколько вариантов. Каждый вариант можно обозначить цифрой. И получается некий алгоритм. Наличествует цифровой ряд, пригодный для выдачи задания машине. Язык чисел ей понятен. И если в ее памяти найдется похожий, близкий ряд цифр, она в считанные секунды сообщит о нем оператору.

Но человек — не машина. А получаемые в каждом отдельном случае отпечатки пальцев — разного качества, иногда весьма посредственного. До появления электроники криминалисты радовались биологическому феномену природы, наделившей каждого человека своим неповторимым рисунком на кончиках пальцев. Теперь это безграничное разнообразие создало некоторые трудности в поисках общего языка человека и машины, — ведь она «любит» типовые коды. А количество линий на рисунке даже двум экспертам может показаться различным: одному, скажем, семь, другому — восемь. Различимы-то они не всегда отчетливо. Тогда приходится несколько усложнять кодирование — обозначать количество линий двойной цифрой.

И успех пришел. Ленинградцы стали пионерами и новаторами в освоении новой ступени криминалистической техники. Сегодня трудно себе представить, чтобы отпечатки пальцев подозреваемого приходилось отыскивать визуально, роясь в картотеке. Машина прочно завоевала авторитет и стала незаменимой помощницей экспертов. «Я возвращаю ваш портрет, — могла бы сказать она преступнику словами старого романса, если, конечно, ее научили бы этому. — И о любви вас не молю...» Да и то — зачем ей любовь? До этого еще не дошло. Ей требуется только точно составленный код.

А человек, одним из первых учивший новую машину уму-разуму, уже получая пенсию, продолжал трудиться в экспертно-криминалистическом отделе ГУВД Ленинграда. Его любовь не проходит.

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«А»

эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...» Голос Муслима Магомаева так и всплывает в памяти. Свадьба! Время действия — конец мая 1980 года. Место действия: курортный городок под Ленинградом — Зеленогорск. Действующие лица понятны любому: жених и невеста, их родители, родственники, друзья, сослуживцы. Свидетели. Этим придется остаться свидетелями на протяжении долгих двух лет...

Бывают традиции, принимаемые без особых размышлений о том, какой в них смысл. Да никакого! Просто так принято, весело, как у всех. И вот невеста надевает белое платье до пят и фату, в которых все невесты выглядят совершенно одинаковыми. И образуется кортеж частных автомобилей. На переднем зеленом «Москвиче» — ленты, цветы, воздушные шары, традиционная кукла-блондинка. Зачем она тут и что символизирует — неясно. Но так принято. Весело. Пусть видит праздный курортный город — счастливые люди начинают первый день своего долгого жизненного пути. Весной света начинается их личная, семейная весна. Какой она будет? Об этом в такой день не думают. Не принято. Некогда. В такой день совсем другие заботы. Вообще никто никогда так откровенно не живет одним лишь сегодняшним днем, как жених и невеста. Они даже не гадают, что будет завтра. И в этом смысле сходятся с булгаковским Сатаной — человек не может знать не только свой завтрашний день, но даже то, что случится с ним еще сегодня вечером...

Этого не знают жених и невеста.

Этого не знают свидетели.

Этого не знает хозяин зеленого «Москвича» Евдокимов.

Этого не знает рабочий Гульков.

Ничего не знает его жена.

Не знают прохожие на улице Красных Командиров.

И вообще еще никто ничего не знает.

Хозяин зеленого «Москвича» — профессиональный шофер. Но за рулем не он — его молодой приятель Володя Сухарев. Хозяин машины уже сильно пьян. Да и води-

тельских прав у него нет — отобраны недавно инспектором ГАИ. Поэтому Федор Евдокимов сидит сзади, за спиной водителя.

Едет кортеж по веселому весеннему Зеленогорску. Сверкает солнце. Его сверкание усиливает залив. Люди оборачиваются. Улыбаются. Шарик и ленты трепещут на ветру. Кукла-блондинка с застывшей улыбкой сидит уверенно, прочно. Ей все уступают дорогу. Может, эта слепая «впередсмотрящая» как раз и символизирует наше неведение о будущем?

Поездка окончена. Машины замерли у ворот дома. Гости шумно рассаживаются за праздничный стол. Только кукла-блондинка остается на радиаторе, и взгляд ее устремлен в никуда, да шарик поникли, безвольно свисая к земле, — ветра нет, а внутри у них не водород, а всего лишь обыкновенный воздух. И вянут гладиолусы в ручках двери «Москвича» — в доме есть другие цветы.

Бутылок на столе много. Пьют все. Дядя жениха Евдокимов не пропускает ни одного тоста, не залив его стопкой. Горько! Свадьба — дело святое. Горько! Как не выпить? Даже странно. Этого никто не поймет. Володя Сухарев, который катал молодоженов по весеннему городу, человек вообще-то непьющий, тоже выпил немного шампанского, немного водки. Горько! Ведь свадьба же! А садиться за руль сегодня больше не придется — ехать уже некуда.

В разгар праздничного застолья один из гостей нервничает все заметнее: его жена давно должна была прийти сюда — прямо с работы. Но урочное время истекло, а ее все нет. Может, сходить за ней?

— Еще чего, ходить, когда машина у ворот! — решительно восклицает Евдокимов и первым поднимается из-за стола. — Вот, кстати, и бабушку надо домой отвезти. Поехали!

В зеленый «Москвич», украшенный лентами и шариками, садятся не четверо, а пятеро пассажиров. Так веселее. Среди них и невеста. Хотел было протиснуться и жених, да не смог. За руль снова садится Володя Сухарев. Евдокимов, совсем уже пьяный, снова усаживается за спиной водителя. Сухарев, конечно, тоже выпил, и вести машину не стоило бы. Но ехать-то недалеко — в Зеленогорске все недалеко. Городок небольшой.

Снова подняли головы и трепещут на ветру шарик. Развеваются разноцветные ленты. Снова кукла-блондинка победно смотрит в никуда. И опять люди на тротуарах

замедляют шаг и глядят вслед веселой машине — свадьба! Счастья им, молодым! Совет да любовь!

Машина шла по городу. Кто-то с заднего сиденья попросил у Сухарева спички. Сухарев отнял правую руку от рулевого колеса, сунул ее в карман, покопался там, достал коробок и, обернувшись, протянул его назад. Выпил он совсем немного. Но этого хватило, чтобы, оборачиваясь, на секунду дольше, чем следовало, отвлечься от дороги. Левая рука, державшая руль, незаметно повела машину вбок. Автомобиль шел неторопливо, но все же описал дугу и ударился в дерево на противоположной обочине. Сухарев резко затормозил.

Хозяин «Москвича» Евдокимов в ярости выскочил из машины, обошел ее со всех сторон. Передний бампер помят. Фара треснула. Напортачил Вовка!

— Ты что, ездить разучился? Ты мне машину угробишь! А ну вали на мое место, я сам сяду за руль!

Сухарев повиновался: действительно виноват, и с хозяином машины спорить не приходится. Они поменялись местами, и Сухарев протиснулся на заднее сиденье.

— Дядя Федя, не надо, ведь у вас и прав-то сейчас нет, и выпили вы много! — увещевали Евдокимова пассажиры. Но он не слушал. Не слышал. Резко нажал на педаль газ. Машина рванулась вперед, с воем набирая скорость.

«Ехать с ним было страшно», — скажут потом пассажиры, все до единого.

Скорость росла. Мелькали улицы, повороты, перекрестки. Зеленый «Москвич» свернул на улицу Красных Командиров. Проскочил знак ограничения скорости «40». Евдокимов гнал за 80. Впереди показался поворот. На такой скорости вписаться в поворот трудно...

— Дядя Федя, остановись, мы хотим выйти! — трясла Евдокима за плечо невеста.

Евдокимов не реагировал. Машина правыми колесами выскочила на обочину, служившую здесь тротуаром: по ней шли трое мужчин.

Евдокимов резко отвернул влево, пересек встречную полосу. Машина ударилась о борт большого грузовика, стоявшего на противоположной стороне улицы. Одновременно на капоте «Москвича» мелькнуло тело одного из мужчин, только что шедших по обочине, потом человек куда-то исчез. Машина с куклой-блондинкой замерла поперек дороги.

Водитель грузовика с изумлением смотрел, как из зеленого «Москвича» выскакивали пассажиры, как, отставая от других, семенила, путаясь в своем платье, невеста. Пассажиры разбежались не оглядываясь. Г-о-о-рько! Убегала невеста. Убегали свидетели. И только водитель «Москвича», человек в белой рубашке, как заметил шофер грузовика, пересел с переднего на заднее сиденье и захлопнул дверцу. А справа от «Москвича», у переднего крыла, лежал человек. В том месте, где находилась его голова, медленно растекалось темное красное пятно. «А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала, и крылья эту свадьбу вдаль несли. Широкой этой свадьбе было места мало — и неба было мало, и земли!..»

Вокруг места происшествия остановилось несколько машин. Водители стояли, пытаясь понять, куда же подевались пассажиры зеленого автомобиля. Они удрали, даже не попытавшись оказать пострадавшему помощь. Кто-то уже вызвал «скорую». Она подъехала быстро — больница здесь расположена рядом. Увы, сбитому человеку уже нельзя было помочь.

Быстро подъехал и дежуривший в тот день на КП ГАИ в поселке Солнечном инспектор дорожного надзора В. Бухаров. С трудом извлек он из машины пьяного Евдокимова, задал несколько вопросов стоявшим вокруг людям, водителю грузовика. Потом погрузил Евдокимова в коляску своего мотоциклета и доставил в медвытрезвитель. В написанном тогда рапорте инспектор Бухаров указал, что за рулем машины, сбившей человека, находился гражданин Евдокимов, к тому же в состоянии сильного опьянения.

Этот факт был зафиксирован Бухаровым через несколько часов после происшествия, в тот же день, 23 мая 1980 года. Но и тот рапорт, и указанное в нем событие окажутся вне поля внимания и интереса следствия на протяжении целых двух лет. И всплывет свидетельство инспектора дорожного надзора только на суде, в 1982 году.

Погибший Гульков лежал в морге. Евдокимов отсыпался в медвытрезвителе. Остальные участники и свидетели происшествия разбрелись по домам. Свадьба продолжалась, хотя и с меньшим весельем. Чего уж веселиться — человека убили... И в самом деле вышло горько.

На другой день появился проспавшийся Евдокимов. Собрали семейный совет. Надо решить, как быть дальше.

Что отвечать на предстоящие вопросы следствия? Может сказать, как было?..

— Нет! — решительно заявил Евдокимов. — Володька, тебе придется взять это дело на себя. Пойми, у меня же несколько судимостей (вряд ли Евдокимов упомянул в том разговоре, что одна из них — за попытку изнасилования). Меня же сразу, без разговоров упекут! А ты молодой, неопытный, первый раз проштрафился. Что говорить следователю — мы сейчас придумаем, и тебе вообще ничего не будет, ну, отберут права и все!

И версию придумали. Она выглядела так.

Машина шла на разрешенной скорости по правой стороне проезжей части, как и положено. За рулем сидел Сухарев, прекрасный водитель, не имевший раньше замечаний со стороны инспекторов ГАИ. И все было тихо-спокойно. И вдруг какой-то человек неожиданно выскочил на дорогу с целью остановить машину и потребовать — по восточному обычаю — «выкуп» за невесту. Водитель, конечно, не мог так резко затормозить — и вот плачевный результат, чистейший несчастный случай. И если в нем кто и повинен, то именно и только пострадавший. Пешеходы ведь тоже бывают виноваты в дорожно-транспортных происшествиях. Правда, оказалось, что этот бедняга нарушитель — отец двоих маленьких детей. Но ведь не нарочно же его задавили! Что ж теперь поделаешь?!

Договорились: на допросах всем рассказывать именно такую историю. На том и порешили.

В состоянии еще не прошедшего хмеля, а может, опохмеления участники этого семейного совета не заметили нескольких слабых сторон изобретенной ими схемы событий.

Первая состояла в том, что пострадавший — рабочий Гульков — не был отдыхающим в наших краях гостем из какой-нибудь восточной республики, неизвестно даже, бывал ли он там когда-либо, и с чего это ему, коренному жителю северного города-курорта, спешившему с работы домой, вздумалось вдруг требовать «выкуп» с проезжающей мимо невесты? Бывает ли такое на дорогах северо-западной части нашей страны?

Вторая слабая сторона фальшивой версии заключалась в том, что если сидевшие знали о намерениях пострадавшего, следовательно, он успел их объяснить и что-то сказать. Но это было бы возможно, если машина уже остановилась и Гульков вел мирную, веселую беседу с невестой и ее друзьями. Но тогда почему, спрашивает

ся, он лежит сейчас мертвым в морге зеленогорской больницы?

Третья же слабая сторона придуманного хода событий по степени своей убедительности затмевала обе предыдущие. Но она не могла быть учтена и предусмотрена свидетелями происшествия. О ней ничего не знали. Она заключалась в том, что для того, чтобы что-то у кого-то просить или требовать, надо по меньшей мере... уметь говорить.

А погибший Гульков был глухонемым.

Семейный совет окончился. Выпили. Закусили. Договорились. И свидетели превратились в лжесвидетелей.

Впрочем, к чему гадать, каким образом лжесвидетели не разглядели слабых сторон своего вранья, если ничего подозрительного не увидел в нем и следователь следственного отдела районного Сестрорецкого управления внутренних дел старший лейтенант милиции В. Осокин!

3 июня 1980 года следователь Осокин впервые взялся за перо и на редкость крупным, но неразборчивым почерком вывел:

«...Водитель Сухарев В. Г., управлявший машиной «Москвич-2140», совершил наезд на пешехода...»

В первых документах следствия немало подробностей. Видимость в момент наезда — неограниченная. Состояние дорожного покрытия — идеальное, сухое. Нет в этих документах только истины.

«Водитель Сухарев совершил наезд...» Правда, водитель грузовика говорил что-то о том, что за рулем «Москвича» сидел человек в белой рубашке, а на Сухареве были надеты темная цветная рубашка и серый пиджак. Но что за пустяки! Все свидетели говорят — Сухарев. Никаких расхождений. А бывшая невеста, теперь молодая жена Любовь Бабенко, прочитав записанные следователем с ее слов показания, пожелала даже сделать собственноручную приписку. И куда более разборчивым и четким, чем у следователя, почерком начертала на последнем листе допроса:

«Я настаиваю на своих показаниях и твердо заявляю в том, что за рулем машины в момент наезда на гр. Гулькова 23 мая 1980 года управлял машиной Сухарев Владимир.

Записано собственноручно. Л. Бабенко».

Не шибко, как говорится, грамотно, но вполне внятно. И настойчиво. Даже подозрительно настойчиво. «Не боится, знать, греха!»

Не знаю, задумалась ли Люба Бабенко о том, что ложь постыдна и унизительна, что одна ложь неизбежно рождает другую. Подумала ли о том, что ее семья начинается с фальшивых, ложных человеческих отношений. О том, что печальное, драматическое происшествие случилось именно во время свадьбы и что они с мужем с самого начала своей жизни встали на путь лжи, безнравственности и вступили в противоречие с истиной, высказанной Достоевским в его речи о Пушкине: счастье невозможно построить на несчастье другого. И не закономерен ли финал ее брака, когда молодой муж сбежал вскоре в соседнюю с Ленинградской область, предпочтя семье, жене, двоим маленьким детям так называемый длинный рубль, возможность вместе с дядей, Евдокимовым, напиваться до бесчувствия без надзора и упреков? Может, все это и впрямь оказалось закономерностью?

И все же робкая тень сомнения, возможно, шевельнулась в сознании следователя Осокина, потому что через неделю, 10 июня, он устраивает очную ставку между свидетельницей Трудовой и подозреваемым Сухаревым. Результат однозначен. Трудова подтверждает, что за рулем находился Сухарев. А Сухарев этого не отрицает. Все ясно. Все гладко. Нарушитель-пешеход выскочил на проезжую часть неожиданно. Эксперты-техники подтвердили, что при такой ситуации водитель избежать наезда не мог. Выходит, действительно несчастный случай.

И хотя даже сам Сухарев не отрицал, что выпил перед этой поездкой немного водки и шампанского, и хотя видимость и покрытие были идеальными, и хотя в машине вместо положенных четырех пассажиров находилось пятеро, и хотя, нарушая требование дорожного знака ограничения скорости «40», машина шла значительно быстрее — об этом говорили даже дружные лжесвидетели,— тем не менее следователь Осокин пишет 30 июня:

«Уголовное дело прекратить за отсутствием состава преступления».

Эту бумагу подписывает и начальник следственного отдела Сестрорецкого РУВД майор милиции Мясников.

Порядок!

Такое решение следственных органов устраивало всех причастных к происшествию живых людей, кроме одного человека — жены, а теперь вдовы погибшего Гулькова,

тоже женщины глухонемой. Она писала жалобы и протесты. И тогда дело о наезде в Зеленогорске во время «свадебного путешествия» превратилось в некий бумажный мячик, который совершает полеты туда и обратно, как в теннисе.

19 сентября 1980 года прокурор Сестрорецкого района советник юстиции В. Афанасьев принимает решение: постановление следователя Осокина отменить и расследование возобновить.

18 декабря 1980 года следователь Сестрорецкого РУВД старший лейтенант милиции В. Ермаков после дополнительных размышлений и проверок дальнейшее производство дела прекращает.

24 февраля 1981 года заместитель прокурора Сестрорецкого района младший советник юстиции А. Селиверстов пишет начальнику следственного отдела Сестрорецкого РУВД майору милиции В. Мясникову:

«Возвращаю уголовное дело... Еще раз обращаю ваше внимание на низкое качество следствия по уголовным делам... Органы следствия неправильно оценили дорожную обстановку... Постановление следователя Ермакова от 18.XII.80 о прекращении уголовного дела отменить, производство по делу возобновить. Закончить дополнительное расследование в следственном отделе Сестрорецкого РУВД до 24.III.81».

Майор Мясников накладывает резолюцию: «Тов. Осокину В. А.»

Следователь Осокин, вероятно, был раздражен. С какой стати прокуратура треплет ему нервы и выражает недоверие к качеству его работы! Ведь сказано же: в деле состава преступления нет! Не менять же собственное решение! Он еще раз перечитал записанные со слов свидетелей показания. Все гладко. Дело ясное. Никаких ошибок в работе у него нет и быть не может. И Осокин снова прекратил темное уголовное дело производством, на этот раз — досрочно.

Но, оказывается, следователь Осокин — не решающая инстанция. Решающая инстанция в данном случае — вдова Гулькина и двое его детей. Вдова продолжает писать, жаловаться, настаивать. Поэтому 17 марта 1981 года материалы дела попадают в Следственное управление ГУВД Леноблгорисполкомов, в отдел, ведающий дорожно-транспортными происшествиями. На этот раз его вручают работнику более опытному — старшему следователю подполковнику милиции Ю. Левину.

Он начинает вызывать свидетелей, допрашивать их, записывать показания — все, как положено. Прочтите. Распишитесь. Прочтите. Распишитесь. Перед подполковником проходят все те же лица — люди по преимуществу молодые, двадцати с небольшим лет; они по привычке, как затверженный урок, повторяют все подробности происшествия. Уже сама его давность бросает на эти беседы в кабинете старшего следователя налет некоей надоевшей всем игры. Те же вопросы. Те же ответы. Всем до смерти скучно: и свидетелям, и следователю.

17 апреля 1981 года подполковник Левин решает «дело прекратить за отсутствием состава преступления».

И опять все довольны и спокойны, кроме вдовы Гулькина. И опять она берется за перо.

22 февраля 1982 года дело снова в прокуратуре Ленинграда. Начальник отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел прокуратуры Ленинграда юрист I класса Д. Мальков постановление о прекращении дела отменяет. Дело вынужден принять назад подполковник Левин. Он возобновляет допросы свидетелей и терпеливо выслушивает их. Прочтите. Распишитесь. Прочтите. Распишитесь.

12 апреля 1982 года подполковник Левин вторично выносит постановление дело прекратить.

12 мая прокуратура Ленинграда вновь возвращает дело для дополнительного расследования.

Руководство Следственного управления ГУВД смотрело на разбухающее дело с тоской. Такие дела на местном профессиональном жаргоне именуются «глухарями» — глухое, запутанное, значит, дело, где докопаться до истины уже не представляется возможным. Но с протестами прокуратуры не считаться нельзя. И тогда надоевшее всем собрание документов, допросов, постановлений, решений и их отмен вручили следователю отдела, тогда — майору милиции Тамаре Михайловне Никандровой.

— Перспектив докопаться тут до чего-нибудь путного практически нет, — сказал, передавая Никандровой злополучную папку, начальник отдела. — Но все же посмотрите еще раз для порядка. Прокуратуре надо ответить...

Первой Никандрова вызвала к себе вдову погибшего, Аллу Вениаминовну Гулькину. С ней следователи до сих пор вообще старались не общаться. Во-первых, допрос жены погибшего, женщины, как и он, глухонемой, требовал присутствия переводчика. А его поиски — это лишняя морока. Поэтому его никто и не пытался искать. Во-

вторых же, кому нужна жена пострадавшего, ведь она при происшествии не присутствовала, а только жалуется и жалуется на следствие. Людей от дела отрывает. Сказано ей: несчастный случай!

На этот раз в кабинете следователя Никандровой присутствовал переводчик. И вдова пострадавшего рассказала:

— Сравнительно недавно, в марте нынешнего года, ко мне домой пришли Евдокимов и его жена. Они предложили мне материальную помощь и хотели вручить торт для детей. И от денег, и от торта я отказалась...

Это уже интересно. Невинный Евдокимов вдруг, через два года после драматических событий, почему-то приходит в семью пострадавшего, предлагает деньги, прихватывает торт... С чего бы это? Ведь наезд совершил Сухарев? Так показывали все свидетели.

И снова рассылаются повестки, приглашающие свидетелей на новые — которые уже по счету — допросы. И снова все они приходят в знакомое здание на улице Каляева, получают пропуски, поднимаются по знакомой лестнице на второй этаж. Все как прежде. Новизна происходящего состоит на этот раз лишь в том, что перед ними сидит женщина с внимательным взглядом, и она не начинает заполнять бланки допросов, а просто, не записывая, разговаривает.

— Вы, конечно, знаете, — говорит она первой же свидетельнице, — что есть закон, позволяющий наказать человека за то, что он ввел следствие в заблуждение. Закон требует говорить правду. Я от вас ничего не требую, и наказывать вас за лжесвидетельство никто не будет. Просто прошу ответить на один-единственный вопрос: не мучает ли вас два последних года совесть? Столько раз говорить, повторять, твердить одну и ту же ложь — вы не устали от этого? И вам нисколько не жаль, что семья с двумя малолетними детьми осталась без отца, мужа, кормильца, а виновный ускользнул от наказания! Да к тому же он — не просто виновный в несчастном случае! Евдокимов — не раз судимый, опустившийся человек, алкоголик, преступник. А вы его два года покрываете. Да еще стремитесь утопить невинного молодого парня, который взял вину на себя. Если все это вас не мучает, не смущает — давайте пропуск, подпишу, и вы свободны.

Конечно, разговоры в кабинете следователя Никандровой шли куда подробнее и дольше: имеется возможность лишь бегло очертить ход психологических поединков. Именно потому, что следователь Никандрова не хва-

талась за перо и бумагу, чтобы немедленно, не глядя на человека, не видя его лица, его глаз, автоматически фиксировать произносимые им слова, именно поэтому и не существует точного протокола тех долгих, многочасовых бесед.

Зато эти длительные беседы дали удивительные результаты. И когда следователь Никандрова в конце концов начинала записывать текст допроса, смысл вопросов и ответов, то свидетели, судя по этим записям, начинали так: «На предложение следователя рассказать правдиво о происшедшем...»

Получается, что раньше никто им не предлагал «рассказать правдиво».

Одна из свидетельниц объяснила свое признание так:

— Знаете, я сегодня говорю правду, потому что впервые почувствовала, что она кому-то действительно необходима.

Теперь свидетели один за другим говорили правду. И вставала подлинная картина происшествия, история преступного сговора, хроника того «тенниса», в который солидные и ответственные люди играли целых два года.

27 сентября 1982 года в кабинет Никандровой вошел, наконец-то, и Евдокимов. Зная, что его «свидетели» начали сознаваться во лжи, он долгое время уклонялся от встречи со следователем, оттягивая разоблачение. Поняв, что дело кончится его приводом в Следственное управление под конвоем, он пришел сам. Долго молчал. Курил. Вздыхал. Выходил для передышки в коридор. Пил воду. Снова курил. Потом махнул рукой и произнес традиционное: «Пишите!..»

С л е д о в а т е л ь. У этого понятия общий корень со словом «исследовать». Исследовать, а не фиксировать. А исследовать приходится многое — психологию человека, мотивацию его поведения, побудительные причины поступков. Потому что следователь — человек, на чьих плечах лежит огромная ответственность за жизнь и судьбы других людей. В Толковом словаре Даля сказано: «Ошибка следователя, допущение к присяге прикосновенного лица, портит дело неисправимо». В переводе на современный русский язык это значит: допущение лжи со стороны свидетеля или иного лица, причастного к преступлению, портит дело неисправимо.

Окончив юридический факультет Ленинградского университета и мечтая стать следователем, Тамара Ни-

кандрова одновременно увлекалась спортом: лыжами, плаванием, гимнастикой. По лыжам имела первый разряд, по плаванию — второй. Но именно по причине спортивных успехов ее долгое время не хотели брать на следственную работу: будет, мол, ездить по всяким соревнованиям, а дело делать за нее придется другим!.. Поэтому, окончив университет в 1958 году, Никандрова стала следователем лишь в 1964-м. Нет, спорт ее работе не мешал. И другим переделывать ее работу не приходилось.

В спорте, как ни в какой иной области человеческой деятельности, всегда четко, точно решается вопрос: кто победил, кто потерпел поражение. Здесь есть критерии. Именно в спорте учатся люди уважать бесспорную истину, честную борьбу. Победа в спорте — результат очевидной истины. А в следственной работе? Всегда ли тут очевидность наглядно совпадает с истиной?

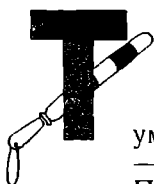
Возможно, Тамара Михайловна Никандрова не задумывалась над сравнением спорта и следственной работы. Она думала о другом: буквой Закона истину не определишь, не обозначишь. В отличие от своих предшественников по делу о «свадебном путешествии» она знала: важен дух Закона, вдумчивые, неторопливые поиски правды. Здесь переплелось многое: опыт, формируемая им интуиция, искренняя заинтересованность в успехе, профессиональное мастерство и честность. В судебном деле это выглядит так: вошли в кабинет Никандровой свидетели и «вдруг» стали сознаваться в своей упорной лжи. Нет, не «вдруг». Просто за два года бюрократической волокиты, равнодушия, безразличия новый, четвертый по порядку, следователь поднял голову от бумажек, от текстов допросов и протоколов и посмотрел собеседнику в глаза, желая что-то в нем понять, уловить, разбудить. Дух Закона учитывает человеческий фактор. Только понимая это, должностное лицо может по праву называться следователем, а не чиновником или бюрократом.

В кабинете старшего следователя по особо важным делам подполковника милиции Тамары Михайловны Никандровой сидят двое молодых родителей. Они раскладывают перед старшим следователем веер из цветных фотографий, где запечатлен их мальчик, их единственный семилетний сын. Он погиб под колесами грузовика в результате собственной неосторожности. В этом случае водитель действительно признан следствием невиновным. Он ничего не мог сделать: мальчонка вылетел на проез-

жую часть — дело было зимой,— катаясь на санках с горки. И никакие силы в мире не могли предотвратить столкновения маленьких детских салазок с огромным тяжелым грузовиком. Шофер был трезв, опытен, внимателен. Он сделал все, что мог. Но мальчик погиб.

Тамара Михайловна слушает убитых горем людей. У нее сегодня, как обычно, тьма важнейших дел. Звонит телефон. Вызывает руководство. Ждут разбирательства еще не завершённые дела. Время неумолимо бежит, и вернуться домой опять удастся лишь к ночи. Но она рассматривает фотографии, снова и снова слушает жалобы, требование возобновить следствие и непременно наказать водителя. Тамара Михайловна точно знает, что наказывать его не за что. Но она молчит, слушает, потом что-то говорит, объясняет, утешает как может. Говорит о Законе, который не всегда и не легко можно «приспособить» к человеческим страданиям, о справедливости, которая в нашем эмоциональном восприятии не всегда дает утешение. Что делать? Справедливость — ее ремесло. Недаром же из всех служб органов внутренних дел только работники Следственного управления носят на своих петлицах отлитые из желтого металла щит и меч.

24 ЧАСА МАЙОРА КАРЦЕВА

тумблер.

— ГАИ, ответственный дежурный Карцев!..

Пульт оперативной связи «горит». Перед ответственным дежурным — более сотни маленьких световых табло. Они загораются одно за другим, иногда несколько сразу. Одновременно звучит зуммер. Каждый световой и звуковой сигнал — оповещение о том, что где-то что-то случилось. Здесь — сердце Ленинградской автомобильной инспекции, скрещение пульсирующих артерий города и области.

Под каждым световым окошечком — тумблер включения. Быстрое движение руки — и в телефонной трубке рождаются голоса.

— Угнали машину! «Жигули», тройка, белого цвета, крыша черная, номер...

Тумблер.

— На Якорной прорвало водопроводную трубу под проезжей частью. Асфальт провалился. Автобус с пассажирами засел передней осью. Вода заливает улицу...

Тумблер.

— Какая завтра будет погода? Можно ехать на дачу?

Тумблер.

— Товарищ дежурный, у меня внучка пропала, Наташа, десять лет! Давно должна вернуться. Нет ли у вас каких сведений?

Тумблер.

— У соседей драка! Они всю квартиру разнесут! Помогите!..

В тот вечер конца сентября 1986 года, когда за пультом оперативной связи находились майор милиции Станислав Николаевич Карцев и его помощники, странно совпали два события.

Во-первых, именно в этот вечер ленинградское телевидение показывало премьеру документального фильма

«Трагедии на дорогах», посвященного работе сотрудников Ленинградской ГАИ. Действующим лицом его был и майор Карцев. Но сам он смотреть картину не мог — дежурство выдалось напряженным. К тому же в помещении дежурной части нет телевизора — чтобы не отвлекал от работы.

Двадцатиминутный фильм, хоть и удостоенный, кажется, каких-то призов, особого впечатления не производит. В нем много кадров, где засняты искалеченные ребяташки: они по собственной оплошности тяжело пострадали на дорогах. Но о работе сотрудников ГАИ в картине рассказано мало, их труд не раскрыт сколько-нибудь глубоко и наглядно. А он состоит далеко не только в том, чтобы останавливать машины, проверять документы, выявлять пьяных водителей или штрафовать легкомысленных пешеходов. Что же касается майора Карцева, то он мелькнул в кадрах фильма, сидя за своим пультом. И зрители не вынесли ни малейшего понятия о его работе.

Вторая особенность того вечера состояла в том, что в конце сентября, когда в обычные годы в Ленинграде стоит теплое бабье лето, люди приносят из леса полные корзины грибов, и только начинают плыть и планировать в прозрачном воздухе желтые кленовые листья, вдруг повалил снег и случился первый в том сезоне гололед. Особенно жестоко обрушилась беда на западную часть области, на шоссе Кингисепп — Ленинград. Оттуда летели тревожные сообщения: «Не успеваем одну машину из кювета вытаскивать — туда летит другая!» Весь вечер, вся ночь шли тогда под знаком неожиданно наступившей непогоды. ГАИ, конечно, не аэропорт. Но погода и здесь также важна для безопасности людей. Специалисты утверждают: езда в автомобиле в пятнадцать раз опаснее, чем полет в салоне воздушного лайнера. Так говорит статистика. Это связано и с погодой.

В неуточное позднее время в своем кабинете появился начальник управления ГАИ полковник Юрий Николаевич Лоскутов. Сразу замигало его личное табло на пульте. «Шеф», как его здесь дружелюбно называют, распорядился немедленно разыскать руководителя Ленавтодора и потребовать у него, чтобы были подняты все дорожные службы и технические средства. Необходимо во что бы то ни стало предотвратить хотя бы часть дорожных трагедий — а их этой ночью нетрудно оказалось предвидеть.

Руководители Ленавтодора заверили, что вся

Пульт оперативной связи
«горит»...

Инспектор ГАИ
Станислав Карцев.

техника и все люди находятся «на товсь». А дежурные с постов ГАИ оттуда, издалека, с вьюжных загородных дорог, сообщали в телефонные трубки, что никакой техники в поле зрения у них нет, никто на трассах не работает, проезжую часть заносит снегом и лужи от сильного ветра покрываются тонким, предательским льдом. Водители же, привыкшие к ощущениям летней езды, не могут сразу психологически перестроиться, и число аварий быстро растет.

— ГАИ, ответственный дежурный Карцев.

— Какие-то люди подъехали на «рафике», погрузили со стройки сантехническую арматуру и уехали. Номер машины...

Тумблер.

— Трамваем сбита девочка лет десяти! Имя и фамилия неизвестны — она без сознания. Пришлите людей. «Скорую» мы вызвали...

Тумблер.

— Угнали машину! «Москвич» апельсинового цвета, на крыше — багажник, номер...

Тумблер.

— В Неве сильный подъем воды. Под угрозой затопления набережные Васильевского острова. Транспорт уже «плывет»...

Тумблер.

— Скажите, как покороче проехать к Финляндскому вокзалу? По какому маршруту? Я нахожусь...

Тумблер.

— На нашей улице не горят фонари. А на проезжей части жуткие ямы. Машины побьются. Примите меры!

Тумблер.

— Таксист разворачивался и сломал молодую березку! Умчался в сторону Купчина!

Грузовик шел на высокой скорости. Конец дня, народу на улице много. А водитель газует, не разбирая дороги. Надо остановить. Может, пьян?

Инспектор дорожно-патрульной службы старший лейтенант Карцев тоже прибавил скорость. Его мотоцикл начал сближаться с грузовиком. И вдруг на повороте улицы, не замечая опасности, появилась женщина. Не видя грузовика, она ступила на проезжую часть. Карцев ничего не успел сделать, но понял, увидел то, что сейчас

произойдет, на секунду раньше. Грузовик резко ударил женщину крылом. Она упала на землю и тут же оказалась под колесами тяжелой машины. Кто-то на тротуаре вскрикнул. Но водитель грузовика и не думал тормозить. Он рванулся вперед и стал уходить по соседней улице. Его надо остановить любой ценой. Иначе — новые жертвы! Прохожие, конечно, вызовут «скорую», сделают все, что надо. Его дело сейчас — погоня.

Выжимая из мотоцикла все его силы, Карцев наконец обошел грузовик. На приказ остановиться шофер не реагировал. И тогда старший лейтенант милиции принял единственно возможное решение: он резко затормозил впереди грузовика и начал волчком крутиться на месте, преграждая огромной машине дорогу.

Инспектор крутил мотоцикл виток за витком. Он не думал о том, что сейчас, через секунду, последует страшный удар и все будет кончено. Он погибнет, не выполнив долга. Впрочем, он просто не успел подумать об этом. Все происходило в считанные секунды.

А в глазах водителя грузовикаплыли радужные круги. Водка и без того туманила сознание, а тут еще что-то крутится перед носом, гипнотизируя, приковывая взгляд, будто втягивая в это тошнотворное, бесконечное кружение. И тогда он ударил непослушной ногой по тормозам.

Когда Карцев подскочил к водительской кабине, шофер почти выпал из нее ему на руки. Больше жертв не будет...

Майор Карцев преодолел многие крутые ступени военной, а потом и инспекторской службы. Два года в десантных войсках на Украине стали его первой «высшей школой». Кавычки в данном случае означают высоту над уровнем земли. Ночные прыжки из самолета — в пустоту, когда нет ни неба, ни земли, одна неведомая бездна. А надо приземлиться в заданной точке. И снова входить в самолет, и опять проваливаться в ничто. Казалось бы, в минуты такого падения в бездну человек одинок и может надеяться только на себя. Но десантники подразделения знали: рядом парит смелый, надежный человек. И если будет необходимость и хотя бы малейшая возможность — он придет на помощь, не думая в это время о себе.

Когда рождается в человеке мужество и сознание того, что он не один на земле или в небе? Заложено в генах? Или в детские годы воспринимает он справедливость и несправедливость взрослых? И когда, в какие минуты мягкая глина юношеской воли превращается в твердый и надежный каркас?

Четыре года службы на КП ГАИ в поселке Солнечном. Он стал дорожным хозяином огромного района. Здесь не было пульта оперативной связи — самый обыкновенный телефон. Но и он регулярно сообщал о трагедиях на дорогах. Приходилось садиться в седло мотоцикла и ехать за десятки километров в любую погоду — в дождь, мороз и метель, — застревая в сугробах, чтобы увидеть разбитую машину, труп на обочине, горстку растерянных очевидцев. Вызывать и ждать «скорую». Преследовать нарушителей и преступников. И, возвращаясь на свой КП, снова ждать, какую беду принесет очередной звонок телефона.

Он проходил здесь, на дорогах, еще одну высшую школу, какую в прямом, формальном смысле не довелось ему окончить. Жизнь, профессия, оперативная обстановка, серии драматических происшествий, похожих и всегда непохожих одно на другое, заменили ему институтскую скамью. «Лекции» читали ему водители, пешеходы, беспечные дети и старики, капризы погоды, десятки случайностей. «Семинары» заменялись составлением схем дорожно-транспортных происшествий. «Экзаменационные сессии» он сдавал не ежегодно, а еженощно, преследуя или оказывая помощь. Его надежным «дипломом» стали совесть, мужество, чувство долга.

— ГАИ, ответственный дежурный Карцев.

— Сколько сейчас градусов, вы не знаете?

Тумблер.

— Машина сбила пешехода во дворе дома! Водитель скрылся.

Тумблер.

— Как мне купить билет до Риги, если за сутки?

Тумблер.

— С проходившего грузовика свалился тюк, водитель не заметил и не остановился. Что с ним делать, с тюком?

Тумблер.

— Говорят из отделения реанимации детской больницы. У нас девочка лет десяти — попала под трамвай. Еще без сознания. Один из свидетелей сказал вашему товарищу, что при переходе улицы подруга крикнула ей: «Наташа!» Фамилия неизвестна. Поищите родственников.

Тумблер.

— Как вы считаете, в каком направлении завтра имеет смысл ехать за грибами?

Тумблер.

— Угнали машину. «Волга», серого цвета, номер...

Тумблер.

— Заело разводную часть моста. Перебросьте движение в обход...

Стоял жаркий летний день. На сестрорецком пляже и на подходах к нему — сотни людей. Многие, как водится, идут по проезжей части дороги, хотя имеется широкая обочина. Карцев вышел из машины около своего дома. Он с женой Алевтиной Яковлевной живет в Сестрорецке. Из окон квартиры видны озеро и пляж. Воздух совсем не такой, как в Ленинграде. И хоть нелегко ездить на работу туда и обратно, но зато летом — благодать.

Позади остались очередные двадцать четыре часа напряженного, утомительного дежурства. Карцев предвкушал двухдневный отдых. Задумался, с чего начать: выкупаться или отоспаться?

В эту минуту громовой удар потряс воздух. Карцев обернулся. Нет, такого не видел еще даже он, опытный сотрудник ГАИ.

«Жигули» мчались по трассе со стороны Ленинграда, вдоль пляжа, мимо толп отдыхающих, со скоростью, надо думать, более ста двадцати километров. А в это самое время с перпендикулярно расположенной улицы на трассу медленно выворачивала огромная пожарная автоцистерна. Ее водитель не мог видеть «Жигули» — они находились еще за поворотом дороги. И маленькая легкая машина с двумя пассажирами молнией ударила в бок цистерны.

Сколько весят «Жигули»? А гигантская красная машина — около шестнадцати тонн! Но удар оказался настолько страшным, что эту громадину отбросило метра на полтора, один из пожарных вылетел на асфальт и ударился головой. А от «Жигулей» в узнаваемом виде остался один только багажник.

После громового удара стало тихо. Множество людей замерли в ужасе. Карцев сразу оценил обстановку, всеобщую растерянность. И кинулся в ближайшее кафе на углу — звонить своим заступившим на смену товарищам, в «Скорую помощь», на ближайшие КП. Тут подоспела патрульная машина ГАИ. Оказалось, молодой водитель, с девушкой на переднем сиденье, с похмелья превысил скорость. Его догоняли, требовали остановиться. Но

водитель безрассудно мчался вперед, наивно рассчитывая уйти от преследования. Позднее выяснили, что в машине ехал молодой артист ленинградского балета. Ни он, ни девушка не успели, наверное, даже испугаться.

И в тот самый момент — трагическая причуда судьбы! — рядом остановилась «Волга», шедшая в противоположном направлении. Ее владелец, сидевший рядом с шофером, ворчливо спросил у Карцева: в чем дело и почему работники милиции не могут оперативно освободить для движения проезжую полосу?! «Волга» тут же ушла в сторону Ленинграда. Только позднее ее владельцу позвонят по телефону и скажут: «В той разбившейся машине ехал ваш сын...»

Пульт оперативной связи «горит». Его световые и звуковые сигналы дублируются на двух таких же пультах — у помощников ответственного дежурного: невозможно ответить всем сразу. Горько говорить об этом, но в потоке наиважнейших и менее важных сообщений и вопросов просачиваются и ложные сигналы — так отвлекаются от скуки или с перепоя некоторые безнравственные граждане.

Тумблер.

— У нас пожар! Помогите вызвать пожарных и «скорую»!

Тумблер.

— Машина сбила старушку! Адрес...

Тумблер.

— Станислав Николаевич, никакого пожара! Ложный вызов!

Тумблер.

— По указанному адресу никаких дорожных происшествий не было! Прохожие ничего не видели.

И тогда майор Карцев смотрит на особое зеленое табло, расположенное в верхней части пульта. Там — небольшой продолговатый экран волшебного прибора. На нем мерцают семь цифр: номер телефона, с которого поступил очередной сигнал тревоги. Этот номер будет мерцать до тех пор, пока дежурный не выключит тумблер. Это — ловушка для хулиганов. Карцев включает город и спокойно семь раз поворачивает диск телефона...

— ГАИ, ответственный дежурный Карцев. Зачем вы сообщили о пожаре? Скучаете очень?

На другом конце провода паническая тишина.

— Как вы узнали? — Человек даже заикается.

— Мы про вас знаем все, абсолютно все! — грозно говорит Карцев, но в глазах его не столько гнев, сколько ироническая усмешка: очень уж смешно звучит, как в заграничном детективе.— Учтите, вы будете подвергнуты административным мерам воздействия!

— Простите, мы больше не будем,— жалобно говорит взрослый дядя. Вероятно, он действительно «больше не будет»: очень уж силен шок. Но сколько еще таких любителей подобных «шуток» в ближайшие ночи возьмутся за телефон?

— ГАИ, ответственный дежурный Карцев.

— На Фонтанке столкнулись иностранный автобус и наш грузовик. Мы вызвали «скорую» — в автобусе, кажется, есть пострадавшие. Пришлите ваших товарищей.

Тумблер.

— Солдат-пограничник ехал на тридцать первой «Волге» и врезался в столб дорожного освещения в районе Лисьего Носа. Солдат жив, сидит на КП, ему плохо. Машину бросил. Провода под напряжением лежат на проезжей части...

Тумблер.

— У нас в доме перестало работать отопление! Примите хоть какие-нибудь меры!

Тумблер.

— Вы ничего не знаете о моей внучке Наташе? Моя фамилия...

Тумблер.

— Мы на Фонтанке. Врачи находятся в автобусе, обследуют пассажиров. Переводчик тоже здесь. Автобус своего хода не имеет. А пассажиры — финны, у них считанные часы до пересечения границы. Их надо срочно на чем-то отправлять!

Тумблер.

— Свидетели говорят, что девочка перебежала улицу по красному сигналу и выскочила на трамвайные пути из-за автобуса... Звонил какой-то пожилой человек, у него внучка пропала, только фамилия не та, что записана у врачей...

Тумблер.

— Возле кафе «Лотос» дерутся подростки. Надо бы послать кого-нибудь!

Тумблер.

— Говорит врач «Скорой помощи». У меня имеется вызов на Полевую улицу. Оказалось, здесь врача не вы-

зывают. Может быть, есть другая Полевая? Сколько их у нас в городе?

Тумблер.

— Угон машины! «Жигули» темно-синего цвета. Стояли возле дома номер...

Тумблер.

— Разбился «Москвич». В лепешку. Два трупa. Нужна помощь.

Тумблер.

— У нас во дворе вот уже час заводят автомобиль. Ведь ночь уже! Что за безобразие! Примите срочные меры!

Бывая в учреждениях, где нет никаких экстремальных ситуаций, — управлениях, бюро, издательствах, редакциях, канцеляриях, — нередко с грустью замечаешь, что люди там работают в раскаленной атмосфере аврала, суматохи, почти паники. Все куда-то бегут, машут бумагами, требуют скорее подписать, перепечатать, утвердить, решить, согласовать. И так ежедневно.

В дежурной части Ленинградской ГАИ — во всяком случае, в те дни и ночи, когда дежурят Карцев и его товарищи, — спокойная деловая обстановка, хотя подавляющая часть сообщений, о которых сигнализирует пульт оперативной связи, как раз и могла бы вызвать если не панику, то, по крайней мере, обстановку аврала и сумятицы. Карцев отвечает людям в телефонной трубке неизменно спокойно, незаметно снимая остроту сообщения, уверенно, с откровенной доброжелательностью. Человек на другом конце провода не должен натолкнуться на равнодушие, почувствовать в голосе дежурного нотки безразличия, ощутить его привычку к чужой беде. Никто не слышал, чтобы Станислав Николаевич повысил голос, ответил кому-то раздраженно, устало, холодно, кого-то недослушал.

Между тем в эти ночи — после восемнадцати часов и до самого утра — он должен принимать серьезные управленческие решения в отсутствие руководства. Он в эти часы — вместе с дежурным Главного управления внутренних дел — хозяин города, области, многочисленных дорог, что тонут во мгле непогоды, плохого освещения, снегопада. Он организует перехваты автомашин, ставит заслоны, блокирует или освобождает магистрали. Он незримо приходит на помощь тем, кто оказался в беде, и они никогда не узнают, кто им помог, как фамилия, имя,

Оперативный дежурный
майор С. Н. Карцев.

отчество, звание, должность этого человека. Они, может быть, запомнят голос — негромкий, спокойный, уверенный, доброжелательный. И увидят, что все, о чем говорил этот голос, что обещал, выполнено.

Вокруг пустякового недоразумения можно создать истерическую обстановку. Вокруг серьезного происшествия, даже драмы необходимы атмосфера собранности, делового спокойствия, принятие четких и быстрых решений, глубокое знание профессии, разумное хладнокровие. Ко всему этому следует прибавить не предусмотренные уставом и службой градусы человеческой теплоты, неравнодушия, дружеского участия. Один из руководителей ГАИ сказал о Карцеве: «Человек с большой буквы». Как заслужить такую оценку? Наверное, есть только одно лицо на свете, способное помочь тебе стать человеком с большой буквы. Это лицо — ты сам.

Тумблер.

— Все включились? Слышно меня? Ответственный дежурный Карцев. Запишем угончик. «Жигули» белого цвета, крыша черная — видите, примета какая хорошая? — угнаны в Невском районе в двадцать часов...

Тумблер.

— Дружище, помоги! У нас на Фонтанке иностранный автобус столкнулся с грузовичком. Финны ехали из аэропорта к себе на родину. У них времени в обрез, что-

бы покинуть страну — считанные часы. Надо их отправить. Ладно? Сделаешь?

Тумблер.

— К вам выехал инспектор. Ждите. «Скорую» я вызвал. Она в пути.

Тумблер.

— Вы только не волнуйтесь. Там врачи фамилию перепутали. Наташа находится в больнице. Делается все, что необходимо. Жива, жива, все будет в порядке!

Тумблер.

— Дружище, привет. Понимаешь, дорожную комиссию на Якорной обещали собрать в двадцать три часа. А почему сразу не могли? Что они, в двадцать три работать начнут? Наверняка на утро отложат. Разве это дело?...

Тумблер.

— Привет, дружище, как там у вас обстановка? Смотри, температура упадет за ноль, начнутся у нас с тобой неприятности. Дорожных машин так и нет? Вот черти! Небось одна тетя Маша с метлой снег убирает, да и то во дворе Ленавтодора! Сейчас нажму через главк.

Тумблер.

— Делегация сейчас проследует по Московскому из аэропорта в центр. Дайте по всему проспекту желтую мигалку... Ничего, возьмем на себя.

Тумблер.

— Прошу внимательно слушать все КП восточного и южного направлений. Запишем угончик. «Москвич», апельсинового цвета.

Тумблер.

— Приемный покой? Как там наша девочка, Наташа? Дед все больницы обзвонил, я его к вам направил. Может, и родители приедут. Надежда есть?

Тумблер.

— Привет, дорогой. Карцев, ГАИ. У нас «Москвич» разбился. Два трупа. Врачи «Скорой» не могут к ним подобраться. Надо машину резать. А у них там кислорода нет. Не поможешь? Подбрось туда, очень прошу. Запиши адрес...

Тумблер.

— Метеоцентр? Здравствуйте, девочки. ГАИ, ответственный дежурный Карцев. Как там у вас с погодой на ночь? А на западном направлении? А поточнее нельзя? Будет ли за нулем? А то мы тут хлопот не оберемся. Девочки, посмотрите получше, очень прошу!

Тумблер.

— Доктор, ваша Полевая улица совсем в другом районе. Дайте водителя, я объясню, как покороче проехать.

Тумблер.

— Спасибо тебе, дружище, за автобус. Финны в порядке, раненых нет, так, царапины...

Тумблер.

— Простите, что беспокою, ГАИ, ответственный дежурный Карцев. Нам сообщают с трассы, что на участке между станцией Ольгино и кемпингом плохо — вполнакала — горят фонари дорожного освещения, а некоторые и вовсе не горят. Что? Не ваше хозяйство? А чье, будьте добры! Записываю...

Тумблер.

— Ну спасибо, доктор. Теперь будет ходить по зеленому наша Наташа. Дед-то как? В норме?

Тумблер.

— Кислородом не вышло? Придется, дружище, два тягача, и рвать машину на две части, иначе ничего не выйдет. Иначе их не достать.

Тумблер.

— Привет, дорогой, Карцев, ГАИ. Там, мне звонили, свадьба идет по проезжей части. Ты бы подскочил, движение все-таки напряженное, пусть бы веселились на тротуаре...

Пульт оперативной связи Ленинградского управления ГАИ «горит» круглые сутки. Здесь — сердце Ленинградской автомобильной инспекции. И каждые третьи сутки этот «огонь» принимает на себя майор милиции Станислав Николаевич Карцев.

МЕТКА НА ПОЛОТЕНЦЕ

Женщина сидела в лесу у небольшого костерка, подбрасывала в огонь ветки и ждала. Первая волна тревоги и паники схлынула. Дочку Алену и соседскую девочку Надя отправила на полигон, в военный лагерь, где жили они всей семьей этим летом. Сотрудники милиции и курсанты военного училища, получив сигнал тревоги, занимались своим профессиональным делом, патрулировали дорогу. А в лесу, где сидела Надя, было тихо. Стояли рядом их «Москвич» с разбитым стеклом и корзина с черникой, которую они с девочками собирали. Валялась на земле чья-то детская губная гармошка. Не было только мужа — он таинственно исчез. Оставалось ждать рассвета. Наде казалось, что в эти ночные часы она одна на всем свете.

Минутами она с ужасом думала, что случилось нечто непоправимое. Но тут же гнала эти мысли, не веря, не имея сил поверить. Бывает всякое! Ну, заблудился муж, далеко забрел в незнакомый лес и сейчас ищет дорогу. Или ногу подвернул и медленно ковыляет лесом, ища верное направление. Надо ждать. Обязательно надо ждать.

Белые ночи давно окончились, в августе под Ленинградом ночи темны. Страшили таинственные звуки. Кто-то пролетел мимо лица, чуть не задевая крыльями. Ночная бабочка? Или летучая мышь? Что-то ухало в темноте леса — птица, наверное. Потом снова наступала тишина, и только потрескивание веток в костре нарушало это зыбкое спокойствие.

Надя с мужем, подполковником Советской Армии Василием Грицевым, с дочкой и соседской девочкой приехали сюда под вечер за черникой. Путь от лагеря недалог — всего каких-нибудь километров двадцать хорошей лесной дорогой. Сейчас дороги не видно — и она, и деревья, и кусты слились в темный, непроглядный негатив. Теперь, даже зная дорогу, ничего не найдешь.

У них дружная, любящая семья. Двое хороших детей. Сорок лет от роду — возраст расцвета сил и возможно-

стей. В этом возрасте еще многое впереди. Василий Михайлович защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата технических наук, слыл опытным военным строителем, но еще более славился как воспитатель курсантов училища, где преподавал. Его прозвали «вторым Макаренко». В школе, да еще в военной школе, это кое-что значит! Сам-то он вырос без родителей. Его воспитала родная тетка, тетя Оля, — ее мужа убили бандеровцы. Детство Васи Грицева омрачилось убийством.

Кажется, чей-то стон? Нет, птица, наверное. Страшно одной в ночном лесу. Но надо держаться. Ждать. А то Вася выйдет к месту их стоянки, а ее не окажется здесь! Кто ему поможет, голодному, может быть с подвернутой ногой?

Накануне, 12 августа, приехав в лес, они разбрелись. Надя с девочками пошли в одну сторону, Вася — в другую. Через некоторое время Надя ясно услышала два выстрела.

— Лена, слышишь, как рано нынче убивают уток? — сказала она дочери. Та не ответила: увлеклась черникой.

Когда вернулись к машине, мужа на месте не оказалось. И от машины неторопливо отходили двое. Один из них, держа в руке их автомобильный огнетушитель, шел прямо на нее, Надю, и лицо у него было странное, неподвижное, как маска. Так же неожиданно эти двое свернули в сторону. Все это было странно, необъяснимо. Надя кричала, аукала, звала мужа, но никто не отозвался. Тревога овладела сердцем. На попутной грузовой машине она отправила девочек в лагерь — сказать, что муж исчез, позвать на помощь. Приехали люди. Искали. Но в тот вечер Василия Грицева — ни живого, ни мертвого — обнаружить не удалось. Наступила ночь.

Вернуться в лагерь Надя отказалась. Должно, должно случиться чудо, и муж, пусть раненный, но придет. Она сидела одна у костра. Страх прошел. Ночные звуки становились привычнее. Злые предчувствия сменялись надеждой и успокоением. Вася — спортивный, сильный человек. Владеет приемами самбо. Но где же он, где? Лес настороженно молчал. И никто не появлялся в круге света костра и надежды. Иногда налетал свежий ветер, кроны деревьев тревожно шумели. Женщина у огня вздрагивала. Потом все снова затихало.

Около полуночи Надя услышала сдавленный стон. Опять сова или какая другая птица? Или нет? А вдруг... Она вскочила на ноги и ринулась в темноту, в ту сторону, откуда, как ей казалось, раздался голос. Но лес после

света костра выглядел еще темнее, еще непрогляднее. Она кружила во мраке, царапала ноги о сухие сучья и корни, падала, поднималась, снова шла. Иногда звала мужа. Но ни звука не повторилось. Стояла звенящая тишина. И женщина вернулась к своему костру — зыбкому ночному убежищу.

Только на другой день ей предстоит узнать, что в полночь стонал, взывая о помощи, ее смертельно раненный муж. Что он лежал, уткнувшись в землю лицом, истекая кровью, и медленно умирал в семистах метрах от того места, где провела она эту самую страшную в своей жизни ночь.

Приходя домой из училища, он говорил Наде: «Как хорошо дома, никуда бы не уходил!» Глядя в окно на детские коляски в их новом микрорайоне, мечтал: «Хочу малыша, скорее бы Сережа женился!» Освещал душевным светом и дом, и семью, и зреющее сознание детей. У них был свой мир интересов — не только строительное дело подполковника Грицева и не только гидрологические приборы его жены, инженера-технолога. Ходили в театр, кино, читали и обсуждали книги, спорили и размышляли, как и все настоящие люди, о смысле и цели жизни, потому что только потребители и эгоисты знают точный ответ на этот вечный вопрос.

Что может навсегда оправдать существование человека на этой земле, чтобы имя его озарилось светом уважения, почета, может быть, славы? У одних людей итог и смысл жизни — создание, к примеру, «Божественной комедии», «Дон Кихота», «Евгения Онегина», «Войны и мира». Строительство деревянной церкви в Кижях. Идеи и планы полета в космос, когда сам пока едешь по улицам провинциальной Калуги на стареньком велосипеде. Подвиг Макаренко. Ледяная статуя генерала Карбышева. Слава Галины Улановой. Цена, смысл и содержание человеческой жизни могут воплотиться и в надежной, спасительной любви женщины — Марии Волконской, Екатерины Трубецкой, Анны Достоевской, многих наших современниц, в чьих преданности и нежности обретает человек свою Брестскую крепость и черпает силы совершить и перенести все.

Но бывает и другая, к р а с н а я, драматическая цена жизни человека: отнятые у убитого шофера такси не-

Подполковник Советской
Армии Василий Грицев,
убитый бандитами.

сколько десятков рублей. Вырванная у убитой девушки сумочка со старой пудреницей и зеркальцем, в котором никогда уже не отразится ее красота. Надя еще не знала — и ключи от их «Москвича» тоже. И рассыпанная, смятая черника, черная ягода — последнее прикосновение, последний вкус на губах молодого, полного сил человека.

Как-то, слушая выступление телевизионного комментатора, Надя с удивлением узнала, что, как ни странно, цена человеческой жизни может быть, оказывается, выражена в денежных показателях. Американский химический концерн уже не первый год ведет циничный и позорный торг с индийским правительством о стоимости жизни каждого из отравленных во время аварии на химическом заводе индийцев. Ученые-теоретики подсчитали, сколько — разумеется, с экономической, а не с нравственной точки зрения — стоит жизнь каждого из нас. Сюда входят расходы на человека с минуты его рождения, на его воспитание, обучение, многое другое. Оказалось, цена жизни каждого из нас, достигших зрелого возраста, приближается к миллиону рублей. Но школьнице Алёнке Грицевой, например, не нужен среднестатистический миллион — стоимость жизни ее отца. И студенту Ленинградского строительного института Сереже Грицеву — тоже. И уж конечно не нужен он Надежде Федоровне. Разве деньги наполняют наше существование смыслом, освещают светом радости? И разве могут они заменить человека?

«Папы больше нет», — скажет Надежда Федоровна десятилетней Аленке наутро после обнаружения тела Грицева. Аленка не поймет. Она и сейчас не понимает — по прошествии четырех с лишним лет. Она не может прийти на кладбище, к могиле, постигнуть, что в ней сокрыто. Она не ходит туда. Сейчас ей уже пятнадцать. И она твердо знает, что у нее был, нет, есть отец. А смерти нет. Не может быть смерти посреди мирной, счастливой жизни ее молодых родителей.

Надежда Грицева сидит в темном лесу у своего костра. А в полутора километрах от нее в самодельном шалаше спят двое убийц ее мужа.

Идет фильм.

Не жалейте, что никогда не увидите его. Нестерпимо смотреть и невозможно оторваться от экрана видеомэгафона. Фильм звуковой и цветной. Но звук и цвет здесь какие-то особенные, неживые. Ни Ольга и Александр Лавровы, ни Адамов, ни Сименон не затмят этот экраный диалог, и никакие самые гениальные актеры не смогут так сыграть эти «роли», потому что и прозаик, и драматург, и актер — по самой сути своих профессий — владеют естественными для людского общества законами эмоционального общения. Здесь, в фильме, эмоции вытравлены, стерты, как стираются с предметов отпечатки пальцев.

Идет цветной полнометражный видеофильм, снятый в единственном экземпляре для внутреннего пользования с помощью видеомэгафона марки «Националь» на основании соответствующей статьи Уголовного кодекса РСФСР.

По лесной дороге идет группа людей. Большинство из них — в штатском. Несколько человек — сотрудники милиции и курсанты военного училища — в форме.

Впереди — двое. Один — в модном плаще, с папкой в руках. Другой — в неопределенного цвета старой куртке, потерявших всякую форму круглых брюках, без шапки. Они идут размеренным, деловитым шагом. И разговаривают негромко, спокойно, не повышая голоса, без всяких эмоций.

Эти двое — не друзья, не добрые знакомые, не сослуживцы. Не случайные попутчики на проселочной дороге. Тот, что в плаще и с папкой, — старший следователь. Другой — убийца. Нет, не условный статист, а настоящий убийца инженер-подполковника Грицева.

Идет следственный эксперимент. Звучат выхолощенные слова, становясь от этого проще, элементарнее, страшнее.

— Вы как к нему подошли, откуда?

— Я подбежал к нему отсюда, с этой стороны...

— Пожалуйста, покажите. Поставьте статиста, как он должен стоять.

— Вот так... Я подбежал вот так... сразу же... и ударил его ножом.

— Каковы были его действия?

— Он схватился двумя руками за нож. За лезвие. Потом я ножом ткнул его. Он остался стоять, а я убежал. К машине обратно.

— Видели, как, в каком положении он остался?

— Да.

— Так и остался?

— Да, так и остался.

— А нож?

— А нож у него остался так.

— Как он упал, вы не видели?

— Нет, я не видел. Я побежал обратно к машине...

Старший следователь обращается к убийце на «вы» и даже сопровождает свою просьбу вежливым «пожалуйста». Старший следователь Вадим Буюевич идет рядом с убийцей и ведет с ним размеренный диалог, не давая себе ни воли, ни права взглянуть на него глазами обычного человека с сердцем, нервами, характером, эмоциями, с печалью и гневом.

Как это ему удастся? Кем и чем воспитаны это спокойствие, эта погашенность эмоций, этот ровный тон в разговоре с преступником?

— Не могу руководствоваться гневом, разговаривая с подозреваемым или даже уже уличенным преступником, хотя понимаю, что именно такое отношение вызывает он у большинства людей,— говорит Буюевич.— Я подхожу к нему скорее как врач, отношусь как к человеку, несомненно больному.

— Выходит, эти выродки как бы больны убийством? — спросил я.

— Пожалуй, да. Не знаю точно, как определить и назвать эту болезнь, но она существует. Поэтому какие же эмоции? Я должен докопаться до истины. А судить — в прямом и переносном смысле слова — дело не следователя. Это дело суда.

И снова идет нестерпимый фильм, где больная человеческая особь выглядит нормальной, а нормальный стар-

ший следователь гасит в себе естественные человеческие чувства...

Убийца обнажает в фильме свою сущность асоциальной личности без всяких устоев — нравственных, дисциплинарных, общественных, просто разумных. Он, как робот, повторяет свои действия, ложась на землю, целясь из воображаемого теперь пистолета, видя перед собой не реальную жертву — Грицева, — а фигуру статиста в военной форме. Потом подходит к нему не с настоящим оружием, а с невинной веточкой такой же примерно длины. Ему это все равно. Он повторяет свои действия так же безмотивно, бесстрастно и равнодушно, как и тогда, два месяца назад, в тот августовский день. Ни тогда, ни сейчас им не владеют человеческие чувства. Бездумность. Автоматизм. Бессмысленность. Нет ни злобы, ни раскаяния, ни сожаления, ни даже страха. Ничего нет.

— Возьмите, пожалуйста, это оружие и покажите, как легли вы, как лег Антонов?

— Я вот так вот лежал. А Антонов где-то вот здесь лежал.

— Теперь покажите, где находился в этот момент потерпевший.

— Он находился вот там.

— Вот на таком расстоянии он стоял?

— Да.

— Как он стоял, покажите.

— Он стоял согнувшись.

— Сержант, согнитесь, пожалуйста. Повернитесь сюда лицом...

И сержант Советской Армии сгибается и поворачивается. Он молод. Он не пережил войны. В него не стреляли фашисты. В него вообще никто еще никогда не стрелял. Но сейчас в него будет целиться убийца. Он должен согнуться, будто собирает воображаемую чернику. А в него будет метить из веточки убийца. И будут два условных выстрела. Сержант не упадет, не истечет кровью, не умрет. Он — статист. Но по чистой случайности в тот роковой августовский вечер восемьдесят второго года чернику в этом лесу собирал не он, а подполковник Василий Грицев. А мог бы и он, Василий Золотухин, или его товарищ по училищу, тоже сейчас статист, Василий Дьяков — оба тезки Грицева, оба нормальные, здоровые, хорошие люди. Для преступников, больных убийством, они тоже могут оказаться всего лишь мишенью.

Сержант наклоняется к воображаемой чернике.

— Он что, ягоды собирал?

— Я не знаю, что-то собирал.

— В таком положении?

— Да. Первым выстрелил Антонов.

— Говорите громче.

— Первым выстрелил Антонов. У меня была осечка.

— Вы стреляли по команде или как?

— Нет, как бы это объяснить, сразу же оба разом без команды выстрелили. Первым выстрелил Антонов. У меня — осечка. Я перезарядил и выстрелил. После того как Антонов выстрелил, мужчина упал. Я стрелял в лежащего.

— А он упал на спину или как?

— Нет, он упал лицом вниз. Упал, и потом уже я в него выстрелил.

— Покажите положение, в котором он оказался после выстрела.

— Он уже лежал лицом вниз.

— Сержант, лягте на живот лицом вниз... Вот так?

— Да, вот в таком положении.

Идет, идет видеофильм. Летят страшные минуты этой «пострепетиции». Она необходима для дальнейшего следствия и свершения правосудия. Фильм будет демонстрироваться и на суде. Чтобы каждый шаг, каждое слово были зафиксированы в бесспорном порядке. Идет бескровная и внеэмоциональная хроника преступления.

Вадим Бувич — режиссер этого трагического спектакля. У него есть опыт. Он и прежде вел различные дела — от воровства квартирного имущества до гораздо более тяжких преступлений. Его профессия — открывать истину. А открывать ее зачастую приходится в единоборстве с преступником. Нет, не в погонях, не в преследованиях — это доля работников уголовного розыска. В единоборстве нравственном, психологическом, в личном контакте по обе стороны письменного стола. Его стол становился баррикадой: следовало сломить сопротивление допрашиваемого, убедить, заставить его говорить правду. А чем можно побудить человека открыть свою душу? Логикой и эмоцией. Теперь от их ювелирно выверенного сочетания зависел успех дела.

Он учился этому на юридическом факультете университета поначалу без всякого увлечения. Политэкономия, логика, основы римского права и уж конечно латынь казались ему предметами, мало соотнесенными с реальной жизнью. Тем более что Вадим не обладал тогда ни четкой целью, ни твердостью характера. А характер, наверное, формируется целью. Только оказалось, что в ар-

мии, куда он был призван после второго курса, такая жизненная позиция, а точнее, ее отсутствие успеха не сулит. В роте конвойного полка, где ему пришлось служить, ребята подобрались серьезные, крутые. Флегматичность и бесхарактерность не обещали теперь ничего хорошего.

Два армейских года стали для Вадима Бувевича хорошей жизненной школой. Он учился новым для него «дисциплинам»: управлять своими чувствами, выражать или скрывать их.

Флегматичность сменилась характером — теперь он обнаруживал волю, даже взрывался в некоторых случаях, но научился гасить такие вспышки, подчиняя их разуму, здравому смыслу. Он учился великой науке терпения, в которой, по утверждению Владимира Далея,— сила и величие духа. Логика и эмоции зрели в нем в сложном, поначалу бессистемном, а потом разумном, расчетливом сочетании. И на третий курс юридического факультета Вадим вернулся другим человеком, готовым стать в своей профессии знающим, умелым работником. И стал им.

Чтобы развить наблюдательность, он начал рисовать. Лица на бумажном листе перед ним сначала обретали внешнее сходство, позднее в них стали просвечивать черты характера, личности, скрытые пружины души. Тогда Бувевич еще не знал, что это его умение поможет однажды в раскрытии тяжкого преступления — убийства подполковника Грицева.

—...Что было дальше?

— Мы подбежали к нему. Он уже поднялся. Антонов потребовал у него ключи от машины. Я тут же снял часы с него. Вместе с ключами от автомашины Антонов взял у него еще какие-то ключи, у него были.

— Сопrotивлялся он или нет? Драка была между вами?

— Нет, ничего.

— Так он вам отдал ключи? Ничего не говорил?

— Так отдал ключи.

— А часы как вы снимали?

— С руки у него сорвал.

— Ведь он же был спортивным человеком, владел приемами самбо,— скажет позднее Надежда Федоровна.— Он бы их раскидал, как щенков. Но пули сидели в плече, он не мог даже шевельнуть рукой... Я потом все

удивлялась: почему у него обе руки изрезаны? Это он пож хватал за лезвие.

— Куда вы прицеливались?

— Я первый раз целился в живот.

— А при падении потерпевшего и при повторном выстреле в какую часть вы предполагали выстрелить?

— Где-то в плечо.

— Потерпевший падает после выстрела. Зачем вы второй-то раз стреляли? Он лежит...

— Я даже не знаю сам.

— Цель-то какая? Чтобы он не встал? Чтобы не оказывал сопротивления? Что вы вообще хотели, когда подошли сюда, улеглись и прицелились в потерпевшего?

— Хотели на машине покататься...

— Дальнейшие планы какие у вас были? Вы хотели уехать куда-то? На этой машине?

— Покатались бы и бросили.

— Только покататься?

— Да.

Когда человек в спортивном костюме упал на землю, Антонов и Каракозов перевели дух. Можно вернуться к машине и наконец-то покататься.

Они шли лесом. Стояла вечерняя августовская прохлада. Все было тихо. Казалось, двое туристов возвращаются с прогулки. Один из них достал из кармана детскую губную гармошку, и лесную тишину разорвали скрипучие звуки.

Снова подошли к машине. Открыли левую переднюю дверцу. Тот, что сел на водительское место, начал заводить машину. Но то ли он был слишком пьян, то ли его действиям сопротивлялось противоугонное устройство, о существовании и расположении которого преступники не знали, но машина не двигалась с места, не заводилась. Тогда второй, упершись руками в крышку багажника, принялся толкать ее сзади — решили завести с ходу. Но и это не помогло. К тому же от резких и бессмысленных усилий сломался и остался в замке ключ зажигания.

— А ну ее,— равнодушно сказал тот, что толкал.

Оба стали копать в салоне и багажнике, ища чем бы поживиться.

В это время из леса вышла женщина с корзинкой для

ягод. Каракозов схватил огнетушитель и направился ей навстречу, решив ударить огнетушителем по голове. Зачем оставлять свидетелей? Убить женщину будет нетрудно. Но тут он заметил двух девочек. «Сколько же их? Может, еще кто есть?» — подумал он и резко свернул в сторону. Антонов тоже увидел женщину. Он схватил сумочку владельца автомобиля с его документами, а может быть, и деньгами, и оба преступника скрылись в лесу.

До их самодельного шалаша, где жили они вот уже несколько дней,— полтора километра. Дошли быстро. Еще оставались водка и кое-какая жратва. Ели прямо из вспоротых консервных банок. И всю ночь спали, не ощущая ни тревоги, ни страха. Уходить не спешили: надо проспаться и собраться с мыслями.

Мужик тот, в лесу, наверное, умер. Будут искать. Надо бы скрыться из Ленинграда на какое-то время. Но следует вооружиться поосновательнее. Что такое самодельный пистолет? Несерьезное оружие. Вот и того мужика в лесу пришлось добивать ножом. К тому же где-то потерялся шомпол. Может быть, там, у машины. Надо раздобыть настоящую «пушку». На товарных дворах железнодорожных вокзалов бывает вооруженная охрана. Отнять револьвер — и дело с концом.

Они сели в электричку, шедшую в Ленинград. Неожиданно дверь вагона раздвинулась и вошел сержант милиции.

Хмель проходил, и появление человека в милицеской форме вызвало неприятную дрожь в ногах. Но сержант проследовал мимо, даже не взглянув на них. Значит, еще не ищут. Потом прошел контролер. Билеты у Антонова и Каракозова имелись: глупо, если бы замели на таком пустяке.

Вот наконец и Финляндский вокзал. Теперь побыстрее нырнуть в метро — и на другой, на Балтийский. Там есть товарная станция. Охрана. Оружие. Его необходимо добыть.

— Ну что, Варламов, кого еще задержал? — иронически спросил ответственный дежурный по отделению милиции станции Ленинград — Балтийский у бойца охраны Александра Варламова, молодого парня с повязкой на руке. Студент Ленинградского института точной механики и оптики, он подрабатывал в военизированной охране. Небось перестарался парень.

— Эти двое, товарищ капитан, болтались на товарном дворе, а когда я подошел к ним, неожиданно напали на меня, один даже выстрелить успел. Вот, задержал...

— Я гляжу, ты просто герой, Варламов! Ну-ка покажи, из чего это они стреляли? — все так же иронически молвил дежурный.

Варламов выложил на стол отнятый у нападавших самодельный пистолет. Второй преступники успели выбросить.

— И это у тебя называется оружием? — спросил капитан. — Да из этого и канарейки не подстрелишь!

Ответственный дежурный разобрал пистолет, пренебрежительно повертел в руках его части и отложил их в сторону.

— Ладно, разбойники, валите отсюда, и чтоб я вас здесь больше не видел! — заключил он.

Антонов и Каракозов переглянулись и тут же покинули отделение милиции.

Варламов пытался возражать, уверял, что этих двоих следует задержать хотя бы до выяснения личностей, но капитан своих решений менять не собирался. Он собрал детали разобранного пистолета, завернул их в газету и, по его словам, выбросил в Обводный канал. Так следствие лишилось важнейшего вещественного доказательства. Позднее капитан был наказан за грубое должностное преступление.

Когда миновала ночь, на место преступления прибыла усиленная оперативно-следственная группа. Ее возглавил опытный работник Ленинградского уголовного розыска Анатолий Викентьевич Жук. После длительных поисков в лесу совместно с курсантами военного училища недалеко от платформы Яппеля нашли наконец тело Грицева. Среди подобранных поблизости предметов — самодельные нож с длинным лезвием и оружейный шомпол, стреляные гильзы, начатая пачка «Беломорканала» и детская губная гармошка. По определению судебно-медицинского эксперта, смерть Грицева наступила ночью от ранения брюшной полости и внутренних органов, причиненного обнаруженным около трупа ножом.

А на следующий день, в полутора километрах от места драматических событий, оперативная группа нашла небольшой шалаш, брошенный за несколько часов до прибытия работников милиции. Здесь тоже имелось кострище. Казалось, оно еще не успело остыть.

Первая неделя поисков преступников результатов не

дала, хотя ориентировки были разосланы оперативно. Им удалось скрыться. Правда, возле шалаша обнаружили несколько закопанных в землю предметов, явно спрятанных преступниками: самодельную саблю, лопатку, старую наволочку, обрывок грязного полуобгоревшего вафельного полотенца. Нашлись и патронные гильзы, а в стволах деревьев — застрявшие пули. С крыши багажника автомобиля, дверцы и рулевого колеса сняли отпечатки ладоней и пальцев. Но все это пока ничего не давало.

На уголке обрывка вафельного полотенца имелась почти совсем стершаяся метка прачечной. Стараясь прочесть ее с помощью своей аппаратуры, эксперты-криминалисты поначалу ошиблись в прочтении одной, последней цифры: 0 там или 9, понять было трудно. Поэтому в первый раз метка привела сотрудников розыска к человеку, непричастному к событиям на Карельском перешейке. Правда, предполагаемый хозяин полотенца заметно струхнул, увидев в дверях своей квартиры работников милиции. Оказалось, впрочем, что страх его был связан с частым пребыванием в медвытрезвителе. Приход оперативной группы подействовал на него еще более отрезвляюще. Но раскрытие убийства подполковника Грицева не продвинулось от этого ни на шаг.

Старший следователь следственного управления прокуратуры Ленинградской области Вадим Иванович Буюевич продолжал повторные допросы свидетелей. В деле их число перевалило за восемьдесят! Одному человеку такой труд просто не под силу. И к работе присоединилась оперативная группа. В нее входил и старший лейтенант милиции Иван Диденко. Он ориентировался здесь, в районе станции Яппеля, как у себя дома. Да здесь, собственно, и находился его дом. После четырех лет службы на подводной лодке он учился тут новой, ответственной профессии — работе сотрудника уголовного розыска.

И вот теперь снова медленная, незаметная, негероическая работа, но такая важная! Люди, люди, вереница лиц, характеров, симфония настроений, разные уровни памяти и наблюдательности... Протоколы допросов, растущая папка уголовного дела. Ее заполнение — это не погони, не визг тормозов, не выстрелы. Рука начинала ныть от количества писанины — подписи, подписи... Потом новые знакомства, хождение по чужим дворам — и новые листы протоколов. И каждый следующий номер листа в этом деле — маленькая ступенька к познанию истины.

Жизнь нередко загоняет нас в тупики, в лабиринты. Японцы придумали игру: найдет ли выход из лабиринта робот? Робот находит. Человек — не всегда. В тупики и лабиринты розыска заходят нередко и работники милиции, уголовного розыска, следственных органов. Наши жизненные тупики — это наше личное дело. Тупик в розыске — это точка на карте познания, от которой обязательно должны обозначиться новые дороги, пусть еле заметные тропинки, но все же некий путь. Его окончание — возле скамьи подсудимых. Надо искать.

Показания свидетелей иногда казались противоречивыми. В этих противоречиях следовало обнаружить и выявить единство. Некоторые свидетели выражали следователю недоумение, даже недовольство — ведь однажды эксперт уже допрашивал их, когда старался создать фоторобот! И старший лейтенант из Рощина тоже! Вадим Бувевич терпеливо, спокойно и убедительно объяснял каждому из них, что дело это чрезвычайной важности, что при повторном разговоре память человека способна обнаружить нечто такое, что поначалу от нее ускользнуло. К тому же свидетелей приятно удивляло и немного даже льстило и заинтриговывало, что следователь, слушая их с предельным вниманием, рисовал с их слов черты подозреваемых на листах бумаги.

Вадим Иванович часто теперь бывал в экспертно-криминалистическом отделе, в кабинете начальника I отделения майора Владимира Юрьевича Владиморова. Здесь

сходились нити всей экспертной работы. Люди разных криминалистических профессий совместно обсуждали каждый шаг движения вперед. Следственно-оперативная группа работала по единому плану.

Старая наволочка и обрывок вафельного полотенца достались для исследования эксперту-криминалисту старшему лейтенанту Геннадию Александровичу Леонтьеву. В его распоряжении имелись сложная современная аппаратура и методика. В сочетании с мастерством специалиста они обязательно должны были помочь следствию.

Аппаратура, самая современная и сложная, беспристрастна. На предметном столике микроскопа, на экранах или в окулярах оптических приборов, снабженных совершеннейшей электроникой, можно рассматривать каплю кипяченой воды или след крови убитого человека. Приборы и аппараты в меру своих возможностей ответят на поставленный перед ними вопрос. Но оценить ответ, осознать, обобщить, проанализировать — для этого необходимо мастерство и интеллект ученого, специалиста. И тогда происходит чудо. Невидимый простым глазом выцветший штамп на старой наволочке открывает свою тайну: появляется аббревиатура «ВОС», что означает «Всесоюзное общество слепых». Наволочка, оказывается, принадлежала пионерскому лагерю этого общества и украдена была там. А лагерь находится на Карельском перешейке.

Тщательная лабораторная обработка помогла точно выявить и цифровой индекс вылинявшей метки на полотенце. На этот раз она привела в семью Варварских, к матери и взрослому сыну. Они свою метку сразу же признали и выразили крайнее удивление по поводу прихода работников милиции: старое полотенце давным-давно пропало куда-то, и его не искали — не велика пропаша. В квартире Варварских, впрочем, в свое время тоже случилась кража. Воры, побывавшие здесь, пойманы и отбывают наказание. Уж не к ним ли поведет ниточка поиска? Следователь Бувевич отправился в места заключения: версию следовало отработать. Но воры имели алиби — сидели под стражей. К тому же, по их словам, зачем бы им понадобилась такая ничтожная копеечная вещь, как вафельное полотенце?!

Но ведь метка сходилась! Принадлежность ее семье Варварских, кроме признания самих хозяев, подтвердила и эксперт Ольга Николаевна Володимерова — она получила несколько вещей из названной квартиры и установила, что все метки пришиты одним и тем же способом.

Но если полотенце не украдено, оно могло любым, са-

мым невероятным образом оказаться у кого-либо из окружения Варварских — у родственников, друзей, случайных знакомых. Число людей, подлежащих проверке, росло в геометрической прогрессии. Однако все проверки оказались пустыми — никто из допрошенных не мог иметь отношения к убийству.

Буевич и Диденко установили: Владимир Варварский сменил за последнее время три места работы. Может быть, на одном из них он забыл или потерял свое полотенце, а чьи-то руки подобрали его? Это тоже следовало проверить.

Экспертная работа шла между тем в нескольких направлениях. Старший эксперт-криминалист майор Владимир Павлович Лобода провел баллистические исследования и установил, что пули, извлеченные из стволов деревьев возле шалаша преступников, и пули из тела их жертвы идентичны и представляют собой части самодельных патронов калибра 6,9 мм. Идентичными оказались и гильзы, найденные вокруг места нападения.

А эксперт капитан Валентина Васильевна Бурмистрова зафиксировала следы ладоней и пальцев на поверхностных частях автомобиля. Это позднее помогло установить характер действий обоих преступников, каждое их движение.

Следователь Буевич и эксперты-криминалисты отдела занялись и орудиями из металла, найденными в земле возле лесной туристической стоянки убийц. Сабля, ножи, лопатка могли, должны поведать что-то о своих владельцах. Буевич решил обратиться за помощью к профессору-психиатру, доктору медицинских наук Борису Борисовичу Малахову. Показал ему найденные в тайнике предметы и попросил ответить на вопрос: кем по профессии могли бы быть владельцы этих вещей? Борис Борисович внимательно осмотрел каждый из предложенных ему предметов и сказал, что один из владельцев и изготовителей, вероятнее всего, ученик или помощник кузнеца, другой — слесарь. Врач определил даже возраст обоих — тридцать и двадцать лет. Предприятий, имеющих кузнечное оборудование, в современном городе не так уж много. Очередной тупик оказывался началом новой дороги.

Что дали все эти исследования и открытия?

Наволочка поведала следствию, что разыскиваемые лица занимались кражами. Значит, преступление совершили не пьяные туристы, не случайные хулиганы, а опыт-

ные воры. Возникал мотив преступления: кража автомашины Грицева или предметов из нее. Металлические орудия помогли определить профессии и возраст подозреваемых — это тоже сужало круг поисков. Пули и гильзы рассказали, что преступники владеют огнестрельным оружием определенного калибра, что оружие это необычно и сделано своими руками. И только загадка вафельного полотенца оставалась неразгаданной.

Итак, допустим, что Варварский забыл или потерял его в одной из организаций, где работал последние годы. Ими оказались совхоз, завод и трамвайный парк имени Калинина.

Посещение совхоза и завода не дало результатов. Оставалось побывать в трампарке. Иван Диденко отправился туда со своими помощниками — младшим лейтенантом Владимиром Андрушкиным и сержантом Владимиром Яковлевым.

Вот и парк. Переплетение рельсов, ангары, вставшие на отдых или ремонт вагоны.

— Нет ли у вас в парке кузнечной мастерской? — спросил Диденко.

— Как же, именно у нас и есть. А в чем дело?

Диденко показал работникам парка фотороботы разыскиваемых преступников, а также зарисовки, сделанные Бувечем со слов свидетелей. Эти рисунки сразу же «сработали».

— Да это же наши, Антонов и Каракозов! Точно! Один работает слесарем, а этот — помощником кузнеца. Только последнее время их что-то не видно. На работу не выходят, в общежитии не появляются. Небось запили, не иначе...

Немедленно был произведен обыск в общежитии трампарка, где проживали Антонов и Каракозов. В тумбочке одного из них нашлись те же пули, что уже имелись в руках следствия. Теперь не составляло труда получить в отделе кадров подлинные фотографии обоих преступников. Объявили розыск. Вскоре пришло сообщение из милиции Новгородской области: лица, похожие на разыскиваемых, задержаны за кражу. Их отправили в Ленинград. Оба преступника признали факт разбойного нападения на Грицева. Антонов оказался ранее судимым рецидивистом, Каракозов — безвольной личностью, склонить которую к преступлению Антонову удалось без всякого труда. Им было тридцать и двадцать лет.

А на дворе стояла уже глубокая осень восемьдесят второго года.

Встать!

Суд идет.

Ленинградский областной суд изучал представленное на его рассмотрение дело в марте 1983 года. Судить убийц было поручено Борису Ивановичу Олисову, опытному юристу, умному, честному и благородному человеку. Может быть, садясь в кресло председательствующего на период рассмотрения этого дела, Борис Иванович вспомнил тот памятный вечер двадцать лет назад, когда началась е г о в о й н а.

Детство и юность Бориса Олисова прошли на Петроградской стороне. В тот запомнившийся навсегда осенний вечер погода хмурилась и народу на невской набережной было совсем немного. Они шли вчетвером. О чем говорили? О том ли, что школа позади и предстоит выбор пути, а может, о спорте или искусстве. Неожиданно на них напали хулиганы. Их оказалось вчетверо больше. Бориса и его товарищей избили. А одному из друзей Бориса даже сломали позвоночник. Ни догнать, ни поймать хулиганов не удалось. Чувства досады, боли, гнева не находили выхода. На другой же день Борис записался в комсомольский оперативный отряд — тогда, в начале шестидесятых, это так называлось. Наивно было думать, что он когда-нибудь поймает и накажет своих обидчиков. Но он объявил им войну. Он верил, что поймает и накажет других — тех, кто еще посмеет поднять руку на человека. Рождалось обостренное желание защищать справедливость.

Стал механиком. Заочно учился на юридическом факультете Ленинградского университета. Еще студентом работал в Нарве следователем прокуратуры. А позднее в совершенстве освоил несколько юридических профессий. Десять лет был следователем, более пяти лет — судьей, потом стал прокурором. В качестве прокурора Ленинградской области вел первое тогда дело о загрязнении реки Луги. Охрана окружающей среды — это звучало в семидесятых годах ново, необычно, немного отвлеченно.

Борис Олисов — сорок пятого года рождения. Иван Диденко — его ровесник. Вадим Бувевич родился в сорок восьмом. Им не довелось сражаться с фашизмом и ощутить ту жестокую необходимость войны, когда стрелять в захватчика, во врага, убивать его становится делом не

только естественным, но и единственно справедливым. Лишение человеком другого человека жизни, самого великого, бесценного дара природы, воспринимается ими как чудовищное нарушение всех законов человеческого сообщества. И все же для них, как и для многих других, тех, кто заступил на охрану нашей жизни, законов и порядков, нашего спокойствия и достоинства, идет иная, постоянная, жестокая война. Война с преступлением. С преступниками. Их надо обезвреживать. Но прежде их надо найти. Изобличить. Заставить признать свое преступление. И тогда передать в руки правосудия. Отсутствие военного опыта не мешает этим молодым людям, солдатам порядка. У них — свой опыт: нравственный и гражданский.

Идет суд на набережной Фонтанки в Ленинграде. Председательствует на нем Борис Иванович Олисов. В зале напряженная тишина. Сидят офицеры и курсанты училища, где преподавал Василий Михайлович Грицев, его товарищи, друзья, близкие. Сидит, окаменев, и Надежда Федоровна.

«Зачем вся эта процедура? — думает она. — Почему члены судебного заседания так терпеливо, так бесконечно терпеливо, день за днем, выслушивают бесцветные, на одной унылой ноте, рассказы убийц? Почему нельзя сейчас же, на глазах у всех честных людей уничтожить этих выродков?»

Поймем чувства Надежды Грицевой. Закон и процедура судопроизводства не всегда способны утишить боль страдающих людей. Задача суда — не смягчать боль, а устанавливать истину и вершить справедливость, но вершить ее в строгом соответствии с Законом. И никак иначе. Каждый преступник имеет право на защиту. Иначе мы начнем уничтожать обидчиков, сообразуясь лишь со своим отчаянием, чувствами гнева и мести.

Кроме прокурора выступил и общественный обвинитель, а также многие свидетели, полностью изобличившие преступников. Члены суда и весь зал в наэлектризованной тишине смотрели видеофильм, будто вновь присутствуя в лесу возле станции Яппеля в тот августовский вечер восемьдесят второго года.

Неясным оставалось лишь одно, но весьма важное обстоятельство: кто из двоих нападавших нанес решающий, смертельный удар ножом? Суду следовало это знать и учесть.

Антонов отрицал, что именно он нанес удар ножом. А Каракозов почему-то упорно брал это на себя. У судьбы

возникли подозрения относительно правдивости его показаний. Он попросил Каракозова показать, как именно он держал нож, как нанес удар. Несложный прием изобличил ложь: Каракозов махнул рукой с воображаемым ножом сверху вниз. А рана в теле Грицева ясно показывала, что удар был нанесен снизу вверх.

Расчет Каракозова можно было понять. Если на суде будет доказано, что смертельный удар ножом Грицеву нанес Антонов, ранее уже судимый, то он, несомненно, получит исключительную меру наказания. А Каракозов, до этого не судимый, да к тому же добровольно раскаявшийся в содеянном и все признавший, может отделаться пусть и большим сроком заключения, но все же, вполне возможно, останется жить.

Судья Олисов разоблачил эту уловку.

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда занимает 22 машинописных страницы обористого текста. Полтора часа длится чтение приговора. Полтора часа на веса правосудия укладываются каждый шаг, каждое побуждение, каждое движение, каждое слово. Даже обломок ключа от автомобиля, застрявший в замке зажигания, и тот упомянут в приговоре. Этот обломок не затерялся среди других, более важных и веских улик. Его вернут Надежде Грицевой — и это почти все, что останется у нее от мужа, не считая, конечно, прожитой жизни, двоих детей, разбитого вдребезги счастья...

Антонов приговорен к исключительной мере наказания — смертной казни, Каракозов — к пятнадцати годам заключения в колонии строгого режима. Позднее Президиум Верховного Совета СССР заменит Антонову смертную казнь на пятнадцать лет лишения свободы.

Его решение — окончательное.

Обжалованию не подлежит.

С тех пор прошло немало времени. И вот в середине декабря 1988 года газеты опубликовали проект новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также постановление Президиума Верховного Совета СССР о всенародном обсуждении этого проекта.

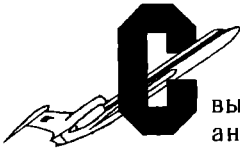
От нового уголовного законодательства будут зависеть наша безопасность, надежность защиты нашей жизни.

ни, чести, достоинства. Свое слово скажут юристы, социологи, воспитатели, все мы.

Проект имеет одну несомненную тенденцию — гуманизировать меру наказания за многие виды преступлений. Правильно ли это? Приведет ли к желаемым результатам? Наука утверждает: ужесточение меры пресечения дает весьма иллюзорные плоды. Но принесут ли пользу бóльшая гуманность и мягкость прокуроров и судей?

Общественное мнение, несомненно, не будет однородным. Вспыхнут горячие споры. Очевидно одно: мы должны найти такие способы борьбы с преступностью, которые реально помогут замедлить ее рост. Какими они будут — покажет время.

АВИАБИЛЕТ В ЛЕНИНГРАД

С высоты седьмого этажа хорошо виден ансамбль церкви Иоанна Предтечи с колоннадой и колокольней, сад на ее территории, обрамляющий ее справа берег канала. Пейзаж за окном успокаивает, умиротворяет.

В этой церкви, построенной еще в середине восемнадцатого века и перестроенной в середине девятнадцатого, люди искали справедливости, молились о ней, выпрашивали ее у бога. Мольбы оставались безответными. Справедливость никогда не спешила и поэтому нередко опаздывала... Здесь, напротив церкви, на другой стороне современного Лиговского проспекта, в кабинетах на седьмом этаже тоже ищут справедливости. Но не выпрашивают ее, а сражаются за ее торжество.

Впрочем, сражаются — громко сказано. В ведении работающих здесь людей, следователей высокой квалификации, — события весьма серьезные, но обычно бескровные. «Бумажные» дела. Не надо гнаться за преступником в милицейской машине и пускаться по следу ученую овчарку. Здесь требуется иное: анализировать документы, сопоставлять их, видеть скрытый их смысл, знать, к примеру, невообразимые тонкости и нюансы такой скучной сферы, как бухгалтерия, вглядываться в чьи-то подписи, визы, резолюции, читать разные, в том числе и анонимные, письма, вникать даже в личную жизнь подозреваемых, не поражаясь ни ее заурядности, ни ее необычности. Личная жизнь «клиентов» этого отдела Следственного управления тесно переплетается с их деятельностью, которую лишь в ироническом смысле можно назвать деловой.

Тихие, совсем обыкновенные и не страшные на вид подследственные, подозреваемые, свидетели приходят сюда со своими тайнами, разговорчивостью или упорным молчанием. И надо разгадывать сочиняемые ими ребусы. Потому что некоторые из этих людей причиняют порой такой ущерб государству, какого не принесет никакой уголовник: у того не хватит на это ни выдумки, ни зна-

ний, ни возможностей, ни ума, наконец. Здесь в кабинеты входят равнодушно или взволнованно, робея или наглея. И все это требуется преодолеть, расшифровать.

Остап Бендер знал, как известно, четыреста сравнительно честных способов отъема и увода денег. Его нынешним молочным братьям и сестрам он показался бы неумехой да еще, возможно, и романтиком. Нынешние гораздо менее церемонны с уголовным кодексом. Поражают редкостное разнообразие их приемов, феерическая изобретательность. Она прикрывается вполне легальной и внешне почтенной деятельностью — никаких вам рогов и копыт — с получением благодарностей и премий, прекрасной репутацией и привычным местом в президиумах за столами, покрытыми красным сукном. Вторая жизнь этих людей оказывается горестной жизнью плута, когда изыскание денег чуть ли не из ничего поднимается до уровня тонкого искусства.

Вместе со временем изменился и масштаб. Великий комбинатор, в каком-то смысле предвосхищая Деточкина, героя известного кинофильма «Берегись автомобиля», полагал, что нет расчета и надобности грабить коллектив — лишь чрезмерно обеспеченных индивидуумов. У него была своя этика. Нынешние жулики и воры далеко не столь щепетильны. Они как раз более склонны грабить коллективы, даже такой огромный коллектив, как мы с вами, как вся наша страна. Они готовы урвать любой кусок — не только тот, что плохо лежит, но и те, что лежат хорошо. Они изощряются.

Вырвав у Корейко заветные тугрики, Остап Бендер по простоте душевной пожелал купить самолет. Какая пошлость! Какое отсутствие фантазии! Зачем нам сегодня тот жалкий тихоходный самолет с рифлеными крыльями и плюшевыми занавесками на квадратных окнах пассажирской кабины! Да и современный реактивный лайнер нам для частного пользования совершенно ни к чему. Куда его поставишь? «Запорожец», и тот приткнуть некуда. Мы полетим к морю на казенном аэробусе с невообразимой скоростью — и пусть им на здоровье владеет «Аэрофлот». А может, и не полетим. Даже лучше, если не полетим. Из такого несостоявшегося полета можно, оказывается, сделать деньги! И сам Остап, сын турецкоподданного, позавидовал бы этому.

Если спросить вас, читатель, независимо от того, пользовались ли вы услугами «Аэрофлота», что можно извлечь из обычного билета на рейс, ну, скажем, Сочи — Ленинград? Вы, наверное, окажетесь в тупике и не при-

думаете ничего путного. А вот нашлась женщина, молодая, энергичная, работающая, которая остроумно поставила и решила этот вопрос. И тысячи рублей дружно потекли в сторону от основного русла — государственной казны.

Наталья Сырова, 1953 года рождения, выпускница Высшей профсоюзной школы, в момент пристального с ней знакомства — заместитель заведующего отделом авиапутешествий Ленинградского бюро путешествий, трудилась на своем посту не за страх, а за совесть, работала за двоих, за троих. Те, чьи обязанности она выполняла наравне со своими, радовались возможности свалить на энергичную сотрудницу как можно больше скучных, нудных дел и забот. Сырову избирали на разные должности. Число обязанностей росло пропорционально энергии. Ее избрали даже членом комиссии народного контроля.

И вот однажды, в один прекрасный день... Как часто начинаются так сказки со счастливым концом! У нашей истории не очень сказочная фабула и совсем не счастливый конец. Итак, однажды очередная финансовая ревизия обнаружила в бумагах бюро путешествий некоторую странность. Рассматривая документы по возврату туристам денег за непредоставленные услуги, ревизоры обратили внимание на три заявления от имени одной и той же гражданки Волковой — она просила вернуть ей стоимость неиспользованных обратных авиабилетов из Сочи в Ленинград.

Придется объяснить вам, что это значит.

Купили вы, предположим, туристическую путевку в южный город, к морю, в комфортабельную гостиницу с полным, конечно, обслуживанием. Срок путевки — пять или десять дней. А вы, в кои-то веки выбравшись на юг, решили там задержаться сверх срока путевки, пожить у знакомых. Тогда вы можете написать заявление, что обратным авиабилетом, оплаченным вами при покупке путевки, вы не воспользовались и потому просите вернуть его стоимость, так как новый билет вам пришлось приобретать заново. И вернуть эти деньги вам обязаны. Только вот мало кому из нас приходит в голову предъявить эти требования. Увы, свои права и обязанности перед лицом Закона мы нередко знаем слабо.

На обнаруженных трех таких заявлениях значилась одна и та же фамилия — Волкова. Но почерки документов явно отличались один от другого, это было видно и

невооруженным глазом. Чем черт не шутит, может, просто Волковых в Ленинграде много?

С чего начать? Конечно, с приглашения путешественницы Волковой. Она вскоре пришла — вполне реальное лицо, женщина, действительно побывавшая на юге трижды.

— Это вы писали? — спросили ее, показав загадочные бумаги.

— Нет, я не писала этих заявлений, — сказала Волкова. — Да и подпись не моя. Во-первых, из трех поездок я дважды вернулась вовремя, нигде не задерживалась и воспользовалась первоначальными, оплаченными через бюро билетами. Как же можно было требовать деньги назад?! А во-вторых, во время третьей поездки я действительно задержалась в Сочи и попросила деньги за билет вернуть. Но мне ответили: «Вы слишком поздно пришли, срок выплаты истек». С тем и ушла, спорить не стала...

— А вы не подумали, что вас обманули?

— Нет, как-то в голову не пришло.

Тогда масштабы ревизии пришлось резко расширить. Стали проверять кассовые документы за четыре года, особенно пристально присматривались к тем из них, что отражали выплаты за непредоставленные услуги.

Ревизоры сидели в специально отведенной им комнате и старались сосредоточиться. А вокруг в помещениях и коридорах бюро царил хаос. Люди куда-то очумело бежали, сжимая в руках какие-то бумаги, безумно спешили, сталкивались в дверях, стояли над душой тех, кто сидел за письменными столами. Царила атмосфера постоянного аврала. Да и то: здесь составляют туристические группы и продают путевки во все концы страны. И работают так, будто поезда, самолеты и теплоходы отправляются каждые несколько минут именно отсюда, из коридоров бюро.

Особой популярностью пользовались тогда, в начале восьмидесятых годов, путевки в роскошный туристский комплекс «Дагомыс», расположенный на окраине Сочи. Там отдыхают главным образом иностранцы. Но иногда вдруг выяснялось, что есть несколько горящих путевок в Дагомыс сроком на пять дней. Стоимость такой короткой путевки превышала двести рублей. Но желающие находились быстро: директор мебельного магазина, крупный ленинградский врач, заведующий производством ресторана, директора столовых, бармены...

Подписывая им проездные документы, заместитель заведующего отделом авиапутешествий Сырова испыты-

вала чувство шемящей тоски. Ей, дочери простой, скромной! женщины, ей, жене беспутного человека, пьющего, но преданно любимого, казалось невозможным вдруг отправиться на пятеро суток в сказку и пить кофе на веранде над морем в обществе знаменитой певицы или иностранного дипломата. Неужели этот уровень жизни так и останется для нее недоступным? Чем хуже она какого-нибудь бармена, который целыми вечерами под оглушительную музыку рок-ансамбля встряхивает свой блестящий сосуд для коктейлей, а потом летит с юной подругой в Дагомыс и, не взяв ни у кого никаких денег в долг, пользуется мыслимыми и немислимыми благами жизни?! Люди умеют жить! И только она, Сырова, сидит в своем душном кабинете, горбится за троих, подписывает денежные документы на какие-то отвлеченные суммы, а деньги, живые деньги текут мимо нее!

Тогда-то и родилась плодотворная идея. Зачем гнаться за каким-нибудь новоявленным шейхом Корейко? Самые обыкновенные и не очень имущие люди часто по незнанию не требуют назад своих законных денег. И деньги эти «пропадают». Почему бы не воспользоваться этим? Государство не обеднеет...

И тогда началось:

— Иван Иванович, завизируйте это заявление на возврат: бедняга турист мается у моего кабинета, надо бы побыстрее...

Или:

— Нина Петровна, выдайте, пожалуйста, по этому ордеру деньги за неиспользованный билет. Туристка плачет, заболела, надо помочь...

Иван Иванович подписывал. Нина Петровна выдавала. Сырова пользовалась авторитетом, ей доверяли. Ведь она сама — народный контроль!.. Суммы получались разные: от пятидесяти — семидесяти рублей до пятисот. И липовые бумажки являлись на свет все чаще и чаще. И скромные поначалу суммы складывались в тысячи, десятки тысяч рублей.

Сколько туристов прошло перед ревизорами в качестве свидетелей! Сколько характеров, типов! Некоторые, ни в чем не повинные, все же старались ускользнуть от прямого ответа. Другие зачем-то путали следствие. Но главное заключалось в том, что и за тех, кто никаких денег не получал, и за тех, грамотных в правовом отношении людей, кто получил свои деньги обратно, все равно выписывались ордера на подставных лиц.

У людей, которые воспользовались услугами бюро, ре-

визоры брали образцы почерка и образцы подписей — кропотливая, нудная работа. Но она была необходима для предстоящих экспертиз. И ее делали неукоснительно. Шла тщательная предварительная проверка, чтобы иметь повод и основание возбудить против работников бюро путешествий уголовное дело. 30 июля 1984 года его возбудили. Вели его старший следователь Л. Ликкемец и старший следователь по особо важным делам Э. Столяренко, а также приданная им в подчинение бригада оперативных работников. Виновным грозила статья 93¹ Уголовного кодекса РСФСР: хищение государственного имущества в особо крупных размерах.

Три тома материалов ревизий по полтора ста страниц машинописного текста каждый. Бесконечная вереница людей — подозреваемых, сотрудников бюро, свидетелей, туристов. И главная фигура — Сырова. Начали вырисовываться крупные злоупотребления, сотканые из сложных хитросплетений документации, иероглифов подписей, запутанных расчетов.

К следствию были подключены эксперты-криминалисты Л. Сысоева и Р. Краверская. На их рабочих столах громоздились кипы бумаг, денежных документов, заявлений, ордеров. Живых «партнеров» здесь не было — сплошные бумаги. Нередко на одном таком документе оказывалось два, а то и три чых-то почерка, несколько подписей или виз. Экспертизы походили на разгадывание ребусов. Работа оказалась настолько сложной, ответственной, длительной и важной, что одному из экспертов — Р. Краверской — пришлось в течение всего судопроизводства находиться в зале суда и здесь же, в зале, повторять некоторые свои экспертизы и демонстрировать их результаты и выводы.

А Сырова отрицала все подряд. Не вникала в то, что этот факт очевиден в результате ревизии, а тот подтвержден строго научной экспертизой. Она отрицала и ревизию, и экспертизу, и все на свете. Она не желала взглянуть на уличающие ее бумаги, реестры, изъятые в аэропорту, денежные документы, на несоответствия в них. Нет! — твердила она с беспредельным упорством, и это было ее способом защиты до самого конца, до судебных заседаний, где вина ее, полностью доказанная, стала очевидной всем.

В течение следствия и судебного процесса были выявлены фальшивые документы на общую сумму в 32 тысячи рублей. Но даже перед лицом серьезной и реальной опасности не захотела Сырова назвать сообщников, хотя

вполне могла разделить с ними ответственность и судьбу. Не пожелала даже попытаться возместить хотя бы часть причиненного государству ущерба. А ведь и это смягчило бы ей наказание! Она упорно, тупо лгала. Она отрицала все.

К сожалению, судебный приговор — не всегда победа следствия и правосудия. Иногда даже поражение, наше общее поражение: преступник ушел из зала суда нераскаившимся, ничего не поняв и ничего не признав, ушел в убеждении, что изменилось в итоге суда лишь его местопребывание. И тогда люди, призванные остановить его на преступном пути, спасти его прежде всего от него самого — следователи, прокуроры и судьи, — испытывают иногда чувство неудовлетворенности, разочарования, горечи, хотя Закон соблюден и исполнен в полной и точной мере. Что поделаешь, бывает и так.

Мне же в этой связи вспоминаются строки Бориса Пастернака: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать...» Может, и вправду не должен?

Но если туристы, возвращаясь домой из далеких поездок, организованных Ленинградским бюро путешествий или иными организациями, просто подумают, в порядке ли их денежные взаимоотношения с организаторами поездки, — это станет проявлением правовой культуры людей. Повышение такой культуры в сознании каждого — победа бесспорная.

ЭТИ ЧЕТВЕРО В ШТАТСКОМ

то такое ресторан? Место, где человек ожидает праздника. Мы приходим сюда в какой-то знаменательный для нас день с друзьями или любимыми, чтобы все было не так, как дома,— необычно, приподнято: яркий свет, крахмальная скатерть, нарядная сервировка, меню, при одном чтении которого появляется волчий аппетит. Зазвучит тихая музыка, подойдет предупредительный, почтительный официант и не только терпеливо выслушает все ваши пожелания, но и даст совет, расскажет, какое блюдо удалось сегодня на кухне в особенной степени, какое считается фирменным. В Венгрии, например, официанты первым делом зажгут на вашем столике свечу — и это будет означать, что занавес вашего личного праздничного действия поднят, что начат ритуал, что вступают в свои права счастливые часы дорогих здесь гостей. И люди меняются на глазах. Даже те, кто дома хмур и необщителен, становятся веселыми. Чувства обостряются. Мужчины вспоминают о галантности по отношению к дамам, а те, преобразаясь в свете блистающих люстр, делают еще привлекательнее, и звучит над столом счастливый смех.

А потом вам принесут украшенный зеленью салат, нежно-розовую рыбу, наполнят сверкающие чистотой старательно протертые бокалы. Ароматы изысканных блюд, как шампанское, вскружат голову. И вы ощутите ни с чем не сравнимое блаженство, какое, пожалуй, невозможно испытать дома, за обычным обеденным столом, как бы ни старалась умелая хозяйка. Хороший ресторан — праздник не только для желудка, но и для души.

Я не люблю наших ресторанов.

Здесь праздник умеют низвести до унылого и пошлого уровня будней. Мне не нравится подолгу дожидаться, когда о тебе вспомнит официант с кислой или надменной физиономией, соизволит принести еду. А еда эта обычно не слишком вкусная и не слишком горячая. И начинаешь думать о том, что дома из тех же продуктов можно было бы приготовить нечто великолепное и съесть любимое

блюдо с меньшим раздражением. Если же дело происходит вечером — еще хуже: электроника ресторанных ансамблей грохочет с такой силой, с таким отсутствием всяческой культуры, что поговорить со своим собеседником не удается.

Что касается других заведений общественного питания — столовых, — то тут, я думаю, объяснять свою неприязнь к ним не надо. Здесь все — от «сервировки» (металлический ящик с жирными недомытыми вилками и ложками) до самой еды, которую можно проглотить, если только ты месяц блуждал в тайге без хлеба и воды, — вызывает чувство отвращения и брезгливости.

Но ведь многим людям никак не удастся избежать всех этих испытаний. Одним делать это приходится, к счастью, изредка, другим — и мне их искренне жаль — ежедневно. Куда денешься? И входят десятки тысяч людей в шумные неопрятные залы столовых, чтобы выстоять очередь в кассу, потом — к раздаточному прилавку, получить свою порцию, усесться за пластмассовый, вытертый грязной тряпкой стол, разумеется без скатерти, и испытать одно лишь желание — поскорее уйти. Все здесь не в радость.

У большинства круг эмоций, вызванных нашим общественным питанием, этим и ограничивается. Но некоторые люди, наделенные обостренным чувством собственного достоинства и справедливости, уставшие от такой беспроектности, размышляют порой и о другом: а какая же часть полагающихся продуктов дошла до их неаппетитно оформленной тарелки? И сколько мяса, рыбы, масла, сахара унесут вечером домой повара, официанты, судомойки? В какой форме поддерживает свое личное благополучие директор столовой — неужели ограничивается только куском свежей вырезки и, подобно нам, не знает, что среди ведомых всем коровьих субпродуктов — сердца, почек и вымени — был когда-то еще и забытый нами язык?

Подобные вопросы заботят иных из нас напрасно — не имеем мы ни достаточных специальных знаний, ни практических возможностей, ни опыта, чтобы выявить и познать теневую сторону общепита, хотя понимаем: здесь идет своя четко организованная жизнь, со своими правилами, со своей «справедливостью», с системой сложной взаимозависимости людей. Вспоминаю случай в магазине. Получив отвратительный кусок мяса, в котором кости составляли подавляющую часть объема и веса, покупательница миролюбиво и наивно — чудовищно наивно — спросила молодого продавца, взял бы он такое

мясо себе? Тот посмотрел на нее, как на пришлицу из иных миров, а потом ответил: «Вы как думаете: человек стоит по колено в воде и при этом не должен напиться?» Меня подкупила образность выражения. Совершенно ясно: вечером он принесет домой добрый кусок парной телятины. И, заметьте, там ему не скажут: «Постыдись, это же нечестно!» Нет, домашние спросят: «Почему сегодня так мало? Ведь у нас завтра гости!»

Статистика знает все, утверждали в свое время Ильф и Петров. Увы, замечательные писатели-сатирики ошиблись. Не знает статистика, сколько нынче рождается в семьях алкоголиков неполноценных детей и какой нравственный, социальный и материальный урон наносится этим нашему государству. Не знает она, сколько водных пространств отравлено промышленными отходами, сколько загублено леса, какова концентрация вредных химических веществ в той пище, какую мы вынуждены поглощать ежедневно. И не сообщает, сколько из 66 тысяч человек, что ведают в нашем пятимиллионном городе общественным питанием, честных людей, а сколько — воров, жуликов, взяточников и расхитителей.

Впрочем, одних статистических данных здесь недостаточно. Необходимо еще и пресекать такие злоупотребления. Этим в УБХСС занимаются... всего четыре человека (не считая работников районных управлений внутренних дел). И они справляются — в той мере, в какой это возможно и реально. Эти четверо — специалисты высокого класса, знающие свое дело до тонкостей. Могу назвать вам их имена — Владимир Михайлович Топоровский, Виталий Клавдиевич Лукьянчиков, Владимир Робертович Шейде, Андрей Михайлович Шуляк. Они имеют звания от старшего лейтенанта до майора, занимают должности старших и просто оперуполномоченных линейно-отраслевой группы по обслуживанию предприятий общественного питания Управления БХСС. Форму они обычно не носят. Но и без формы деятели общепита знают их в лицо, и разведчики пищевых бастионов видят их еще до того, как они переступят порог ресторана, столовой или кафе и скромно сядут за свободный столик. Что поделаешь! Со временем приходится исключить из арсенала средств борьбы с жуликами возможность появиться инкогнито.

Спектр проблем, которыми этим четверем людям приходится заниматься, чрезвычайно широк. Чтобы показать это, придется прибегнуть к весьма прозаическим выкладкам.

Есть такое понятие: естественная убыль. Это — один из краеугольных камней благополучия тех, кто занимается реализацией продуктов питания. При жарке говяжьей или свиной печени продукт теряет в весе 35—40 процентов. Что можно из этого извлечь? А вот что: продавать в столовой сырую печенку по цене жареной (у нас же не магазин, в конце концов!). И даже не слишком стараться скрыть этот факт от покупателей: не нравится — не бери. Впрочем, известно заранее: покупатели будут счастливы удачным приобретением.

Наконец, мясная вырезка! Та самая, какую мы не видим на прилавках даже фирменных мясных магазинов, та самая, что составляет розовую мечту любой хозяйки, тот волшебный продукт без единой косточки, из которого можно наготовить столько соблазнительных блюд! Если нашпиговать такое мясо специями, обтереть солью, завернуть в фольгу и запечь в духовке, получится роскошное блюдо, способное украсить любой праздничный стол. А котлеты из такого мяса будут разительно отличаться от тех, какие мы едим повседневно. Да что там говорить — не стоит дразнить аппетит, не имея возможности удовлетворить его.

Так вот, эту самую вырезку можно продать в столовой или кафе большими кусками (если, конечно, штат заведения уже обеспечен ею), а можно — в нарезанном виде, как антрекоты. Секрет в том, что при резке мяса учитываются 15 процентов потерь. Нетрудно догадаться, что килограмм антрекотов стоит дороже килограмма цельной вырезки, и поэтому ее выгоднее продать в столовой или буфете по более дорогой «антрекотной» цене. Видите, как все просто. Даже мы с вами, непосвященные, иногда способны понять эту теневую бухгалтерию.

Существует, однако, и куда более сложная бухгалтерия. Совсем не дураки сидят на нашем пищевом деле. Приходится быть умнее их, и уж во всяком случае не хуже, чем они, знать многочисленные секреты и тайны тернистого пути продуктов питания от базы до едока.

Как и в других подразделениях органов внутренних дел, научиться в УБХСС тонкостям профессии нелегко, и приходит это с годами. Тут не поможет никакой вуз. Только в повседневной многолетней работе, постоянно испытывая радость победы или горечь разочарования и проигрыша, всегда отыскивая новые пути в незримом единоборстве с преступниками, можно стать мастером своего дела. А преступники здесь вооружены в основном не огнестрельным или холодным оружием, а всего лишь

электрокалькулятором, бумагой, пером, телефоном да изворотливым умом.

Мне довелось познакомиться с двумя из четырех членов группы — капитанами милиции Владимиром Топоровским и Виталием Лукьянчиковым. Это молодые, тридцатилетние люди, по образованию — инженеры-механики, сокурсники, друзья. Еще в институте Топоровский возглавлял студенческий оперативный отряд (около сотни «штыков»), помогавший районному управлению внутренних дел. Лукьянчиков тоже потянулся за другом в органы милиции.

Они совсем разные, эти двое. Топоровский — вдумчивый, немногословный, внешне спокойный, уравновешенный. По словам его друга, у него настоящая ЭВМ в голове — способен мгновенно оценить ситуацию, просчитать в уме множество ее вариантов. Его иногда упрекают, что он, старший группы, не сидит на месте, в кабинете, где можно координировать действия товарищей, а стремится непосредственно участвовать в оперативной работе. Часто возникают непредвиденные ситуации, которые бывает трудно осмысливать и оценивать по телефону.

Виталий Лукьянчиков — экспансивный, подвижный, часто поправляет очки, говорит быстро, горячо. «На работе Володя на порядок выше меня», — сказал он о друге. «А в чем выше вы?» — «Пожалуй, дома, в быту; так, во всяком случае, считают наши жены». Да, Виталий умеет готовить не хуже своих самых честных подопечных.

У друзей на Вуоксе имеется «свой» островок, где по редким свободным дням можно отдыхать с семьями, палатками, байдаркой, едой на костре. Здесь Лукьянчиков берет «реванш» над другом. Впрочем, отдыхать им нередко приходится по очереди: работа не дает выходных.

Анонимные письма и сигналы сегодня у нас официальному рассмотрению не подлежат. Это правильно и справедливо. Но в системе УБХСС в исключительных случаях приходится с такими сигналами считаться, брать их во внимание. Здесь понимают, что иногда человек, сам входивший в преступную группу, не находит иного способа выйти из нее, как помочь ее разоблачению анонимно, боясь мести соучастников. Не хватает ему гражданского мужества, но информацией он обладает ценнейшей. Иногда звонят, не называя себя, посетители кафе, ресторанов, столовых — им неловко выглядеть «склочниками».

А терпеть явные злоупотребления не всякий способен.

Как-то в отдел БХСС позвонил человек и рассказал, что в кафетерии одной из крупных ленинградских гостиниц продают странные эклеры: пирожные явно меньшего, чем обычно, размера, к тому же невкусные. Работники группы приняли поступивший сигнал к сведению и отправились в гостиницу выпить чашечку кофе с таким пирожным.

Разумеется, часть купленных ими эклеров поступила в лабораторию. Пирожные оказались, как выражаются специалисты, нематериалоемкие: крем рассыпался, потому что был изготовлен не на масле, а на маргарине; пропитка была не спиртовой, как положено, а состояла из воды. Перед членами группы встала сложная задача. Оперативники знали: нельзя с ходу пытаться уличить кондитеров — за неполноценными эклерами могла скрываться целая система злоупотреблений, развитая устойчивая преступная группа, и нерасчетливо было спугнуть ее претензиями к какой-то одной партии пирожных, изготовленных и проданных в какой-то некий определенный день. В случае такого подхода к делу преступная группа уйдет от разоблачения и в лучшем случае пострадает «стрелочник» — какой-нибудь кондитер или заведующий производством. Соучастники по хищениям все равно подержат, укроют, защитят его, одним словом, не дадут ему пропасть. Следовало выявить полную картину злоупотреблений, не оставив преступникам ни малейшей лазейки.

Началась работа.

Но ведь сложно быть одновременно специалистами по пиву, мясу, пирожным и прочим продуктам питания. Каждый раз приходится заново знакомиться с объектом исследования, изучать структуру и технологию производства. Надо выявить не только технологические «новшества» изобретательных дельцов, но и весь замаскированный путь левого товара.

Оказалось, что кафетерий гостиницы торгует своими пирожными не только у себя, но и в магазине. Значит, в систему хищений вовлечены не только работники гостиничного ресторана и бухгалтерии, но и работники магазина, и водители грузовиков, которые возят лотки с этой продукцией.

Кондитерский цех должен был изготавливать пирожные разного сорта. А в продаже появлялись почему-то одни эклеры. Удалось выяснить: по закладке исходных продуктов одно пирожное «Ленинградское» и одна сахарная трубочка равны... четырем эклерам. Возникла догадка:

можно в документах обозначить, что произведены первые два наименования, а делать и продавать одни эклеры. И тогда пирожных получится ровно в два раза больше, чем будет указано в накладных. Рождается почва для чистого дохода.

На помощь Топоровскому, Лукьянчикову и их товарищам пришли добровольные помощники — младшие соученики по Механическому институту, студенты. Благодаря их помощи и подсчетам выяснится: из каждых двадцати лотков с пирожными в товарно-транспортных актах будут отражены лишь десять лотков.

Но как же незаметно реализовать двойное количество пирожных в магазине? Ведь кассовые чеки обнаружат денежные излишки! Очень просто. В те дни, когда поступали левые пирожные, кассовый аппарат в магазине «портился» и деньги получала продавщица. В другие дни применялся иной способ: чеки в первый раз не накальвались продавщицей и незаметно возвращались в кассу. Шел двойной оборот чеков.

Преступная цепочка, как и предполагалось, оказалась длинной: заведующая производством, главный бухгалтер, начальник кондитерского цеха, два его заместителя, два экспедитора, шоферы грузовиков. Это они придумали выпускать по четыре эклера вместо одного «Ленинградского» и одной сахарной трубочки и осуществляли — каждый на своем месте — преступную аферу. Позднее выяснится, что кондитеры этого ресторана даже не знали, что такое пирожное «Ленинградское», не слыхивали, как оно делается! Но в документах мифическое «Ленинградское» регулярно фигурировало в значительных количествах.

Черную работу выполняли, так сказать, нижние чины. Экспедиторы выписывали по две накладные на каждую поездку машины с пирожными: одну нормальную, для водителя, другую — накладную прикрытия. Шоферы отдавали в магазине вместе с пирожными обе накладные. Там знали, как с ними поступить. После реализации товара «липовая» накладная прикрытия уничтожалась. И водители увозили из магазина не только пустые лотки, но и полные карманы денег — и работникам ресторана, и, разумеется, себе.

Настал день, когда пришло время взять преступную группу с поличным. Цепочка была распутана, факты и документы сопоставлены. И вот две оперативные машины остановились около гостиницы. Надо было ждать, пока

появится очередной водитель с деньгами для экспедиции кондитерского цеха.

Предварительно в течение этого дня работниками ОБХСС были зафиксированы номера денежных купюр достоинством в десять рублей. Ими производился расчет за купленные оперуполномоченными пирожные. Таким образом, к концу дня в кассе находились только купюры, номера которых были заактивированы.

И вот подъехала очередная машина с левыми пирожными. Через некоторое время, сдав их, водитель вышел, сел в свой грузовик и направился в сторону кондитерского цеха. Расстояние было невелико. И у ближайшего светофора оперативные машины блокировали грузовик. Шоферу предложили проехать в управление.

Там его спросили, имеются ли у него при себе какие-либо деньги. Он ответил, что только свои, и спокойно достал из кармана пачку десятирублевых купюр.

Когда эти купюры были обработаны специальным способом и водитель увидел на каждой из них сделанную заблаговременно надпись: «УБХСС — хищение», нанесенную специальным карандашом, он понял, что попался с поличным, и признался, что перевозил левые пирожные, а деньги должен был передать в кондитерский цех.

Немедленно были закрыты кондитерский цех и все магазины, куда обычно направлялся левый товар.

Во время инвентаризации на дверях кафетерия висела табличка: «Закрывается по техническим причинам». И вдруг раздался стук в дверь. Когда ее открыли, на пороге стоял другой водитель с такой же фиктивной накладной в руках.

Узнав, что преступная группа разоблачена, все шоферы сознались в том, что ежедневно перевозили левые пирожные. Тянулась эта афера давно, и цепочка оказалась длинной. Она замыкалась на главном бухгалтере ресторана.

В тот же день, чувствуя, что опасность разоблачения становится реальной, главный бухгалтер успела передать родственникам деньги и ценности. Это не помогло. В течение суток адрес, где все это было поспешно спрятано, был установлен.

При обыске оперативные работники нашли пакет с деньгами на сумму четырнадцать с половиной тысяч рублей — купюры были заботливо пересыпаны нафталином. Обнаружили также более тридцати наименований изделий из золота и серебра. Им нафталин не требовался...

Преступная группа включала в себя 36 человек.

К уголовной ответственности были привлечены 23, остальные отправлены на поруки.

Сидя в кабинете следователя, начальник кондитерского цеха Бородина высказала философскую мысль:

— Нас бы перед тем, как пускать на работу в общепит, сажали бы на недельку в тюрьму — для профилактики. Как бы это было хорошо! И сколько злоупотреблений можно было бы предотвратить!

Не знаю, тот ли это способ помощи моим героям, какой мог бы облегчить их работу.

Но что-то делать надо!

ОГНИ, ВОДЫ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Мальчишки играли в войну, но гибли взаправду. Послевоенный Калининград хоронил своих неразумных детей, когда они по-мальчишечьи пытались продлить войну, пусть свою, детскую. Родители плакали. Саперы выносили смертоносные находки на своих руках. А вскоре подрывались другие мальчишки. Земля хранила слишком много огнестрельного наследства, и мастерить деревянные ружья и пистолеты не было нужды — играли с настоящими. Совершала свое инерционное движение война, неся смерть неосторожным, беспечным, невинным. Земля отдавала детям игрушки. И забирала иногда их самих.

Саша Александров не погиб тогда, может быть, по счастливой случайности. Нередкие взрывы на задворках уже мирного города притупляли страх. Он почему-то приходил потом, позже, когда происшествие становилось прошлым. Даже риск и страх способны обрастать жировой оболочкой привычки — как осколок в теле.

В пятнадцать лет Саша стал начальником штаба комсомольского оперативного отряда — в нем действовали полторы сотни ребят. Важный пост порождал чувство ответственности. И дисциплины. И цену гранате, извлеченной из земли, Александр знал.

А еще он хорошо играл на трубе. Матери, правда, хотелось, чтобы сын играл на аккордеоне — не так вредно. Но Саша остался трубачом. Если бы мать знала, какая «вредная» будет у сына профессия, махнула бы на трубу рукой.

Труба — это, пожалуй, единственное, что связывало мальчика с профессией деда, которого он даже не помнил. Тот в свое время был начальником пожарной части на пороховом заводе в Казани. Пожарные тогда ездили на подводах, запряженных мощными битюгами, возили бочки с водой, а впереди верхом на лошади ехал с качок с трубой в руках, оповещая жителей города, чтобы

дали дорогу: пожарные спешат на помощь. Дед помнил эти боевые сигналы трубы. Внук играл в школе марши и вальсы, радуясь тому, что звучание духового оркестра получалось стройным, слаженным. Оркестр стал любимцем школы.

А еще труба символизирует славу. Помните трех китов испытания человека на прочность: огни, воды и медные трубы? Но о какой славе мог мечтать калининградский школьник? Его труба выпевала упоительные мелодии вальсов «На сопках Маньчжурии» или «Амурские волны». Юный музыкант не думал о том, что оба эти вальса написаны людьми военными и посвящены не славе вообще, а боевой славе русских солдат. Не вспоминал, что отец, военный медик, за десять лет до его рождения сражался на Халхин-Голе. Мальчик просто наслаждался музыкой, своим умением, возвышающей силой гармонии. Он смотрел, как его друзья и товарищи танцуют, кружатся, и дул в свою трубу. О какой славе мог думать калининградский школьник? Раньше труб славы в его жизни будет огонь. И воды. Так уж положено каждому.

Многие мальчишки еще в нежном, несмышленном возрасте, завидев на улице нарядную красную машину с колоколом, пожарных в блестящих касках, еще плохо выговаривая слова, твердят: «Хочу быть пожарным». Саша Александров захотел стать им примерно по той же причине: очень уж нравилась форма, в какой ходили и ездили по городу бойцы пожарной охраны. И, проявив характер, стал пожарным в пятнадцать лет, еще не окончив школы. Мать была в ужасе. Отец сказал: «Пусть делает, что хочет». Сын так и будет поступать в дальнейшем.

Пришел мальчик в кадры пожарной части без паспорта — его еще не имелось в наличии. Но все-таки приняли. Профессия тогда не считалась «престижной», платили мало, охотников рисковать не доставало. Одним словом, сделали исключение. И Саша Александров начал ездить со взрослыми гасить огонь, не испытывая особого страха, но, впрочем, и не принося поначалу особой пользы — на подхвате что-то делал и смотрел во все глаза, как пляшет огонь, как шипит вода на тлеющих досках. Однако вскоре осмелел — сказала детская закалка — и начал геройствовать, обратив на себя внимание взрослых.

Работая в отделе пожарной охраны Калининграда, он окончил девятый, десятый и одиннадцатый классы. То был, наверное, единственный случай, когда уроки по физике или литературе в мирное время прерывались сигналом тревоги, и ученики, надевая специальные робы (на-

конец-то и он получил ее!), мчались туда, где случилась беда. Дважды представляли его к награждению медалью «За отвагу на пожаре», но так и не дали ее — герою не исполнилось еще восемнадцати лет. Помните: «Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом — паспорта». Александрову в шестьдесят пятом медали не выдали — все-таки не война! Подождет! И не думал он, какие события и какие награды ждут его впереди.

Его ждали Кириши. И десять тысяч тонн горящего бензина.

Мальчишки играли в войну, но гибли взаправду.

Послевоенная Старая Русса хоронила своих неразумных детей. Здесь в течение всей войны и оккупации не ослабляли усилий подпольщики и партизаны, и гитлеровцы не знали покоя. Старорусская земля сохранила множество смертоносных «кладов». Мальчишки пятидесятых годов играли с настоящим оружием и, случалось, погибали тихими, мирными днями. Саперы обезвреживали эти «клады», а вскоре подрывались другие мальчишки.

Саша Константинов привык к этим неожиданным взрывам на задворках старых провинциальных домов и знал цену опасности, цену риска. А характер в большой мере формировал ему спорт. Увлекаясь лыжами, он учился тому, что можно назвать интересами общего дела. Не умозрительно, а душой открывал для себя, что кроме слов *х о ч у* и *м о г у* есть еще слово *н а д о*. Общие интересы, ощущение локтя товарища входили в его сознание на всю жизнь, определяя черты личности, характера, судьбы. Его, как и его одноклассника Сашу Александрова, воспитывали не только родители, их пример, наставления, советы, упреки, требования, но и законы улицы, двора, круга сверстников. Эти законы можно воспринять и усвоить по-разному. Важно было, какие именно жизненные и нравственные идеи быстрее и вернее найдут дорогу к сознанию юного человека.

Воспитание остается одной из великих загадок человечества. Случается, мальчик растет во вполне благополучной семье, с ним носятся, уделяют внимание, ни в чем не отказывают, с ним добры и предупредительны, помогают на каждом шагу, чтобы не оступился. А из мальчика вырастает аморальный человек, а то и преступник. В другой семье, бывает, родителям не до детей: нелегко живется, много забот и мало средств, чтобы удовлетворять желания и прихоти ребенка. И мальчик тем не ме-

нее вырастает благородным, честным человеком, способным на смелый, мужественный поступок. Педагогика не знает ответа на эти загадки и предложить их надежное решение, методику воспитания не способна. Миллионы родителей сейчас, как и сто, двести лет назад, действуют по своему разумению — как получится. И получается, конечно, по-разному.

И когда Саша Константинов — одновременно с Сашей Александровым — проходил трехлетний курс обучения в пожарном училище, он учился не только пожарному делу, но и — снова — законам коллектива. Он понял: на пожаре один в поле не воин. Здесь в одиночку ничего не сделаешь. Надо быть уверенным в каждом, кто рядом, кто за твоей спиной, кто впереди. Все это разные люди, с различными характерами и восприятием жизненных проблем. Но когда идешь в огонь, сознание включает главный, магистральный прожектор — н а д о. Без этого в пожарной службе работать нельзя.

С учебной частью училища Саша Константинов, как и Саша Александров, выезжал на все крупные пожары в городе. Но он не подозревал, на какую высоту поднимет его служба. И жизнь.

Его ждали Кириши. И десять тысяч тонн горящего бензина.

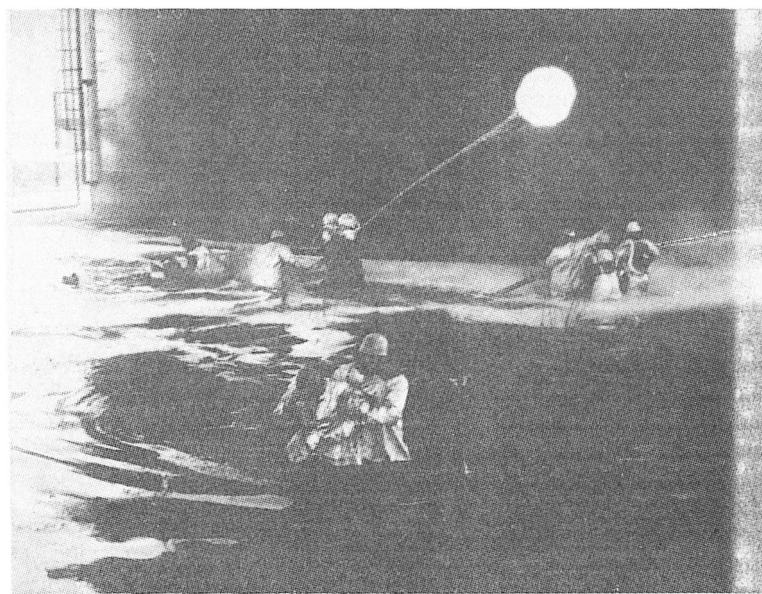
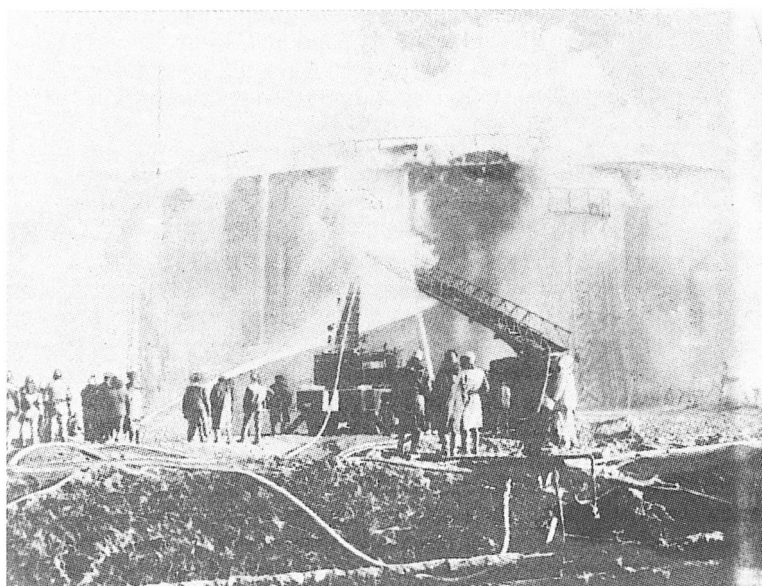
Дежурные расчеты караулов собирались смениться после суточной вахты. Новая смена готовилась заступить на дежурство и, если оно выдастся удачным и спокойным, может быть, даже поиграть в шахматы или почитать свежую газету. Рабочие и сотрудники Киришского нефтеперерабатывающего завода, работавшие днем, с легкой душой давно уже покинули проходную и сейчас еще спали. Сотни людей самых разных профессий, не подозревая, чем их объединит наступающий день, еще не знакомы между собой, еще не перекинулись и двумя словами. А те из них, кто жил в Москве и в соседних с Ленинградом областях и городах, и представить себе не могли, какая их ждала командировка.

Всех их ждали Кириши. И десять тысяч тонн горящего бензина.

В ту ночь, как обычно, у приборов, следящих за перекачкой готового бензина в пустые резервуары, дежурил оператор. Он включил подачу бензина в очередной резер-

Пожар века...

Пожар века...

Пожар века...

вуар и, зная, что заполнение этой махины, вмещающей десять тысяч тонн горючей жидкости, имеющей высоту четырехэтажного дома и тридцать пять метров в диаметре, продолжается несколько часов, пошел выпить чаю...

Бензин медленно заполнял металлический резервуар, огромный цилиндр, каких здесь, на заводе, стоят десятки. Над Киришами таяла мартовская ночь восемьдесят шестого года, город спал, работали только ночные смены. Предутренний сон, говорят, крепок. Но он мгновенно оборвался у тысяч людей, когда 18 марта в 5 часов 51 минуту раздался взрыв, от которого повывлетали из домов стекла.

А случилось вот что.

Оператор то ли замешкался с чаем, то ли слишком доверился несовершенным приборам, указывающим уровень бензина в гигантском цилиндре, только бензин подошел к крыше резервуара, стал выливаться наружу и заполнять так называемую обваловку — котлован, какими окружены эти огромные емкости. Одновременно сгустились пары бензина, нависнув невидимым облаком над окружающей территорией. А горят они куда веселее самого бензина.

И когда оператор, наконец, собрался перекрыть подачу бензина из питающего трубопровода и включил рубильник управления задвижками электропривода, хватило нескольких маленьких искр в контактном узле, чтобы вспыхнули пары, а за ними и сам бензин. Заполыхало целое озеро бензина, для вывоза которого с территории завода потребовалось бы 180 железнодорожных цистерн. А рядом стояли другие емкости — пять таких же огромных металлических цилиндров, десятитысячников. Расстояние от одного до другого — метров двадцать; при малейшем ветре огонь перебросился бы и туда. Каждую минуту может произойти новый взрыв. И тогда возникнет реальная опасность пожара на всем заводе, и придется даже эвакуировать город, десятки тысяч людей.

Такого пожара даже в нашем огненном двадцатом веке советские пожарные еще не знали. Не было поэтому и методики его тушения. Она родится потом, в огне. Идеи будут рождаться и проверяться в бою. А сейчас спецмашины мчались в Кириши из Ленинграда: свои, заводские пожарные части справиться с огнем уже не могли. Пенообразующую жидкость везли не только из Ленинграда — из прибалтийских республик, Калинин, Новгорода, Пскова, Петрозаводска. Забирали все ее запасы, в какой-

то мере оголяя в этом смысле другие объекты — там был введен особый противопожарный режим. Иного выхода не было — в кульминационные часы борьбы с огнем на Киришском нефтеперерабатывающем заводе подавалось 10 тысяч литров пены в секунду. В секунду!.. Прилетел специалист по тушению горящих нефтепродуктов из Баку. Министерство внутренних дел СССР образовало штаб по борьбе с этим пожаром: из Москвы прилетели генералы, полковники, штатские люди, чтобы возглавить небывалую атаку на небывалый огонь.

По статистике пожары занимают одно из первых мест среди общечеловеческих бедствий. Землетрясение можно сегодня предсказать. Цунами, селевые потоки и снежные лавины тоже. Самые мощные ураганы посещают различные районы планеты отнюдь не внезапно: к ним готовятся. Наводнения начинаются исподволь, и, скажем, ленинградский штаб по борьбе с наводнениями, сформированный для постоянной вахты, заранее оповещает город.

Пожар обычно внезапен. Его невозможно спрогнозировать — разве, конечно, поняв, что всякая халатность, да еще на нефтеперерабатывающем заводе, чревата катастрофой. Но халатность, неистребимое «авось» — явления, к несчастью, постоянные. А пожар может вспыхнуть сегодня или через месяц. Сколько раз в самых разных учреждениях произносятся с досадой — пожарники не разрешают того-то и того-то. И все обычно этим недовольны, раздражены: придираются, видите ли, какие-то дурацкие правила устанавливают, лишь бы людей притеснить... И запреты стараются обойти. А потом полыхает огонь, и мы дрожащей рукой набираем телефон 01. И через 40 секунд пожарные выезжают на зов.

На территории киришского завода собрались сотни специалистов, десятки пожарных частей со всех концов области.

Горящий бензин водой не погасить. Рукава выбрасывали воду в течение четырех суток — хорошо, что река Волхов рядом! — чтобы непрерывно, не отступая ни на шаг, ни на минуту, охлаждать наружные стены горящего резервуара, внутри которого адово пекло. Иссякни вода — и минут через пятнадцать от нестерпимого жара стальные стены емкости «поплыли» бы. Хлынула бы Ниагара горящего бензина, и сгорело бы все на обширной территории завода. Мог загореться и город. Поэтому каждую секунду 300 литров волховской воды орошали горячие стены цилиндра.

Столб огня и дыма поднялся в небо метров на сто. Его видели не только киришане и жители окрестных поселков, но и оптические глаза искусственных спутников. Иностранные радиостанции, разумеется, передавали экстренные сообщения: в Киришах такой мощный пожар, что его вот уже который день погасить не могут!..

Но его гасили.

Прежде всего следовало решить, каким образом приблизиться к горящему резервуару через преграду огненного озера вокруг его основания. Сюда, в обваловку, стекла вода, не успевшая испариться, а по ее поверхности растекался более легкий бензин. Казалось, горит уже сама вода, наполнившая обширный котлован людям по грудь. Тем, кто пытался пробиться сквозь этот низовой огонь, приходилось то и дело нырять под слой горящего бензина, чтобы не сгореть заживо.

Тогда придумали насыпать дамбу, короткую, но опасную дорогу, по которой машины и люди смогли бы подобраться ближе к резервуару. Дамбу строили из песка и земли под огнем в самом прямом смысле слова. Одна из пожарных машин, оказавшаяся поблизости от «берега» огненного озера, сгорела при очередной вспышке паров бензина за три минуты. Та же участь ждала и людей. Но они снова и снова шли в атаку. Шел впереди своей группы и подполковник Александр Александров, нырял вместе с товарищами под «основание» огня, выныривал в другом месте и снова шел, не замечая ожогов, удушья, не думая о том, что в любую минуту он и его товарищи могут погибнуть.

Бульдозеристы должны были толкать своими ковшами песок и землю прямо в огонь. Они не были бойцами пожарной охраны — обыкновенные водители, не привыкшие к экстремальным условиям работы. Выдерживали не все: выскакивали из кабин и отбегали назад. Зрелище пылающей пожарной машины еще стояло у них перед глазами. Их никто не осуждал за это. Подполковник Александр Константинов, заместитель начальника штаба на пожаре, сказал одному из них, что пойдет рядом, даже впереди ковша, лишь бы водитель оставался на месте и выполнил свою работу. И водитель снова, преодолевая естественный страх, садился на свое сиденье, смотрел, как загнипнотизированный, на плотную фигуру Константинова, медленно шагавшего навстречу огню, и включал скорость машины. Она дергалась и вновь ползла вперед, делая немудреное, но такое важное сейчас дело.

Потом пришло новое решение: откачать по имеющим-

ся под землей трубопроводам бензин из горящего резервуара в соседний — ведь горела-то его поверхность, а не вся масса! Но для этого требовалось подобраться к задвижкам, а они деформировались, и из образовавшихся щелей и отверстий били десятиметровые фонтаны бензина. То били фонтаны огня. Как же подобраться к задвижкам? Надо было попытаться засыпать их землей или песком, прекратить выбросы горючего, а потом уже, в нестерпимом жару, попытаться открыть задвижки и выпустить бензин в другую емкость, резко понизив его уровень в горящем резервуаре.

И снова люди пробивались по дамбе, снова шли в атаку бульдозеры, снова люди ныряли в огненное озеро, чтобы хотя бы под слоем горящего бензина пробиться к цели.

Все было сделано: задвижки удалось открыть, и бензин из нижней части резервуара побежал по трубам в соседнюю емкость, пока, между прочим, еще не застрахованную от огня.

Увы, техника порой сильно отстает от уровня и характера производства. Чтобы сделать замер бензина, остающегося в металлическом цилиндре, не было иного способа, как забраться на его крышу и оттуда опустить внутрь огненного пекла некий измерительный «прибор» времен Архимеда — обыкновенную рулетку. Подъем на раскаленную крышу казался невероятным. Но нашлись такие, кто вызвался совершить восхождение на огненную высоту. Первым из них оказался старший лейтенант Владимир Топтыгин. За ним вызвались и другие.

Во время подъема смельчаков прикрывали струями воды и пены. Пары бензина не давали вздохнуть. Вот они наконец на вершине, на высоте четырехэтажного дома, дома, который охвачен огнем. Люди внизу замерли в напряженном ожидании.

Крыша под ногами, как живая: дрожит, изгибается, подошвы дымятся. В любую минуту может произойти очередной взрыв — и ничто тогда не спасет людей. Но они выполнили свою работу, свой долг.

Огонь то и дело сникал снаружи цилиндра. Но внутри десятитысячника он полыхал по-прежнему. Требовалась мощная пенная атака, направленная внутрь раскаленного резервуара. Но как туда подобраться? Топтыгин обратил внимание на «дыхательную» арматуру — люки с крышками-фильтрами на крыше резервуара, предназначенные для регулировки давления воздуха внутри. Крышки отверстий закреплялись болтами. А что, если отвернуть болты, раскрыть люки и подать туда пену?

Эту немыслимую, казалось бы, работу на раскаленной вибрирующей крыше выполнили Владимир Топтыгин и его товарищи-добровольцы. Пишется и читается эта фраза недолго. Но сколько за нею стоит времени, труда, смертельной опасности! Надо было стоять там, в огне, видеть все своими глазами, чтобы оценить совершенное.

Стволы уже подтянуты кверху, на крышу, и пена пошла сквозь отверстия внутрь резервуара. Появилась надежда, что огонь наконец-то будет побежден. Шли уже не первые сутки этой битвы, и когда она окончится — никто предсказать не мог.

Пена пошла. Но вот очередной взрыв газов, всплеск огня — и рукава в мгновение ока сгорели дотла. Огонь слизнул все на том месте, где только что работали смельчаки. Вся работа, выполненная с таким невероятным трудом, пошла насмарку.

Очередное летучее совещание штаба — и рождается новое предложение: вырезать в стене резервуара значительное по величине отверстие — полтора на три метра — и завести новые рукава с пеной в него. Эту работу предстоит сделать заводским газорезчиком. Огню горелок предстоит сразиться с огнем пожара.

Снова нашлись добровольцы. Автоподъемник поднял свой хобот с люлькой, в которой взмыли в дымную высь очередные смельчаки. Жаром полыхали стены резервуара. Но его надо было резать. И люди резали — сантиметр за сантиметром. Через каждые пять — семь минут их сменяли товарищи. И вот наконец прямоугольный кусок металла рухнул внутрь ослепительного кратера. Отверстие для пенной атаки раскрылось. Туда немедленно стали поднимать обойму пенных генераторов.

И вот пена снова начала покрывать зеркало горящего бензина. Руководил пенной атакой опытный специалист, оперативный дежурный пожарной охраны Ленинграда подполковник Виталий Петрич, тоже заместитель начальника штаба в этом сражении. Пена шла, но огонь не прекращался: пары бензина горели теперь над поверхностью пенного одеяла. И тогда Петрич предложил использовать прием, какой мог на первый взгляд показаться абсурдным, — подать под крышу резервуара струи воды. Невероятность этого предложения состояла в том, что вода разрушает пену. Как же можно одной рукой губить то, что делаешь другой? Но идея все же сулила успех: вода, поданная выше слоя пены в раскаленное пространство, на раскаленные внутрен-

ние стены цилиндра, должна мгновенно превратиться в клубы пара, а он в свою очередь вытеснит пары бензина. Такого еще никто никогда делать не пробовал. Но здесь, на этом пожаре, многое делалось впервые, экспериментально. Новые идеи рождались в бою.

Мысль подполковника Петрича оказалась верной. Из отверстий в крыше и стенках резервуара вырвались клубы пара. И горение внутри цилиндра стало снижать.

Александр Александров, Александр Константинов, Александр Иванов (ныне начальник управления пожарной охраны ГУВД Ленинграда), Виталий Петрич, Владимир Топтыгин и многие, многие их товарищи совершили коллективный подвиг. Четверо суток, точнее 85 часов, рисковали они жизнью, рисковали каждую минуту. Эти люди выполнили свой долг, усмирили вышедшее из-под контроля чудовищное пламя, спасли бензин, завод, целый город.

Подвиг, протяженный во времени, думается, выше смелого поступка, совершаемого одномоментно. Когда нет времени на размышление, могут сработать эмоция, порыв, азарт, не успевают родиться страх. Подвиг, растянутый на 85 часов, можно совершить только тогда, когда сознательно включены твоя воля, твое мужество, понимание долга, умение думать не только о себе. И ленинградские пожарные это сделали.

Понятие подвига в нынешнее, мирное время, как это ни странно и ни печально, девальвируется. В годы войны оно не могло стать предметом тех или иных толкований, кроме такого, какое находим мы в прекрасной повести Александра Крона «Капитан дальнего плавания», посвященной легендарному советскому подводнику Маринеско: «...хотя слово «подвиг» тоже многозначно и многооттеночно, в нем как бы закапсулированы два составляющих единство, но находящихся в сложном взаимодействии элемента: высокая общественная ценность поступка, дающая ему право называться подвигом, и те высокие нравственные качества, подвигнувшие человека преодолеть все трудности и опасности на пути к его свершению».

Точное, как и все у Крона, определение! Именно на такой нравственной основе не забываем мы о подвигах генерала Дмитрия Карбышева, гвардии рядового Александра Матросова, командира подводной лодки Александра Маринеско — их жизнь и смерть способны вызвать

великую признательность и чувство неисполненного долга перед ними, но не горечь напрасной утраты.

Горечь напрасной утраты возникла у тысяч людей, когда газеты в начале семидесятых годов сообщили о подвиге рязанского комсомольца Анатолия Мерзлова: спасая от огня свой старенький трактор, а также малую часть урожая того жаркого, нестерпимо жаркого лета семьдесят второго года, он погиб. После войны и Победы прошло более четверти века, но снова понадобился подвиг, и снова молодому полному сил человеку пришлось пойти на смертельный риск и отдать свою жизнь без остатка.

В редакцию «Комсомольской правды» посыпались письма, и во многих из них задавался такой примерно вопрос:

— Да, это, конечно, мужество, но стоило ли его проявлять по такому поводу? Стоило ли идти на риск, как выяснилось впоследствии, смертельный, ради того, чтобы спасти из огня трактор, железку? Можно ли равнять цену трактора с ценой человеческой жизни? Сгоревшую машину можно заменить другой, а сгоревшую человеческую жизнь другой не заменишь...

Эти письма, горестные сомнения читателей газета переадресовала писателю Константину Симонову. И тот написал один из лучших своих пронзительных очерков. Симонов размышляет в нем о подвиге на войне и о подвиге в мирное время. Разговорился, в частности, с бригадиром тракторной бригады, в которой работал Мерзлов.

— Железка, говорите... — усмехнулся бригадир. — И трактор — железка, и кран — железка, и турбина — железка. Теперь на железке вся Россия держится. Отсюда и считать надо — стоило или не стоило.

Сегодня, когда мы вспомнили о человеческом факторе, можно по-разному отнестись к словам бригадира. А тогда, полтора десятка лет назад, писатель Симонов — человек, прошедший через все огни и воды войны и имевший здесь право на свое веское, глубокое мнение, пришел к мысли, что, конечно, преуменьшать цену человеческой жизни бесчеловечно, она несомненно дороже трактора. Но далее пишет:

«А с другой стороны, спрашивается: на что способен человек, живущий в постоянном сознании того, что его жизнь дороже всего остального? Способен ли вообще что-нибудь спасти: винтовку, трактор, самолет, да и самое главное — другого, попавшего в беду человека, — тот, кто в решительное мгновение, перед тем, как пойти

на риск, начнет считать, что сколько стоит? Ради чего есть основания рискнуть собой, а ради чего нет?

Подозреваю, что такой человек не только трактор из огня, но и ребенка из воды не вытащит, хотя и будет при этом считать, что человеческая жизнь дороже всего на свете. Подразумевая при этом, конечно, прежде всего свою собственную жизнь. В этом-то и весь секрет!»

По отношению к пожарным, совершившим в восемьдесят шестом году коллективный подвиг в Киришах, не может быть поставлен вопрос: стоило ли рисковать жизнью или не стоило? Они выполняли свой профессиональный долг. Гасить огонь — их профессия, обязанность, призвание. К тому же дело шло не о стареньком тракторе, а о возможной гибели огромного завода, сотен людей, а не дай бог, и города, построившего этот завод.

Да, стоимость резервуара с бензином в ее формальном, денежном выражении, да и ни в каком ином выражении, не соразмерна с жизнями сотен, а то и тысяч людей. Но если бы пожарные не совершили свой подвиг, они погибли бы, не принеся пользы другим, не выполнив своего прямого долга.

Но в данном случае речь о другом. О том, что сегодняшний пожар — не пожар войны. И даже, в данном случае, не стихийное бедствие. Отнюдь не стихийное бедствие случилось в результате халатности одного или нескольких человек. Новый, горький, скорбный вопрос может быть поставлен так: а соразмерны ли природа и масштабы халатности горстки должностных лиц с масштабами бед, которые они несут государству, народу, каждому из нас? Ответ на этот вопрос, разумеется, отрицательный. Так, пожалуй, начинать перестройку стоит действительно с самих себя? А не с реорганизации, скажем, пожарной службы?

В Киришах не погиб ни один человек. Люди отделались ожогами, отравлениями газами, физическими травмами. Но ведь дело могло обернуться куда трагичнее. И тогда погибли бы сотни людей. Благополучный конец киришской эпопеи — результат не только мужества, героизма и мастерства пожарных — это в первую очередь! — но и благоприятного веления судьбы. Потому что вполне могли произойти события, абсолютно непредсказуемые и непоправимые.

И не требуют ли такие драматические события от каждого из нас еще раз подумать: как же ты сам живешь и работаешь?

Может быть, вы думаете, что после этих памятных событий на Киришском нефтеперерабатывающем заводе не было больше ни переливов резервуаров, когда бензин течет в котлован обваловки и сгущаются его пары, ни пожаров?..

Ошибаетесь.

Были.

В мае 1986 года, через несколько недель после роковых событий в Чернобыле, подполковник Александр Сергеевич Александров подал рапорт об отправке его на ликвидацию пожара Чернобыльской АЭС. Там сражались с бедой уже многие смелые люди, и Александров имел полную возможность продолжать свою службу по охране вверенных ему объектов в Ленинграде. Но он подал рапорт и, получив разрешение, прибыл в Чернобыль. Как это ни выглядит неожиданно, но именно он стал начальником пожарной части, гасившей здесь пронизанное радиацией пламя.

Ежедневно, как и у других, у него брали кровь на анализ, его осматривали врачи. Что-то заносили в соответствующую карточку, содержание которой было ведомо лишь специалистам. Это они решали вопрос о допуске и недопуске человека к работе, скажем, назавтра. Так вышло и с Александровым. Он сражался тут — иначе не скажешь — двадцать один день. По истечении этого срока ему сказали: «Ваша служба здесь окончена. Вот билет на самолет. Спасибо». И Александров вернулся в Ленинград.

К этим лаконичным сведениям ничего не прибавишь. И в комментариях они не нуждаются. И все, что можно и нужно здесь прочесть между строк, вы, читатель, конечно, поймете.

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЫ

Вечером 14 февраля 1988 года Ольга, как обычно, позвонила из Колпина, где они живут, в Ленинград, в дежурную службу пожаротушения: на месте ли муж? Все ли спокойно и благополучно? Ольга понимает, какая у мужа профессия, знает и характер Владимира: его азартность и мужество. Он не упустит возможности первым пойти в огонь. Он утверждает, что к этому его обязывает профессия. Но у жены свои резоны и основания волноваться. Поэтому каждое утро и каждый вечер она звонит в дежурную службу.

На этот раз Владимира на месте не оказалось, и хоть ничего необычного в этом обстоятельстве не было, тревога резанула по сердцу.

А наутро Ольга узнала, что горит Библиотека Академии наук СССР, уникальное книгохранилище страны. Владимир дежурил именно в эту ночь. Разумеется, он уже давно на месте — в огне.

...Вечером 14 февраля Владимир Топтыгин, старший помощник руководителя тушения пожаров, находился с несколькими товарищами в Красносельском районе города — как обычно, занимался проверкой боеготовности пожарных частей. Вдруг заработала радиосвязь: пожар в Библиотеке Академии наук! Красная «Волга» с включенными маяками рванулась на Васильевский остров.

Из окон библиотеки шел едкий дым, но огня видно не было. Поэтому и номер пожара, то есть степень его, объявлен пока небольшим: может быть, загорелись окурки в урне или где-то небрежно оставленный мусор?

А времени с момента возгорания прошло, очевидно, немало. Мы знаем, что пожарные приезжают в считанные минуты. Но на этот раз ситуация сложилась иная. Время начала пожара вообще неизвестно: в помещении, где он занялся, не было пожарной сигнализации. Да, как сообщают газеты, она и сейчас отсутствует. А рабочий день к тому моменту уже окончился, и заметить возгорание своев-

ременно оказалось некому. Через час-полтора сработала сигнализация в другом помещении, когда в него проник дым. Сколько упущено времени — сказать сейчас трудно.

Второй отрезок упущенного времени относится к ситуации, с какой столкнулись пожарные в помещении вахты. Тут была груда ключей. Но отличались они один от другого лишь бороздками и номерами. А номера здесь — неразрешимый шифр: вахтер не имел даже приблизительного представления, какой ключ к какому помещению относится. Фантастическая беспечность. Залов и помещений — десятки. Пожарным оставался один путь — взламывать двери одну за другой.

Но одно дело — ломать двери в современной квартире, и совсем другое — в этой библиотеке: двери оказались бронированными. Около каждой пожарные мучились не менее получаса, а ключи преспокойно валялись на вахте. К тому же никто не мог сказать, в каком именно помещении находится очаг возгорания. Позднее многие удивятся, как вообще удалось такие двери взломать? Чем?

Последний вопрос влечет за собой весьма печальный ответ.

На заре пожарного дела огонь гасили с помощью воды, ломов, багров и топоров. Уже в конце прошлого века энциклопедия Брокгауза и Ефрона писала о том, что эти примитивные средства перестают удовлетворять даже столичные города России. Но и сегодня против огня имеются лишь вода, лом, багор и топор. В некоторых случаях — пенообразователь, в основе которого та же вода. Разве что вместо лошадей используются автомобили.

Ломами пытались вскрыть и бронированные двери библиотеки.

Возглавить поиск очага пожара и подавить его было приказано старшему лейтенанту Владимиру Топтыгину. Топтыгин вызвал по рации «газовку»: отделение газодымозащитной службы 5-й пожарной части, семь бойцов специального подразделения, надежных ребят — Владимир знал их по многим совместным огненным сражениям. В тот вечер Топтыгин понял: работа предстоит чрезвычайно сложная. Прежде чем удастся подобраться к очагу пожара, к самому огню, придется пройти сквозь почти непреодолимую стену дыма и ядовитых газов. А в распоряжении «газовки» — хоть какие-то дополнительные средства: дымососы, прожектора, запас кислородных баллонов, бензопилы. И еще — мужество и опыт золотого фонда пожарной охраны. Идти в лабиринтах библиотеки,

да еще ночью, сквозь непроглядный мрак и дым, трудно. А в данном случае — не идти, а ползти на животе или на четвереньках: поднять голову не представлялось возможным, потому что жар от тления бумаги и дерева достигал здесь восьмисот — девятисот градусов. В таком крошечном аду можно работать только с опытными, надежными помощниками.

Попытайтесь вообразить себе: нестерпимый жар, непроглядный мрак и к тому же противогаз на лице. Помещения библиотеки, ее коридоры и закоулки, лестницы и переходы превратились в ту ночь в непроходимые огненные джунгли. Стоит потерять ориентацию, заблудиться — и ты в ловушке, которая превратится для тебя в крематорий. Если не заблудишься ты — может растеряться и не найти выхода твой товарищ. Поэтому работали звеном. А в газетном хранилище сменяться приходилось каждые тридцать секунд: дольше в том котле человек выдержать не мог.

Чтобы дойти до очага возгорания, обнаружить его, потребовалось примерно полтора часа сверхчеловеческих усилий. Люди, еле держась на ногах, спускались в вестибюль, меняли кислородные баллоны и снова шли вперед.

Оказалось, что в газетном хранилище почти нет окон. Не было доступа воздуха. Поэтому бумага и дерево тлели и дымили с особой силой. Дым разъедал глаза, проникая под защитную маску противогазов. Казалось, будто кто-то швыряет в глаза щепотки перца. А видимость и так равнялась нулю. Минутами в беспомощном свете переносных фонарей взгляд выхватывал из мрака часть стеллажа, золоченые корешки роскошных изданий, одетых в настоящую кожу. Но оценить, осознать все это не было времени. На смельчаков лился кипяток, их душил дым.

Около двадцати стволов заведены в помещение. Вода, этот древний антагонист огня, превращалась в кипяток, ударяясь в раскаленные бетонные перекрытия. Но не было иной формулы атаки, кроме той, неизменной, вечной: вода плюс героизм. И сознание профессионального долга.

Вокруг здания библиотеки скопилось около пятидесяти красных автомобилей. Около двухсот бойцов пожарной охраны сражались за спасение уникальных ценностей национальной культуры. Но в дымной, огненной купели люди в те часы не думали и не могли думать о том, какие именно сокровища стоят на тесных стеллажах хранилищ, — скорее, как сказал Топтыгин, складов литературы. Профессия пожарного имеет свои непреложные законы: очаги возгорания должны быть подавлены. И если они

**Так выглядели после пожара помещения Библиотеки
Академии наук СССР...**

таятся в толще бумаги, эту толщу надо разгрести, баграми или руками, как удастся. Если где-то останется тлеющий лоскуток, все начнется сначала.

Через двенадцать часов основные очаги пожара были ликвидированы. Но вахта продолжалась еще несколько суток — бумага могла предательски вспыхнуть.

На другой день Ольга снова позвонила в дежурную часть. Владимир оказался на месте.

— Все нормально,— сказал он жене.— Еду домой.

Он не сказал ей, что почти ничего не видит, что обожжены глаза и неизвестно, когда зрение вернется. Не сказал, что десятки его товарищей получили ожоги. Он сказал: «Все нормально».

Не буду касаться иных сторон этого пожара: причин национального бедствия на Васильевском острове в Ленинграде, хода и результатов следствия — оно еще не окончено. Средства массовой информации много писали на эту тему и несомненно напишут еще, когда следствие завершится. У меня же нет, признаться, ни сил, ни желания в который уж раз рассуждать о преступной халатности, безответственности, разгильдяйстве и равнодушии. Или о том, что на сбережение таких уникальных сокровищ у нас почему-то постоянно недостает средств. Сейчас в залах Эрмитажа финская фирма устанавливает современные и вполне надежные средства защиты от огня — баллоны с инертным газом и датчики, которые дадут команду заполнить этим газом, препятствующим горению, любое помещение музея. Ни огонь, ни вода из пожарных стволов уже не повредят несметные сокровища мировой культуры, собранные здесь. Но ведь такие сокровища имеются не только в Эрмитаже!

Не хочется с восторженным пафосом писать и о героизме пожарных. Не хочется, потому что их героизм — неизбежная оборотная сторона все той же нашей халатности и безответственности. Сейчас не война. И почти каждый пожар имеет, как говорится, имя, отчество и фамилию. И пожарные вынуждены расплачиваться за чью-то вину своими силами, мужеством, здоровьем, рисковать жизнью. Лучше бы им поменьше приходилось становиться героями!

В результате пожара в Библиотеке Академии наук СССР пострадала почти половина всех библиотечных

хранилищ. Сгорело около 400 тысяч экземпляров различных изданий. Уничтожены газетные подшивки как раз за период культа личности Сталина — случайность ли это? Материальное выражение причиненного ущерба пока не исчислено — не будем воспринимать всерьез смехотворные цифры, названные в разное время дирекцией библиотеки. Да и вряд ли он может быть исчислен: в огне погибли редкостные издания, иных из которых нет ни в одном хранилище мира. К тому же в период ликвидации последствий пожара ценностям библиотеки был нанесен новый урон — его вообще учесть невозможно: полусгоревшие бумаги вывозились из-под окон и стен здания с помощью экскаватора. А его могучий ковш не разбирал, что там сгорело в куче «мусора», что уцелело и может быть восстановлено. Ни экскаватор, ни экскаваторщик на такую работу не способны. То, что не сделали огонь, вода и пар, доделывали равнодушные люди.

Сейчас, когда пишутся эти строки и рукопись уже должна идти в производство, расследование событий ведет Следственное управление Главного управления внутренних дел Ленинграда. И пока оно не окончено, ни следователь, ни представители прокуратуры, ни я не можем назвать конкретных виновников и конкретные причины трагедии.

Об этом нам с вами предстоит узнать из сообщений газет.

ГРАММАТИКА БОЯ СТАРШИНЫ ГИБЛИЯНА

В тот день, когда Александру Гибляну предстояло встретиться со смертью, как говорится, нос к носу, он с утра сидел на партийном собрании. Какие там обсуждались вопросы, сейчас уже не припомнишь. Запомнился только момент, когда дверь резко открылась и вошел дежурный:

— Оперативная группа, на выезд! Убийство.

Несколько человек вскочили со своих мест и устремились к милицейской машине, дежурившей у подъезда. А Гибляну надо было еще добежать до вольера, где ждал его Зельф, пристегнуть к его ошейнику длинный поводок, что, в отличие от короткого, означало для Зельфа отнюдь не обычную прогулку, а работу, и тоже сесть в машину. И она, включив синюю мигалку, ринулась по улицам к месту происшествия.

А пока машина, провожаемая тревожными взглядами прохожих, мчится по улицам города, расскажу вам о самом этом городе, а также о проживающих в нем действующих и бездействующих лицах.

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Это шуточное стихотворение юный Пушкин написал в 1817 году, едва выйдя из Лицея и, возможно, проезжая через Лугу в родное Михайловское. Тогда, надо думать, Луга действительно выглядела не слишком презентабельно. Ныне это город с более чем двухсотлетней историей, и не миновать его тем, кто на автомобиле едет из Ленинграда, скажем, на Псковщину, в Киев или в южную Прибалтику. Лужские, как и соседние псковские, леса знамениты далеко за пределами наших областей. Когда-то здесь, в этих лесах, водилась пропасть зверья, птиц, в

изобилии рождались по осени грибы и ягоды. Теперь человек теснит природу, и там, за рекой Лугой, где еще недавно лезли из-под седого мха боровики, теперь скорее увидишь деревянные мухоморы детской площадки.

Среди десятков тысяч жителей Луги и семья Гиблянов — Александр, Людмила и трое их ребят. Между прочим, фамилия Александра — причуда ономастики, науки, изучающей происхождение имен и фамилий. Мать — русская, отец — украинец. А фамилия звучит, похоже, по-армянски. На южанина Александр несколько не похож. Родился, да и сейчас живет в Луге, райцентре Ленинградской области.

Первая информация о старшине милиции Александре Гибляне, полученная от его руководства, звучала многообещающе:

— Это лучший оперативный работник угрозыска в Ленинградской области. Самый результативный. Недавно награжден орденом Красной Звезды.

Да, ничего не скажешь. Таким высоким орденом в мирное время, да еще в органах милиции, награждают не каждый день. Увы, скорее приходится читать в газетах, что работник милиции награжден им посмертно.

А когда я стал разыскивать Гибляна, чтобы познакомиться с ним, пришлось звонить в Лугу его родителям. У лучшего оперативника области телефона дома пока нет. Стоит на очереди. Хотя нужен по службе бывает в любое время суток — и крайне срочно.

К телефону подошла Сашина мама. Всполошилась, даже всплакнула:

— Да что он такого сделал, Санька-то? Он ведь у нас единственный...

Это хорошо, как вы увидите дальше, что Галина Александровна не очень себе представляет, «что такого сделал» ее единственный сын. Так-то спокойнее. Впрочем, и сын, официально именуемый младшим инспектором-кинологом уголовного розыска, примерно такого же о себе мнения. И на вопрос, за что же все-таки отмечен он такой высокой государственной наградой, отмалчивался и рассказывал нечто не очень вразумительное.

Куда толковее и конкретнее рассказал он о том, как пять лет подряд безуспешно сдавал экзамены в среднюю специальную школу милиции. По возрасту Саша мог бы стать уже офицером, ему тридцать пять. Но отсутствие образования не давало такой возможности. И вот пять лет подряд строгие экзаменаторы «резали» его... на грамматике. С правилами правописания у Саши дело обстоя-

ло действительно не лучшим образом. Еще в средней школе по этому тяжелому для него предмету он выше тройки не поднимался. Наверное, не очень педагогично вспоминать здесь об этом: ведь рассказ этот прочтет, очевидно, и юное поколение Гиблиянов: Володя, Лена и Маша. Но что поделаешь! Из песни слова не выкинешь. К тому же в эпоху гласности не утаишь и троек по грамматике.

Возможно, возвращаясь после очередного провала на экзаменах, молодой инспектор угрозыска утешал себя строчками Михаила Светлова из его знаменитой «Гренады»:

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей...

Грамматику боя, в данном случае — оперативной работы, Гиблиян знал прекрасно. Не раз оказывался под пулями бандитов, под занесенным над ним ножом, как бы высокопарно это ни звучало. Но даже это не освобождает человека от знания родного языка, пусть твое главное дело вершится не за письменным столом, а в ночных засадах с четвероногим другом — в лесах, болотах, на чужих задворках... В приемной комиссии сошлись два упорства: экзаменаторов и экзаменуемого. Второе упорство, похоже, окажется мощнее.

В этой связи вспоминается судьба Юрия Никулина. Нет, не то чтобы я сравнивал знаменитого артиста и куда менее знаменитого старшину милиции. Сопоставлять их судьбы можно благодаря тому, что Никулин сыграл сотрудника милиции Глазычева, инспектора-кинолога, в фильме «Ко мне, Мухтар!», и роль эта в полной мере совпадает с профессией Гиблияна. Речь о другом. Бывает, что «нет пророка в своем отечестве». Когда Никулин, демобилизовавшись из армии, захотел поступить на актерский факультет Института кинематографии, ему сказали: — Знаете, товарищ Никулин, в вас что-то есть, но для кино вы не годитесь. Это мнение всей комиссии. И снимать вас никогда не будут...

Вскоре будущему знаменитому артисту примерно то же сказали и в театральном институте.

В Саше тоже «что-то есть». И случилось так, что профессионалом он стал не после окончания милицейской школы, а еще до поступления в нее.

Но мы отвлеклись. Оперативная группа едет на место убийства.

Ясный солнечный день. Обычный многоквартирный жилой дом. На почтительном расстоянии — толпа любопытных. Под окнами первого этажа, на земле — распростертое тело человека. Рядом машина «скорой помощи», но врача почему-то не видно.

— Он из окна стреляет, — доложил участковый милиционер. — Даже врачу пригрозил, что убьет, не дает из машины выйти. Пьян, конечно...

Оперативная группа устремилась в обход дома, чтобы проникнуть в квартиру со стороны лестничной площадки. Возглавлял операцию старший оперативный работник угрозыска Анатолий Петров (ныне майор А. Н. Петров — начальник угрозыска Луги). А старшина Гибляян со своей собакой пошел вдоль окон первого этажа, стараясь угадать, за каким из них притаился преступник.

Это была грубая ошибка, а никакое не геройство. Но сказать Саше об этом было в тот момент некому. Врач из «скорой», приоткрыв дверцу микроавтобуса, что-то показывал ему рукой, но наш герой долго не мог разобрать, на какое именно окно указывает ему доктор. Саша медленно шел вдоль фасада дома, даже не пригибаясь. И вдруг, остановившись, понял, что стоит и озирается во круг как раз под тем открытым окном, из которого метил в людей убийца.

— Когда сообразил, даже ноги подкосились и холодным потом обдало, — рассказывал Александр. — Присел под окном и понимаю, что живой пока остался чудом. И что действовал глупейшим образом. Постепенно пришел в себя. Слышу, стук какой-то. Это мои товарищи стучали в дверь квартиры и уговаривали преступника сдаться.

Постепенно страх прошел, уступив место иному, привычному чувству — чувству долга. Гибляян осторожно сбоку заглянул в окно. Мешала тюлевая занавеска, но, к счастью, ее шевелил ветер. Удалось увидеть за нею тыльную сторону телевизора — он занимал центральную часть оконного проема. Рядом с окном диван. На край дивана присел человек. В руках двустволка. На полу ящик. Потом увидели — ящик с патронами.

Пустить в окно собаку? Она, конечно, обезвредила бы человека в одно мгновение, не дав ему времени на новый выстрел. Но мешал телевизор: слишком мало места оставалось между ним и боковой рамой окна. Пока пес будет пролезать в это узкое пространство, бандит пристрелит его. Вообще-то применение собаки приравнено к применению оружия. Собаку запрещено спускать на женщин и

детей, а на мужчин, преступников — только в случае побега или сопротивления. Сейчас был как раз тот самый случай, когда умный и опытный пес мог сослужить неоценимую службу. Но посылать его под пули, не принеся этим к тому же никакой пользы делу, бессмысленно.

Люди со стороны лестничной площадки начали ломать дверь. Человек в комнате встал. Поднял двустволку. Сейчас он начнет палить из обеих стволов по тонкой двери — и там, за дверью, кто-нибудь упадет, раненный, а то и погибнет. Этого допустить нельзя. И Александр ударил кулаком по наружному металлическому козырьку подоконника.

Пьяный резко обернулся на звук и увидел в окне ощеренную пасть огромной овчарки: Зельф, вскочив от того же звука на задние лапы, смотрел на человека в комнате, и взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

Избежать опасности с двух сторон нелегко. А когда твое сознание затуманено водкой — особенно. Времени на раздумье ему не дали. Дверь рухнула, и сотрудники угрозыска выбили у пьяного из рук ружье. Зельф тоже был уже в комнате и, хотя ничего особенного в этот раз не совершил, заслужил тем не менее похвалу хозяина. Это для Зельфа главное. Сам же его хозяин ничьей похвалы в тот день, разумеется, не заслужил. Но худшим наказанием для него стали слова преступника: «Пожалел я тебя, парень. Ты у меня долго на мушке маячил...»

А уж о том, что говорилось на разборе операции, уточнять не будем. Это внутреннее дело работников милиции. Скажу лишь о том, о чем, скорее всего, там не говорилось: опыт инспектора уголовного розыска не может сложиться только из лекций в средней и даже высшей школе милиции, из штудирования учебников и специальных пособий, из наставлений старших товарищей. Надо самому пройти через нечто непредвиденное, надо самому почувствовать холод на спине от собственной ошибки, надо не раз облиться холодным потом... Слово «надо» не следует в данном случае понимать буквально, как некое наставление молодым и неопытным. Но теорией тут не обойдешься. Нужна практика. И здесь инспектору кинологу помогает собака.

Зельф — наследник Султана. Того самого Султана, что стоит под стеклянным колпаком в одном из залов Музея истории Краснознаменной Ленинградской милиции. Того самого легендарного Султана, который стал прообразом Мухтара в известном фильме. Того самого леген-

дарного Султана, который помог задержать рекордное количество опасных преступников и в течение десяти лет службы в милиции вернул государству похищенных ценностей на сумму свыше 300 тысяч рублей. Султан — единственная собака в оперативно-розыскной службе Ленинграда, которая по специальному приказу не была ни списана в старости, ни усыплена, а дожила свою жизнь в заботе и уважении.

Зельф в наморднике идет рядом со своим хозяином — это если на коротком поводке или вовсе без него, на прогулке. Сейчас он от служебных обязанностей свободен. Он просто гуляет. Но для Зельфа не существует «просто» прогулки. Он никогда не теряет бдительности. И каждого, кто идет навстречу, каждого, кто проходит мимо хозяина, пес провожает внимательным, долгим взглядом. Мало ли что! Вдруг встречный поднимет руку или, скажем, сунет ее в карман — Зельф тут же превратится в тугую сжатую пружину... А если нападение — никакой намордник не помешает ему защитить хозяина от непредвиденной опасности. Он верный товарищ. Он не предаст.

У Александра было в жизни много разных собак. Еще в отрочестве дядя приучил его к охоте. А какая же охота без собаки? Потом служба в милиции. И здесь довелось поменять несколько служебных собак. Но Зельф — лучшая из них. Самая умная. Именно с ней нашел Гиблиян наиболее полное взаимопонимание.

«Этот День Победы порохом пропах; это праздник с сединою на висках...» У Гиблияна нет еще седины на висках. И праздник этот для него не личное выстраданное воспоминание, а священная историческая дата: он ведь родился через семь лет после Победы. Но в Дни Победы, в дни всенародного праздника, у работников службы охраны общественного порядка — время напряженное.

День Победы восемьдесят пятого года принес лужскому уголовному розыску тяжкую новость. Возле кладбища обнаружили труп женщины. Правда, нашли ее уже утром 10-го. Но преступление совершилось накануне, в день праздника. Тогда погибшей не заметили. Люди посещали могилы близких, немало было подвыпивших — кто с радости, кто с горя.

Утром сотрудники милиции приехали на место происшествия. Рядом с убитой веером валялись какие-то фотографии. Их подобрали для исследования. Разнообразие

вещественных доказательств, всевозможных предметов, найденных на месте преступления, невообразимо. Никогда не знаешь, что обнаружишь, что именно может пригодиться. Поэтому каждый предмет тут важен. Он способен заговорить в нужный момент.

Женщина, как рассказали знавшие ее соседи, в праздничные дни ходила на кладбище собирать пустые бутылки — маленький, но все же приработок. А на снимках ее не оказалось. Там были другие люди, поминавшие близких возле могил. По остаткам снега на земле — он был виден на фотографиях, — по веточкам вербы можно было предположить, что снимки сделаны в день вербного воскресенья, примерно месяц назад. Наметился путь розыска — найти по снимкам изображенных на них людей.

Луга, конечно, не Ленинград, поменьше. И все же искать ее жителей таким способом — дело необычайно трудоемкое. Гибляин занимался этим уже без Зельфа — тут собака помочь не могла. Помочь могли упорство, терпение, настойчивость. И через две недели он нашел жительницу города, запечатленную на одной из фотографий. Она рассказала, что какой-то человек в то воскресенье шел по кладбищу с фотоаппаратом. Компания у могилы выпивала, закусывала. Попросили фотографа запечатлеть их, угостили вином. Он обещал принести снимки сюда же, на кладбище, в День Победы. Очевидно, принес. Но почему-то они оказались на земле возле трупа.

Свидетельница рассказала, что знает фотографа, вернее, он оставил ей записку с адресом.

— Вот она, — сказала женщина и вытащила из сумочки помятый клочок бумаги.

По указанному на нем адресу жил убийца.

Ровно через год снова — День Победы. Вечером семья Гибляинов в полном составе решила пойти на площадь: там собралось много народу, слышалась музыка.

И вдруг стал накрапывать дождь.

— Схожу за зонтиком, — сказал отец семейства, — а то промокнете тут все!

И повернул обратно. Было это около девяти часов вечера.

Возле своего дома он увидел милицкий автомобиль.

— Где ты ходишь? — крикнул водитель. — Который раз приезжаю, все тебя нет. Давай быстрее, у нас ЧП.

Старшина милиции Гибляин наскоро переоделся и вско-

чил в машину. «Промокнут ребята!» — успел он подумать. Дождь стал сильнее.

— Что случилось? — спросил у водителя.

— Сейчас узнаешь. Возьмешь своего Зельфа — и поедем. Начальство из Ленинграда прибыло. Там такое дело, понимаешь...

А случилось вот что.

Путейцы, проходя вдоль транзитного военного состава, стоявшего на запасном пути, обратили внимание, что щеколда на дверях одного из товарных вагонов откинута, пломба сорвана, дверь приоткрыта. Заглянули внутрь. Ящики стоят, некоторые раскрыты, валяются какие-то металлические детали. Груз все-таки военный! Сейчас же сообщили в линейное отделение милиции, оттуда — в воинскую часть. Приехавшие специалисты обнаружили, что один ящик, в котором находились взрыватели, похищен, другие вскрыты.

Дело оказалось нешуточное. Да еще, как нарочно, в День Победы! Это совпадение — или не совпадение? — придавало происшествию особенно тревожный характер. Его тут же взяли на контроль в Москве. На таком уровне руководства операцией младший инспектор-кинолог Гибляня и его верный пес казались не слишком значительными действующими лицами. Но вперед всегда идут рядовые. И Саша, и Зельф — такие рядовые. Здесь, у раскрытого вагона, собака как раз могла пригодиться. Ведь взрыватели унесены людьми, и запах этих людей остался в воздухе невидимым следом, как коридор, по которому умный и чуткий пес найдет дорогу к виновным.

И Зельф нашел. Привел своего проводника и всю оперативную группу к тому месту в лесу, где в специально вырытой яме похитители взрывали украденные устройства. Повсюду вокруг валялись осколки стекла. Кусками толстого стекла, неведомо откуда взятого, злоумышленники прикрывали взрыватели, чтобы заглушить силу взрыва и не выдать себя чрезмерным грохотом. Но успели использовать далеко не весь запас украденных боеприпасов. Наверное, вернуться. Надо устроить засаду.

Саша лежал в траве рядом со своим псом. Тот напряженно прислушивался, поводил ушами. Если пробежит мелкий лесной зверек, Зельф поймет, не поднимет тревоги, снова положит голову на передние лапы. Если первым почует человека, приподнимется, повернется в ту сторону, откуда долетит до него звук шагов или запах, навострит уши, тихонько зарычит. И хозяин будет знать, откуда приближается опасность.

Остальные члены оперативной группы между тем занимались своим делом, но пока безуспешно. Никаких данных о похитителях боеприпасов не поступало, кроме разве рассказа рабочих с ближнего карьера, которые видели группу ребят на мопедах и велосипедах.

На исходе второго дня, проведенного Александром в засаде, подкатил на велосипеде парень лет четырнадцати, не больше. Зельф напрягся. Старшина милиции вышел из кустов, а велосипедист от испуга чуть не свалился на землю.

Мальчишка запирался недолго. Сознался, что дружки послали его на разведку — проверить, нет ли в лесу милиции. Если все спокойно, вернуться и взорвут оставшийся запас украденных взрывателей. Незадачливый «разведчик» под конвоем внушительного эскорта взрослых и серьезных товарищей в форме Советской Армии и советской милиции привел их в поселок Толмачево. Здесь и проживали похитители. Более двух суток заставили они поволноваться ответственных работников различных служб и ведомств, прежде чем были обнаружены, прежде чем из сараев возле их домов удалось извлечь изрядное количество старого, ржавого, но еще опасного оружия и других отнюдь не подходящих «игрушек». Похитителям было от одиннадцати до семнадцати лет, все они оказались несовершеннолетними и наказание получили условное. Тяжелее пришлось родителям — значительные денежные штрафы помогли им всерьез заняться воспитанием своих чад.

Ночь стояла тихая и безлунная. В дальней воинской части все было спокойно. Часовой на сторожевой вышке поглядывал в темноту, не ожидая, конечно, ничего дурного. Сколько таких дежурств осталось у него позади?! Отстоишь положенное время — и можно отправляться спать. Вот и сегодня скоро его сменят...

Он не услышал, как тихонько скрипнули ступени деревянной лестницы. И вдруг будто молния блеснула перед глазами — что-то острое вонзилось ему в спину.

У него хватило сил обернуться. Где он видел это лицо?.. Нападавший не дал времени опомниться. Еще два удара ножом! Только бы не упасть! Ведь рядом товарищи, помогут... И когда убийца схватился за приклад его автомата, нажал на спусковой крючок...

Выстрелы в ночи подняли тревогу. Не сумев вырвать из рук раненого солдата автомат, нападавший быстро

Александр Гибляян с Зельфом.

спустился по лестнице вниз, перемахнул через ограду и скрылся в темноте. Часового доставили в госпиталь. Где он видел это лицо? Где? Надо же вспомнить!

Солдаты части лениво прочесывали лес, понимая, что ничего не найдут, никого не увидят. Много ли ночью в лесу разглядишь! Возможно, командование не сразу обратилось в милицию, понадеявшись на собственные силы, а может, и не желая «выносить сор из избы» и опасаясь огласки чрезвычайного происшествия. Хорошо, хоть кто-то догадался прикрыть оставшийся у основания вышки след ботинка преступника пластикатовой пленкой. Понял, очевидно, что без розыскной собаки обойтись не удастся.

На поиски преступника послали старшину Гибляяна с Зельфом, придав им в помощь целую роту автоматчиков. Старшина пытался возражать против такой массивной охраны, но приказу пришлось подчиниться.

Зельф напряженно обнюхал след, оставленный преступником у сторожевой вышки, потом натянул поводок и ринулся в лес. И умный пес снова не подвел. Он привел своего хозяина, а с ним и всю группу к болоту, где по горло в зеленой жиже прятался преступник — видна была только его голова. Даже резкие болотные запахи гниющих трав не сбили Зельфа с невидимого людям маршрута.

Преступником оказался бывший военнослужащий этой же части. Отслужив свой срок, он уехал к себе в

Донецк. А дома, по его рассказу, позавидовал приятелям — у многих из них якобы имелось какое-нибудь старое оружие: пистолет, ружье, неведомыми путями добытые «стволы», хранимые, конечно, без всякого разрешения. Расположение своей части и распорядок дня в ней бывший военнотружаший помнил прекрасно. Вот и решил вернуться, чтобы обзавестись новеньким автоматом. Потому-то и показалось часовому знакомым его лицо!..

До сих пор наш рассказ был посвящен действующим лицам той драмы, которая разыгрывается время от времени между преступниками и сотрудниками правоохранительных органов. К положительным действующим лицам мне хотелось бы отнести и Зельфа. Он заслужил это.

Но есть вокруг нас и бездействующие лица. Гиблиян не раз сталкивался с ними и понимает их потенциальную опасность, о которой, кстати сказать, говорил писатель Бруно Ясенский. Это именно с их молчаливого согласия, писал Ясенский, — с согласия равнодушных! — совершаются самые тяжкие преступления.

Александр в очередной раз отправился на «свободную охоту» — так называет он личный сыск, одиночное патрулирование по родному городу. Он шел в гражданской одежде, с независимым видом, ровной, не слишком медленной и не слишком быстрой походкой. Центром такого патрулирования обычно становился рынок. Здесь всегда особенно много народу. Здесь удобное место встреч для тех, кто занимается неблагоприятным промыслом.

Саша увидел, как группа хулиганов окружила пожилого человека и один из них, наиболее рослый, что-то у старика требовал. До Гиблияна донеслась фраза: «Не дашь по-хорошему — прирежу!» Верзила и вправду вытащил откуда-то длинный кухонный нож. Увидев нож, женщина в толпе истерически закричала: «Убивают!..» А у Гиблияна мелькнула в голове странная мысль: как мог такой длинный нож уместиться в пиджаке верзилы? Где он его носил?

Александр бросился на помощь. Он схватил рослого хулигана за руку, в которой все еще поблескивал нож, и повалил его на землю.

Окружившие старика парни тут же рассеялись в толпе. И старшина остался с верзилой один на один. Оба лежали на земле. Гиблиян заломил противнику руки, но тот сопротивлялся изо всех своих недюжинных сил. Нож лежал неподалеку на земле, но Саша не мог до него дотя-

нуться — надо было держать разъяренного парня, пока за нож снова не схватился он сам.

А вокруг стояла толпа зевак. Она все увеличивалась, сдвигалась. Но ни один из тех, кто стоял рядом, ни один из мужчин, а среди них были и люди физически сильные, не сделал и шагу, чтобы хотя бы ногой, ничем при этом не рискуя, откинуть злополучный нож и предотвратить несчастье. Толпа с тупым любопытством наблюдала за тем, как щуплый на вид парень пытался скрутить значительно превосходящего его в силе и весе хулигана. Интересно же! А ну, кто кого? Кто кого первый пырнет ножом? Тогда можно будет и милицию позвать. Пусть работает, ей за это деньги платят!.. Молодые, здоровые, упитанные мужчины стояли и смотрели, и ни один из них не пришел на помощь. Зачем? Лучше пусть другого убьют, чем, не дай бог, немножко поцарапают меня...

Гиблияна спас чистейший случай. Мимо проезжала машина с курсантами-практикантами милицейской школы. Они высыпали из машины и помогли, конечно, доставить хулигана в отделение милиции. Впрочем, верзилу пришлось вскоре отпустить, слегка пожурив и оштрафовав. Не оказалось пострадавшего! Он тоже сбежал! А без пострадавшего нет и виновного...

Равнодушные... Недавно в «Ленинградской правде» появился очерк о том, как пассажир в переполненном автобусе один на один задерживал хулигана и карманного вора, а многочисленные мужчины делали вид, что не видят этого. Среди них оказался и военный с погонами капитана. Он стоял отвернувшись. И это в подобных происшествиях поражает больше всего — трусость и равнодушные.

Сейчас многие граждане бурно встают на защиту памятников истории и культуры. Это, конечно, благородный порыв. Охранять памятники культуры необходимо. Но не начать ли нам с охраны человека? Он-то прежде всего в ней нуждается! И право, странно, если мы переложим эти заботы целиком на плечи тех, кто «за это деньги получает». Тогда и старые стены пусть охраняют только архитекторы и строители! Разве не так? Или охранять старые здания безопаснее для собственного здоровья?

В жизни Александра Гиблияна было много дней победы. Я сознательно пишу здесь эти высокие для каждого из нас слова с маленькой буквы. Речь идет о других победах — «мирных», повседневных. Такие дни у сотрудни-

ка уголовного розыска случаются часто, а в идеале ими должны венчаться все преступления — от больших до малых. Только таким победам невозможно научиться, их нельзя программировать, немислимо предугадать те невероятные ситуации, какие воспроизведет в трудный день и час сама жизнь. Так что в уголовном розыске, как и в других службах органов внутренних дел, учиться приходится, как говорят художники, «на натуре», день за днем, год за годом.

За что же получил младший инспектор-кинолог свой высокий орден?

В правительственном Указе говорится не только о его заслугах в течение последних лет, но и о конкретных задержаниях особо опасных преступников, произведенных в одиночку, даже без Зельфа, по приметам, по интуиции.

Он, Александр, стоял в вокзальном буфете, нехотя пил кефир, жевал холодные крутые яйца и поглядывал на обросшего многодневной щетиной гражданина, который тоже пил кефир и глотал яйца. А несколько дней назад изнасиловал девочку. И младший инспектор знал, что сейчас, при выходе из буфета, ему предстоит в одиночку задержать выродка, которого ищет вся районная милиция. И совершенно неизвестно, что спрятано у небритого в кармане или рукаве.

Операция прошла успешно.

Он, Александр, входил на остановке в салон междугородного автобуса, вглядывался в лица пассажиров и узнавал того, кто недавно убил человека и теперь рассчитывал уехать в Ленинград и там скрыться в гуще пяти-миллионного города. Стоянка автобуса в Луге недолгая. Размяться на улице выходят не все: некоторые пассажиры остаются дремать в своих удобных креслах. Их нельзя подвергать опасности в момент задержания убийцы — ведь неизвестно, что спрятано у него в кармане или рукаве.

Операция прошла успешно.

Наверное, вы сейчас не без досады подумали: сказано слишком лаконично. Не вполне ясно, как действовал молодой оперативник, как ему в одиночку удалось задержать матерого преступника, как реагировали на неожиданное происшествие пассажиры автобуса, оказал ли преступник сопротивление или покорился неизбежной судьбе?.. Но ведь предложенная вам глава — не детективный роман, а рассказ о реальном человеке, молодом сотруднике милиции, о его характере, мужестве, чувстве долга и ответственности за порученное ему дело.

А подробности — погони, преследования, технику захвата, биографию преступника, крах всех его расчетов — оставляю романистам и сценаристам, которые нередко радуют нас вечно живым жанром детектива.

...Может быть, и сейчас Александр Гибляин — в очередной засаде со своим Зельфом. В ночном лесу настороженная тишина. Но она полна звуков, ведомых человеку и собаке. Только собака распознает их раньше и точнее. В отличие от своего хозяина, Зельф уже прошел полный курс обучения в высшей школе — она находится в городе Нальчике. Их всего две в нашей стране, такие высшие собачьи школы, где способные псы проходят нелегкую науку службы в милиции. Есть, конечно, и неспособные. Этим из милиции увольняют. И дают им работу полегче, менее ответственную.

В кадровых вопросах с собаками проще.

ДВЕ НЕДОСТАЮЩИЕ БУКВЫ

Неподалеку у дороги росли кусты. Трава от осенних холодов полегла, пожелтела, пожухла. Дождь моросил теперь почти каждый день, но временами теплело, возвращалось бабье лето, и из-под земли шли в рост грибы — таинственный дар увядающей к зиме природы.

Под кустом лежало тело мертвого человека. Оно лежало тут уже целую неделю, никем не замеченное, не потревоженное. Жилья поблизости нет, и люди здесь проходят редко и случайно. Идя или проезжая по дороге, не станешь же заглядывать под каждый куст!

А метрах в десяти от трупа, в придорожной канаве, валялись в мокрой траве обрывки бумаги. Они посерели и отяжелели от влаги, ветер больше не поднимал их с земли, не играл с ними, не относил в сторону. Ветер швырял сюда только дождевые брызги...

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда!..»

В этом восклицании Анна Ахматова подразумевала, очевидно, приземленность жизненной суеты, мелочные заботы каждого дня, невзгоды и обиды, поединок скромности и тщеславия, случайные ассоциации, многие безрадостные впечатления — одним словом, плоды «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Когда б вы знали, из какого сора прорастает, не зная стыда, истина — в той оборотной стороне жизни, что всегда затемнена, как обратная сторона Оуны! В мире преступности, в работе сотрудников уголовного розыска, чьи «партнеры» или «клиенты» — люди, как правило, изменные, бездуховные, опустившиеся, утратившие жизненные ориентиры, тот «сор» человеческого общества, из которого прорастает зло. Его необходимо разгрести.

Он, этот сор, возник вместе с самим человечеством. Люди осмелились лишать друг друга жизни давно, на заре своей истории: желая захватить соседнюю страну, из

мести, по злобе, в порыве необузданных страстей. А более поздние времена принесли и безмотивные преступления, в их числе и безмотивные убийства. Ради мелкой корысти, абсолютно несопоставимой с ценой человеческой жизни. Из садистских наклонностей. Наконец, просто так — ну, не понравился человек, неприятный какой-то, раздражает. Значит, не должен он жить.

Но совсем дикими, наверное, покажутся вам убийства... по заказу. Не в горячности пьяной ссоры, не в драке, не в аффекте, не в душевном затмении. На холодную голову. По тщательно разработанному плану. И не ради наживы — напротив, за солидный гонорар. А как иначе избавиться от неприятного тебе человека? Самое простое — нанять убийцу. И чтобы сумма была соразмерна выполняемой работе, в разумных, разумеется, пределах. На все же есть цена!

Ничто не ново под луной. В замечательной пьесе «Визит старой дамы» выдающийся современный швейцарский драматург Фридрих Дюрренматт поведал полуфантастическую притчу: некая миллиардерша приезжает в маленький городок своей юности где-то в центре Европы, чтобы совершить личное возмездие — наказать человека, когда-то, давно, сгубившего ее молодость. Она предлагает миллиард за то, чтобы горожане убили его.

Поначалу обыватели возмущены. Они высокопарно разглагольствуют о цивилизации, гуманности, законности, о высоких идеалах, несовместимых с убийством, да еще ради корысти. Но высокопарность — верный признак фальши и лжи. И очень скоро у жителей появляются другие «идеалы» — весь городок становится коллективным убийцей ради обещанного миллиарда.

Конечно, это — притча. Да и что тут говорить, миллиард — гонорар впечатляющий. Нынче таких денег ни у кого нет и таких гонораров не платят даже за убийство. За такие деньги можно создать бомбу, которая уничтожит население целого государства. Подешевело. Но и сегодня в реальной жизни можно, оказывается, найти исполнителя, который по поручению малознакомого нанимателя пойдет и убьет. Договорившись поточнее, кого и за сколько. Поторговавшись.

Психология обывателя — равнодушие, продажность, оплаченная вседозволенность — просыпается с равной силой в самых разных людях: и в работнице общепита, и в кандидате физико-математических наук. Заведующая столовой, один из персонажей описываемых событий, никаких особых дисциплин не изучала: ни иностранных

языков, ни истории культуры или науки, не знакома с духовным прогрессом человечества. Знает, как нарезать капусту или мясо, как и на чем жарить или тушить. И сколько на этом выгадать. Отдельно взятый едок не похудеет, если у нее появятся «Жигули» или, там, кооперативная квартира. Едок об этом ничего не узнает. Будет себе хлебать гнущей, скверно вымытой алюминиевой ложкой пустые щи с капустой и уйдет сытый и более или менее довольный. А другой персонаж и участница событий сдавала экзамены в вузе, слыхала про Ляпунова и Циолковского, Эйнштейна и Бора, Пушкина и Толстого «сдавала», даже толстые журналы выписывала. Но у обеих этих женщин оказался одинаковый уровень обывательской психологии — все можно купить.

Другие женщины как избавляются от неугодных им мужей?хлопотно, длинно, уходят, имущество делят, иногда и детей. Вся эта возня — непродуктивная трата времени и сил. Удавка на шею или хороший удар по голове гораздо проще. Быстрее. А главное, кардинально решает проблему. Наутро можно проснуться свободной.

...Время на эти горькие размышления о нравах есть у нас с вами, у людей самых разных профессий, только не у сотрудников уголовного розыска. Перед нами проблемы нравственные. У милиции, кроме нравственных проблем, на руках порой оказывается труп. И его тайна. И дело этой профессии, таланта, интуиции, мастерства и энтузиазма — раскрыть такую тайну по невидимым обычному человеку следам.

Сотрудник уголовного розыска обнаруживает ничего не значащие для нас предметы, сопоставляет совершенно не родственные, на наш взгляд, факты, за кратчайший срок опрашивает такое количество людей, с каким нам и познакомиться-то года не хватит. И намечается во мраке неведения дорога к истине, и это нам представляется чудом. В большинстве случаев эта дорога прокладывается. «Карта» таких дорог называется будничным словом «раскрываемость». У нее имеется свое процентное соотношение. Чудо в процентах. Рассеянный мрак — на обыкновенной машинописной странице, да и на бумаге не ахти какой. Победа над злом — в закрытом для широкой публики отчете. А потом сотворенное чудо передают в суд в виде скоросшивателя или обыкновенной папки, перевязанной тесемочками. И все это можно обозначить двумя словами: «преступление раскрыто».

Хочется убедить вас, читатель, что не обязательно опускаться до уровня пустого любопытства: кого убили?

Кто? Как? Чем?.. Человек убил человека. Ничего более страшного, удручающего, безнадежного сообщить вам я не могу. Это еще случается. Куда важнее узнать, кто, преодолев стену всеобщего равнодушия, пробивается трудной дорогой во тьме неведомого, где не только сор, но опасности, ложь, изворотливость, хитрость, изощренное умение долго оставаться в тени. Важно понять, как делается эта необычная, тяжелая, опасная и на первый взгляд безнадежная работа, — раскрытие преступления.

Рабочий знает, что и из чего нужно делать. Тракторист знает, чем и как надо вспахивать землю, он сразу видит результаты своего труда. Актер знает, как создать образ своего сценического героя. Ученый по меньшей мере предполагает, каким путем пойдет он к поставленной цели. Здесь, в уголовном розыске, его специалисты и мастера поначалу не знают ничего, кроме факта, самого факта преступления. Есть труп. Неизвестного лица. Может быть, уже неузнаваемый. А дорогу к убийце надо как бы проложить и вымостить из ничего, найти нужное направление поначалу без всяких ориентиров, нужно думать, гадать, сопоставлять, искать аналогии, разбираться в человеческой психологии, знать ее типовые изъяны и слабые места. Ни во что и никому не верить на слово. А это трудно — не верить. Человеку свойственно желание поверить, понять, сострадать. В темном, перевернутом мире преступности многое приходится ставить с головы на ноги.

У людей, занятых раскрытием самых тяжких преступлений в Ленинградской области, меняются лица, когда они рассказывают о пережитом, о раскрытых преступлениях, об уличенных убийцах. Они говорят так, как можно говорить только о главном деле своей жизни. Так музыкант может рассказывать о любимом композиторе, художник — о своем замысле, ученый — о новом открытии. Сотрудники уголовного розыска, так же как и они, знают, что такое вдохновение, профессиональная, творческая победа, радость завершения уникальной, единственной в своем роде работы. Так живут и действуют в этом отделе все — от его начальника, подполковника Юрия Ивановича Соболева, до шофера милицейского «уазика» сержанта Володи Пищенко. Те, кто пробует здесь жить и работать иначе, уходят.

Я расскажу вам о двух тяжких преступлениях, для раскрытия которых сошлись в общих усилиях люди этого отдела. Успех раскрытия был заложен в характере этих людей, их отношении к своему делу, в их таланте.

Александр Валентинович Холявко, подполковник милиции, заместитель начальника отдела угрозыска по Ленинградской области, как и все эти люди, рассказывает о себе скучным голосом, неохотно, сдержанно. Он оживляется, когда говорит о самой работе. Но одна деталь его биографии сообщает больше, чем самые красноречивые рассказы. Старший сын Александра Валентиновича, Леонид Холявко, успешно окончив Ленинградский институт авиационного приборостроения, получив в руки «золотую» специальность и преуспевая в ней, мечтает, вопреки воле отца, пойти работать... в милицию. Что тут можно добавить? Профессиональные династии — на производстве или в искусстве — возникают тогда, когда глава семьи восхищает, заражает, заполняет воображение детей своим делом, преданностью ему. Холодный ремесленник никого не способен вдохновить и повести за собой. Только мастер.

А на столе у Александра Валентиновича все время перед глазами вырезка из милицейской газеты, фотоснимок убитой девушки. Ее убийцу надо найти.

Юрий Георгиевич Михайлов, майор милиции, старший оперуполномоченный отдела, пришел сюда, как и многие его коллеги, из армии. Милиция — в каком-то смысле ее продолжение. Он резко судит о вещах, категоричен во мнении, но в этой категоричности ощущаются знание, опыт, зрелость мышления. За двадцать лет работы в уголовном розыске он стал профессионалом высокого класса. Хотя сам Михайлов слово «профессионализм» произносит немного иронично, имея в виду недостаточную объемность этого понятия. Ведь всякое расследование — дело прежде всего неожиданное, новое, творческое, импровизационное. Кроме профессиональных навыков требуются характер, упорство и каждый раз — новые, неожиданные приемы, новое их применение. Ученических навыков здесь недостаточно, они не помогут в решающую минуту. Потому-то профессионалами здесь становятся через много лет после окончания специальных школ. Каждое следующее дело окажется в своем роде первым, неожиданным и потребует своего, оригинального подхода.

Старший оперуполномоченный капитан милиции Сергей Трофимович Панченков был самым молодым участником расследования. Его судьба в милиции началась неожиданно и довольно сурово.

В первый же день службы участковый милиционер, обходя дворы своего района, обнаружил возле свалки

труп человека. Надо было вызвать сотрудников уголовного розыска и охранять труп и место преступления до их приезда. Сыпал осенний унылый дождь. Молодой милиционер, впервые надев в этот день форму и еще чувствуя себя в ней непривычно, стоял возле мертвого тела. Задача вроде бы простая — ждать. Но какой непростой оказалась она для новичка! Он обнаружил, что, может быть, самое трудное в его положении — просто ждать. Статика становилась бурным, напряженным действием. А дождь все шел. Милиционер поживался, новенькая форма намокала, тяжелела и прилипала к телу. Минуты казались часами. И только когда примчалась милицейская машина, когда он увидел озабоченные лица членов оперативно-следственной группы, своих будущих товарищей, он почувствовал, что стал участником общего важного дела, понял ответственность новой службы.

Это уже потом была средняя школа милиции, работа участковым инспектором, оперуполномоченным угрозыска, работа в небольшом коллективе сотрудников, который официально именуется так — группа по раскрытию преступлений против личности, жизни и здоровья граждан. (Сейчас Панченков — заместитель начальника 29-го отделения милиции.)

Виктор Федорович Иванов мечтал стать музыкантом, а стал начальником следственной части прокуратуры Ленинградской области. Дистанция огромного размера. Следственная работа не похожа на музицирование. Но и она тоже — стремление к гармонии, к соразмерности улик и доказательств. Ее задача — выявить внутреннюю логику преступника, пусть извращенную логику, но все же некую последовательность действий. Виктор Федорович также участник событий, о которых сейчас пойдет речь.

Когда думаешь о двух этих делах, двух тяжких преступлениях сравнительно недавнего времени, на ум приходит старая истина: случайность — суть проявления закономерности. Множество фактов и обстоятельств в процессе расследования оказались найденными и понятными с л у ч а й н о. Но случай приходит на помощь людям способным, умеющим его заметить, воспользоваться им. Кто-то из великих писателей сказал, что каждый из нас ежедневно проходит мимо счастливых случайностей, даже не замечая их. Сотрудники уголовного розыска и следственных органов не имеют права на такую «рассеянность» — она обернулась бы браком в работе. Одна из черт их искусства — не только замечать все то, что дру-

гой не заметил бы, но и дать обнаруженным бумажке, окурку, спичке, обрывку веревки, прилипшему к камню волоску, старой замазанной тряпке правильную оценку. Увязать одно с другим, составить картину из разрозненных фрагментов. Но и это не все. К наблюдательности прибавляются знание человеческой природы, логическое мышление.

Есть в юридической науке классический вопрос, альфа и омега следствия: кому это выгодно? Кажется бы, куда проще: найди, кому преступление выгодно,— и вопрос решен. Но не так это просто бывает — понять, кому это выгодно. Преступник часто ведет себя так, будто случившееся ему-то в первую очередь и невыгодно. Надо такую уловку разоблачить. А дальше? А дальше, разоблачив хитрость преступника или его соучастника, нужно сделать нечто еще более трудное. Необходимо доказать правоту следствия, правоту своей догадки. Сегодня, когда мы стремимся к справедливости в социальной и общественной жизни, суды с особой настойчивостью требуют от следственных работников и сотрудников уголовного розыска бесспорных доказательств вины подсудимого. Повышены требования к объему этих доказательств, их достоверности. В этом деле тоже не обходится без перекосов. Требовательность, доведенная до придирчивости, может иной раз помочь преступнику избежать наказания.

Если суд не принял во внимание доказательства, собранные следственными работниками, преступник уйдет безнаказанным. И между ним и представителем Закона может состояться такой, например, диалог.

— Извините, что побеспокоили,— вынужден сказать следователь.— Идите на все четыре стороны, хотя я знаю, что преступление совершили вы.

— Верно, начальник. Допустим, что я. Но доказать вам ничего не удалось. Судьи теперь крепко защищают нас от напраслины. Так что, в силу закона, чао...

Такие случаи редки. Но бывают. И оставляют в душе человека, честно поработавшего, сумевшего «вычислить» преступника, горький осадок.

Супружеская пара кандидатов наук жила плохо. Это бывает. Первоначальные отношения изживают себя, и вопрос оказывается в том, в какой мере каждый из супругов готов приспособиться к новой ситуации. Эти не смогли приспособиться. И тогда жена, умудренная законами физики и математики, но не отягощенная знанием

законов нравственности и морали, решила покончить с надоевшим мужем наиболее эффективным способом.

Она нашла человека, который согласился на сделку за горстку драгоценностей, обещанных и даже показанных ему. Интересно заметить, что драгоценности принадлежали матери намеченной жертвы, так что предприимчивая нанимательница, владея законами физики и математики, быстро поняла, что сама-то она в материальном, математическом исчислении вообще ничего не теряет. Вычитать не придется ничего. Вычитать из бюджета. А прибавлять — тут прибыль грезилась крупная. Прежде всего, полная личная свобода, ее ценность не исчислишь никакими цифровыми показателями.

Все было продумано расчетливо и математически точно.

Жена сказала мужу, что достала наконец-то ему колеса для автомобиля, которые он давно искал. И владелец колес придет для переговоров в определенный день и час.

Поначалу муж обрадовался. Но, узнав, что надо ехать за этими колесами на какую-то дачу, да еще морозным зимним вечером, заколебался. Ехать по темной скользкой дороге очень не хотелось.

Жена возмутилась:

— Колеса ему достали, человека нашли, сегодня знакомиться придет, осталось только съездить за ними, а ты не в состоянии довести дело до конца! Ну что, мне тебя за ручку взять и с тобой вместе поехать? Пожалуйста, поеду, если ты такой растяпа!

Ехать в машине с человеком, обреченным на смерть, и его убийцей и самой присутствовать при «акции» — это в планы женщины не входило. Ей хотелось для видимости остаться в стороне и в убийстве непосредственно не участвовать. Но выхода не было, муж колебался, и дело могло сорваться. Поэтому, после того как убийца пришел к ним домой, после знакомства и обмена дружескими рукопожатиями, в машину сели втроем. Муж — за руль. Жена — рядом с ним. Убийца — сзади.

Ехали долго, далеко. Вот и городская черта позади. Шел густой снег. Свет фар выхватывал из темноты одни лишь снежные хлопья. Пассажир, сидя сзади, четко говорил, когда и куда поворачивать. А план был таков: убить хозяина машины и бросить его труп в полынью на озере, к которому они приближались. Тело найдут, конечно, только весной. Оно будет уже неузнаваемым. Да потом мало ли — утонул человек на зимней рыбалке. И никако-

го преступления. Был бы зафиксирован несчастный случай.

Так оно вполне и могло произойти...

Когда подъехали к озеру, «пассажир» накинуд на шею водителю удавку. И довольно быстро и успешно его задушил. Рядом неподвижно сидела жена. Потом она расскажет следователю, что именно эти минуты были ей крайне неприятны. Для надежности убийства в сердце жертвы воткнули заранее заготовленную спицу. Дело было сделано. Теперь по безупречно разработанному плану оставалось подъехать к озеру и бросить тело в воду.

Но тут вступил в силу тот самый «закон случайности», о котором мы говорили. Предусмотреть все, оказывается, невозможно даже кандидату таких точных наук, как физика и математика. В глубоком снегу машина забуксовала. Как ни старались убийцы выволить ее из снежного плена, ничего не получалось. Выйти на близкую проезжую дорогу и позвать на помощь — рискованно, если в машине находится труп. Тут уж надо поворачиваться самим. А самим вытащить машину не удалось. Пришлось оставить ее вместе с убитым и своим ходом добираться домой, где одного из убийц ждали заветные драгоценности, а другого — заветная свобода.

Жена, разумеется, заявила в милицию о пропаже мужа. Его, разумеется, нашли. Возник все тот же вопрос: кому это выгодно? И пошла разматываться веревочка, у которой, как известно, всегда есть конец.

А этот случай произошел в Ломоносовском районе Ленинграда осенью. Местный житель шел за грибами и предвкушал найти в лесу белые, красные, лисички, волнушки...

Нашел он труп.

Какие уж тут грибы! Надо немедленно сообщить в милицию.

Прибывшие на место сотрудники уголовного розыска и прокуратуры нашли неподалеку от трупа странные предметы, отношение которых к мрачному происшествию в лесу было неясно. Четыре пластмассовых тюбика с губной помадой, но без маркировки. Другие мелкие предметы. А метрах в десяти от трупа кто-то из членов оперативно-следственной группы заметил мелкие обрывки бумаги, промокшие от дождей. Их оказалось около полусотни. Бумажки собрали тщательно, со всеми необходимыми предосторожностями, чтобы передать экспертам.

А труп после обычных необходимых процедур отправили в морг. Он остался неопознанным.

Так началось дело, которым предстояло заняться сотрудникам уголовного розыска Ленинградской области.

Как это часто бывает, первые толчки оперативной работе дают эксперты-криминалисты. На другой же день сообщили, что тюбики с помадой изготовлены в парфюмерном производственном объединении «Северное сияние». Впрочем, до поры до времени это сообщение не давало ничего.

Зато клочки бумаги! С ними пришлось повозиться подольше. И они заговорили, правда, поначалу косноязычно. На них читалось немного: «Будап...», «я», «кв. 173», «Светла...» Остальные полуистлевшие обрывки вообще выглядели слепыми, утратившими когда-то нанесенный на них текст. Но экспертам все-таки удалось сложить и прочесть разорванную кем-то и выброшенную записку:

«Ленинград, улица Будапештская... кв. 173. Светлана и Геннадий».

Обратили внимание на правописание? Малограмотный автор записки сделал две орфографические ошибки. Название улицы «Будапештская» он написал без буквы «т», а имя «Геннадий» — с одним «н». К беде неопытность ведет — сказано у Пушкина. Неграмотность — тоже.

Записка помогла для начала определить потерпевшего, что было крайне важно. Им оказался Геннадий Николаевич Сапожников. Судебно-медицинские эксперты тоже дали свое заключение, сообщив, что имела место не случайная смерть, а убийство: смерть наступила от удара тупым предметом по голове. В организме погибшего содержался алкоголь. Он либо сам выпил, либо его напоили.

Кому это выгодно? Пока трудно сказать.

Пьяная драка со смертельным исходом?

«Выяснение отношений» с людьми, сбывавшими ему для продажи краденую косметику?

Или погибший чем-то уж очень насолил своим родственникам? (Недавно законченное в отделе аналогичное дело по обвинению ученой женщины в убийстве мужа невольно наводило и на такое предположение.)

Отрабатывались все три версии. Каждая требовала уйму времени, сил, поисков «черной кошки в темной комнате».

Жена Сапожникова Светлана жила в Ленинграде именно на Будапештской улице, по адресу, обозначенному в записке. Ее мать — в одном из поселков Ленинградской области. Обе терпеливо — очень уж терпеливо — ожидали окончания следствия. Впрочем, они и не скрывали, что не испытывали к покойному теплых чувств. Сапожников запойно пил, уносил из дома и продавал вещи, иногда даже ему не принадлежащие. Теща не могла простить ему продажу дорогой ей хрустальной вазы. Скандалы достигли таких пределов, что Светлана, работница общепита, предложила мужу отступного — 5 тысяч рублей — за то, что он разведется с ней и выпишется из их кооперативной квартиры. Геннадий, поразмыслив, от денег и уговоров отказался. И все осталось по-прежнему.

Ученые исследовали многие таинственные явления природы не только на Земле, но и в космосе. Но вряд ли психологи, врачи, философы могут объяснить, по каким законам люди встречаются, знакомятся, сближаются, начинают испытывать друг к другу все более сильную симпатию, потом — любовь и становятся мужем и женой или возлюбленным — неважно, как это называется, важна суть. Ученые не знают и той, другой черты, переступив которую эти же люди сначала привыкают один к другому, потом постепенно охлаждаются. Не знают законов, по которым лавина отчуждения, все нарастая и усиливаясь, как селевой поток или снежный сход, приводит нередко к гибели живых человеческих чувств, их перерождению, а порой идет еще дальше — к физическому уничтожению одного из этих людей.

Нам тоже не удастся выстроить эту нравственную и эмоциональную цепочку событий, обстоятельств, ощущений, стремлений, где вначале — свадебный стол, а в конце — нанятый убийца.

Работники областного отдела Ленинградского уголовного розыска вряд ли размышляли на такие отвлеченные темы. Они работали. Они знакомились с окружением антигероев происшествия. Потенциальных свидетелей становилось все больше и больше. Одни из них жили в Ленинграде, как и Светлана Сапожникова, другие — в поселке, где проживала теща погибшего человека. Она трудилась на ниве торговли, заведовала столовой. И широко, беззастенчиво использовала, как принято выражаться, свое служебное положение.

Мир свидетелей — особый мир. Здесь правят свои законы, иногда непредсказуемые, непредугадываемые. Одни люди опасаются «попасть в свидетели» — «затаскают» по

следственным кабинетам. Другие боятся сообщить важную информацию, страшась мести со стороны преступника, если он избежит наказания или даже после его отбытия. Третьи постоянно проживают в той печально знаменитой хате, что всегда стоит с краю — с краю жизни, с краю общественных интересов и обязанностей, с краю нравственного и гражданского долга.

Но в этой истории нашелся свидетель крайне редкого типа — он дал оперативным работникам «информацию к размышлению».

И это тоже была «случайность». По соседству с тещей погибшего, рядом с ее крепким, богатым домом, жил другой человек, жил скромно, незаметно и тихо. Ни с кем отношений не поддерживал. Никто его не навещал. Но им владели две могучие страсти, подавить которые в себе люди бывают не в силах, да порой и не стремятся. Зачем? Жизнь без страстей скучна и бесцветна.

А страстями нашего героя оказались зависть и любопытство.

Целыми днями этот пожилой и не очень подвижный человек сидел у своего оконца и привычно наблюдал за тем, как к обнесенному крепким забором подворью соседки регулярно подъезжали автомашины — военные, гражданские, легковые, грузовые. Сосед не знал, зачем они подъезжали, что вносили какие-то люди в дом, что из него выносили. Не знал, что содержалось в мешках, бидонах, тюках. Но он педантично записывал на обоях номера и типы автомашин и фургонов. Получалась стройная колонка цифр, где некоторые номера повторялись регулярно. Это была занятная игра с неизвестной до времени целью, нечто вроде пасьянса перед сном.

И когда работники уголовного розыска, навещая всех соседей своей «подопечной», пришли и к этому человеку, колонка запечатленных им цифр оказалась для них бесценной. Повторяю, произошло это, конечно, случайно. Но не будь этой случайности, возникла бы другая.

Среди повторяющихся автомобильных номеров был один, записанный только единожды, — номер «уазика», которого прежде здесь не бывало. Получив этот номер, работники милиции вышли на человека, который действительно зачем-то приезжал к теще Сапожникова. Им оказался главный механик Петраков.

И вот состоялась встреча Петракова со следователем Ленинградской областной прокуратуры Ивановым и работниками Ленинградского уголовного розыска. Разговор шел вежливый, миролюбивый, спокойный. Спокоен был

и Петраков — ведь он просто свидетель! Про тещу Сапожникова рассказывал уверенно, сообщил, что действительно знает ее, был как-то в ее доме по какому-то незначительному делу, даже, кажется, чай пил. Сразу заметил, что водки, как профессиональный водитель, не употребляет, тут он, как говорится, чист.

— А не знакомы ли вы с ее дочерью и зятем, которые проживают в Ленинграде?

— Нет, их не знаю и никогда в глаза не видел. Они сюда и я в Ленинград приезжаем редко, и я к ним никогда не заходил. Зачем? Дел никаких с ними не имел.

— Ну вот и хорошо,— как бы заключил разговор следователь, складывая лежавшие перед ним бумаги в портфель и давая понять, что беседа подошла к концу.— Остался пустяк. Вот вам бумага и перо, напишите, пожалуйста, что Сапожниковых вы не знаете. Это чистая формальность...

— Да пожалуйста,— с облегчением сказал Петраков и приготовился писать.

Старший оперуполномоченный капитан милиции Панченков и следователь Иванов ощутили в эти минуты волнение, какое испытывает ученый в преддверии открытия,— таинственное интуитивное предчувствие.

— Напишите по форме, я вам продиктую,— спокойно сказал следователь.— Готовы? «Граждан Сапожниковых Светлану и Геннадия, проживающих в Ленинграде по улице Будапештской, номер дома не помню, в квартире номер сто семьдесят три (можно цифрами), я не знаю». И подпишитесь.

Петраков быстро написал под диктовку требуемый текст.

— Ну вот и все,— сказали ему.— Можете быть свободны. Если понадобится, мы вас пригласим.

— Надеюсь, что больше не понадобится,— улыбнулся Петраков и покинул помещение.

Следователь быстро прочел записку.

В имени Сапожникова не доставало одной буквы «н».

В названии улицы — буквы «т».

Записка тут же была отправлена на экспертизу, так уж положено, но и без экспертизы было очевидно, что записка, найденная возле трупа Сапожникова, написана этой же рукой.

Наступило начало конца.

Ведение допроса — искусство. И чем лучше владеет им оперативный работник уголовного розыска или следователь, тем больше шансов добиться истины, признания

подозреваемого, уличить преступника, получить доказательства его вины. Допрос Петракова был трудным. Убийца не станет признаваться в совершенном им преступлении, если не поймет, что игра проиграна, что у следствия имеются неопровержимые доказательства его вины. Можно, конечно, тупо отрицать все подряд. Но глупость такой системы самозащиты понимают многие преступники. Они знают: у современной юридической науки и практики есть много возможностей добыть объективные данные для уличения виновного. И суд их признает. Чего же зря запыраться?

И Петраков, поняв, что в ловушку, поставленную ему, он попался, что отвертеться ему не удастся, сознался в том, что после некоторых размышлений и материальных подсчетов принял предложение тещи Сапожникова убить ее зятя. Оно было сделано заведующей столовой просто, по-деловому, как будто речь шла о «левом» товаре или перепродаже украденных продуктов. Светлана тоже очень просила. А деньги ему требовались позарез.

Для осуществления «подряда» Петраков сговорился с приятелем, механиком Ломоносовского лесхоза Гелем. Тому тоже нужны были деньги. «Поиздержался в дороге», как говаривал Хлестаков: купил «Жигули», а долги отдавать нечем.

У обоих «исполнителей» были жены. У каждого — по двое детей. Хотелось многого. И отцы этих детей спокойно и деловито взяли страшный «подряд» и поехали убивать человека, которого еще накануне не знали в лицо. Цель оправдывала средство. О том, что их жены станут вдовами при живых мужьях, что их дети станут детьми убийцы, не думали. Сапожникова для проведения «акции» напоили, выпили и сами. И все начало казаться проще, элементарнее, будничнее.

В зале суда за барьером, на скамье подсудимых, под пристальным наблюдением милиционеров сидели двое молодых мужчин — Петраков и Гель. Сидела здесь и теща Сапожникова, главный вдохновитель и организатор убийства. Светлана Сапожникова оказалась всего лишь свидетельницей: суд решил принять во внимание, что у нее маленький ребенок. Бывают и такие свидетели, которым скамья подсудимых подошла бы значительно больше.

В глазах подсудимых не было ни раскаяния, ни страха — одна только злоба. В какой-то момент теща Сапож-

никова наклонилась к Петракову и покровительственно похлопала его по плечу. В ее взгляде читалось: «Ничего, не дрейфь, выкрутимся, всех купим!..»

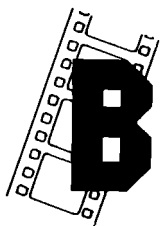
Ей, наверное, казалось, что и здесь, в народном советском суде, все можно купить, как привыкла она жить, думать и поступать в подсобке своей столовой...

Книги издаются медленно и до окончательного выхода к читателю в полном объеме нередко публикуются отдельными главами или отрывками. Эта, только что прочитанная вами, глава была предварительно опубликована в газете «Вечерний Ленинград».

Неожиданным ответом на публикацию стал телефонный звонок. Незнакомая женщина, «читательница газеты» — так она представилась, — на повышенных тонах начала объяснять, что бывают такие семейные ситуации, когда никто, даже милиция, помочь не хочет и не может. Тогда самой приходится находить решение конфликта. И наиболее действенный из всех способов, как утверждала незнакомая собеседница, — убийство. Она требовала моральной поддержки, эта «читательница газеты». Ей очень хотелось, чтобы ее позиция была непременно кем-то одобрена, чтобы с ней согласились, что люди подчас не могут договориться друг с другом, найти путь к согласию, уступить, разойтись в разные стороны, наконец. Она хотела уничтожения, только уничтожения, полного и необратимого.

Она хотела убийства. И, не получив одобрения, раздраженно швырнула трубку.

О ТАЙНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ И ЗАГАДКАХ СТАРИННЫХ РИСУНКОВ

В дальнем углу большого зала префектуры парижской полиции сидел скромный молодой служащий, помощник письмоводителя Альфонс Бертильон. Целыми днями заносил он в специальные карточки данные, получаемые полицейскими при арестах и допросах подозреваемых. Не надо было ни думать, ни что-либо разгадывать — просто переписывать случайные, бессистемные сведения из протокола на карточку. Именно такая работа входила в обязанности помощника письмоводителя.

А на дворе цвела весна 1879 года. Париж оживал от зимних непогод. И молодые сотрудники префектуры становились все менее прилежными, все меньше хотелось думать о преступлениях и их раскрытии.

Однажды молодой помощник письмоводителя с тоской задумался о бессмысленности своей чисто механической работы. В одном случае на карточку заносилось имя преступника, нередко — вымышленное. В другом — какие-то даты, географические названия, подробные описания мест происшествий. Но ни одно из подобных сведений не увязывалось с конкретным человеком — фиксируемая информация могла быть приложена к самым разным подозреваемым, не уличая ни одного из них.

Бертильон хорошо знал работы своего отца, антрополога и анатома. Знал достижения современного ему естествознания, восхищался Дарвином и Пастером. Познакомился с поразительными открытиями Гей-Люссака и Берцелиуса в области химии. Увлекался физиологией и биологией. И вот однажды его осенила идея столь плодотворная, что она привела к перевороту в мировой криминалистике, а самого Бертильона возвела на

вершины славы и вписала его имя в анналы истории.

Почему надо цепляться за старые, несовершенные методы описания случайных примет преступника, думал Бертильон, когда естествознание уже обнаружило то единственное, глубоко индивидуальное, что отличает одного человека от другого, — размеры частей тела, черты лица?! Захваченный этой идеей, молодой человек решил немедленно проверить ее на практике.

Намерение Бертильона сравнивать фотографии заключенных вызвало насмешки писарей и сотрудников префектуры парижской полиции. Но письмоводитель все же старательно сличал на снимках формы ушей и носа. Еще более громким хохотом встретили коллеги просьбу молодого человека разрешить ему обмерять заключенных, подлежащих регистрации. Но насмешки только подстегивали его. В течение нескольких недель он обмерил сотни заключенных, фиксируя их рост, окружность и длину головы, длину рук, пальцев, ступней.

Ум талантливого ученого владеет мощью анализа и обобщения. И вот оказалось, что размеры одного или двух частей тела у разных людей могут совпасть. Но крайне редко могут совпасть размеры четырех, пяти частей тела. А если фиксировать не четыре, не пять, а десятки таких признаков? Получится совершенно индивидуальный «цифровой портрет» конкретного человека! И его можно будет опознать в любое время, через много лет, независимо от того, что он постареет, скроет свое имя, отрастит усы или сбреет бороду, изменит прическу, перекрасит волосы, полысеет. Формула Бертильона все равно уличит его!

В довершение своего сенсационного открытия Бертильон предложил дополнять карточки с данными измерений хорошими фотографиями, снятыми в фас и профиль. Так около ста лет назад началась новая эра в истории криминалистики: наука и практика разоблачения преступников получили надежный метод, служащий мировой криминалистике и по сей день.

Но вот чего никак не мог предвидеть Альфонс Бертильон — что его открытие послужит в будущем не только раскрытию преступлений, но и расшифровке некоторых загадок старых портретов, музейных экспонатов, памятников культуры!

Однажды со мной произошел удивительный и счастливый случай. Он-то и привел меня впервые в эк-

спертно-криминалистический отдел ГУВД Ленинграда.

Писал я тогда документальную повесть о замечательной русской актрисе пушкинского времени Варваре Николаевне Асенковой. Книга была почти окончена, а хорошего портрета моей героини отыскать не удалось. Необходимость же поместить в книге ее портрет определялась самой биографией Асенковой.

Многие современники писали о ее необыкновенной красоте, очаровании, прелести. То было очарование юности — Асенкова умерла в двадцать четыре года, оставив нам в наследство романтическую легенду. При ее жизни газеты и журналы называли ее «несравненной», «божественной», «ангелом», «метеором русской сцены». А современники, находясь во власти ее очарования, посвящали ей стихи и восторженные воспоминания.

Особенно же стремились преуспеть в изъявлении своих восторгов молодые офицеры. Их восторг становился все более требовательным, но не получал отклика. Тогда они теряли голову. Один из них в любовной ярости бросил в карету, в которую садилась Асенкова, зажженную шутиху (нечто вроде современной пластиковой бомбы). К счастью, взрыв никому не причинил вреда.

Асенкова вызывала и серьезные, глубокие чувства. Безутешно рыдал в 1841 году над ее свежей могилой молодой поэт Перепельский — он любил ее и мечтал писать пьесы, чтобы его любимица в них блистала. Но не успел сделать этого. Прожив, в отличие от Асенковой, долгую жизнь, поэт стал классиком русской литературы Николаем Алексеевичем Некрасовым (Перепельский — его юношеский псевдоним). И через всю жизнь пронес он живое воспоминание о юной актрисе и очаровательной девушке, метеором мелькнувшей на театральном небосклоне пушкинской эпохи.

Но, работая над своей повестью, я не смог обнаружить ни единого портрета, где сквозило бы очарование Асенковой, ни единого рисунка, способного подтвердить сложившуюся легенду. И вот однажды, работая в запасниках Русского музея, я обнаружил акварельный портрет молодой женщины художника Владимира Гау. Зная, что Гау рисовал Асенкову в ролях, можно было предположить, что у него была возможность изобразить ее и в жизни. Портрет очаровательной молодой женщины действительно отдаленно напоминал черты Асенковой. Только вот беда — художник не подписал рисунка, не назвал имени своей героини. Что было делать? Загадка портрета увлекла меня.

Эксперт-криминалист
Ольга Николаевна
Володимерова
идентифицирует портрет
Варвары Асенковой.

Я знал, что эксперты-криминалисты владеют методом идентификации изображений человеческих лиц. В то время я еще не слышал имени Бертильона, но именно его открытие заложило фундамент таких исследований. Сегодня специалист может определить, изображены ли на двух фотографиях или рисунках разные люди или один и тот же человек. Почему бы не попытаться воспользоваться этим методом для идентификации рисунков, выполненных полтора столетия назад? Сделав фотокопии с наиболее известных рисованных портретов Асенковой и «портрета молодой женщины», как гласит подпись художника под заинтриговавшей меня акварелью, я отправился в экспертно-криминалистический отдел ГУВД Леноблгорисполкомов и впервые переступил порог этого строгого учреждения.

Необходимую работу провела эксперт-криминалист, тогда — капитан милиции Ольга Николаевна Володимерова. На ее счету значились многие важные исследования в сфере правонарушений, выполненные непосредственно по заданиям сотрудников милиции. Но моя просьба, подкрепленная разрешением начальника отдела, обратила интересы эксперта к сфере искусства. И к великой моей радости, О. Н. Володимерова доказала, что на акварельном портрете из Русского музея работы художника Гау изображена действительно Варвара Николаевна Асенкова. Ее новый для литературно-театрального обихода, до того никому не ведомый портрет, выполнен-

ный примерно в 1837—1838 годах, украсил переплет моей книги об артистке.

С тех пор в экспертно-криминалистическом отделе ГУВД время от времени стали расследоваться загадки картин и рисунков, представляющих несомненную историческую или культурную ценность. Это тоже важная работа. В музейных и частных коллекциях изобразительного искусства имеется немало анонимных портретов людей, чьи имена до времени сокрыты тайной. Между тем некоторые из этих рисунков могут оказаться изображениями известных в отечественной истории, выдающихся людей, а каждое их новое изображение — новый вклад в сокровищницу нашей культуры.

К счастью, таким внеплановым работам покровительствует начальник отдела, полковник милиции Людмила Евгеньевна Быстрова. Без ее разрешения ни одно подобное исследование, естественно, произведено быть не может.

Некоторое время назад в отдел обратилась искусствовед Ирина Борисовна Чицова. Изучая творчество прекрасного русского живописца-акварелиста Петра Федоровича Соколова (1791 — 1848), она в одном из его альбомов, хранимых также в Русском музее, обнаружила интересный, но опять-таки анонимный портрет женщины пушкинской эпохи — он назывался «Дама с письмом».

И новая загадка легла на стол эксперта-криминалиста.

По некоторым данным, имелось предположение, что на рисунке Соколова изображена Дарья (Долли) Федоровна Фикельмон, внучка великого полководца Кутузова, жена австрийского посланника в Петербурге. Дарья Федоровна была доброй приятельницей Пушкина. Поэт часто бывал в ее салоне на набережной Невы. Тем интереснее становилась задача.

Прекрасное лицо женщины печально. Это нетрудно объяснить: портрет писан в 1837 году, вскоре после гибели Пушкина. А Дарья Федоровна — одна из немногих современниц поэта, кто еще при его жизни понимал, что означает Пушкин для русской культуры. 29 января 1837 года Долли Фикельмон писала в дневнике: «Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и огня! И какая... мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный сияющий светоч...»

Эксперт сопоставил фотокопию «Дамы с письмом» Соколова с четырьмя известными изображениями Дарьи Фикельмон: с тремя акварельными портретами, выполненными в разное время разными художниками, и одним фотоизображением, сделанным в конце пятидесятых годов прошлого века (Д. Ф. Фикельмон скончалась в 1863 году).

В результате сопоставления всех этих материалов удалось установить 36 так называемых совпадающих признаков: очертания овала лица, лба, бровей, носа, рта, губ, подбородка, ушей... И только один признак никак не совпадал — высота лба, граница линии волос. На фотографии она заметно выше, чем на портрете Соколова. Что бы это могло значить? Эксперт не мог пройти мимо такого, пусть единичного, несовпадения: работа здесь строится на предельной добросовестности и точности.

Пришлось заняться изучением многих других работ художника Соколова (чаще всего он портретировал женщин) и сопоставить их с другими изображениями его героинь, в частности с их фотографиями. И тогда О. Н. Володимерова сделала открытие, относимое не столько к криминалистическим исследованиям, сколько к искусствоведению: выяснилось, что, рисуя прекрасных женщин своего времени и испытывая чувство восхищения ими, Петр Федорович Соколов старался смягчить некоторые недостатки в пропорциях лиц своих героинь. Поэтому и получилось, что на его акварели высота лба у Дарьи Фикельмон оказалась несколько иной, чем в действительности. Акварель «Дама с письмом» могла на законных основаниях изменить в альбоме художника свое название.

Не менее интересным и важным стало определение лица неизвестного человека, запечатленного фотографом в большой толпе на похоронах. Снимок сделан в Грузии в конце 1916 года. В кадр попало более тридцати человек. Но искусствоведа Эраста Давыдовича Кузнецова интересовало здесь лишь одно лицо: по предположению, пока, правда, ничем не подтвержденному (его выдвинули грузинские ученые), этим человеком с правой стороны кадра мог оказаться замечательный художник Нико Пиросмани. Кузнецов обратился с этим вопросом в экспертно-криминалистический отдел.

И догадка подтвердилась. Сложные экспертизы прошли успешно. Коллекция известных изображений великого художника пополнилась еще одним, может быть, самым выразительным портретом. По совпадению,

Пиросмани запечатлен на фотографии, как и Долли Фикельмон на портрете Соколова, в минуту печали, навеянной смертью друга. «Он присел на корточки и смотрел не в объектив, а куда-то в глубь себя, погруженный в собственные невеселые мысли, отрешенный от будничных, повседневных забот», — пишет Э. Кузнецов об этой фотографии в своей книге о художнике.

«У меня накопилась груда рисунков Владимира Владимировича, — писал в своих воспоминаниях о Маяковском Корней Иванович Чуковский. — В те годы он рисовал без конца [...]

Когда Маяковский пришел к Репину в «Пенаты», Илья Ефимович расхвалил его рисунки и сказал:

— Я все же напишу ваш портрет!

— А я ваш, — отозвался Маяковский...»

В рассказе Чуковского речь идет о событиях 1915 года. Маяковскому тогда едва перевалило за двадцать.

В те дни и появилась на свет загадка, решить которую предстояло через семьдесят лет, в лаборатории исследования документов экспертно-криминалистического отдела.

Сухим языком документа сказано:

«На исследование представлена фотокопия рисунка с изображением молодого человека, выполненного И. Е. Репиным 5 июня 1915 года.

Требуется установить: В. В. Маяковский или другое лицо изображено И. Е. Репиным на представленном рисунке...»

Да, такое предположение у специалистов имелось. Как раз Репин и молодой Маяковский встречались в «Пенатах». Но ведь художник рисовал и многих других своих гостей! И портрет молодого человека долгие годы оставался анонимным. Ведь предположение — еще не утверждение!

Для того чтобы всесторонне исследовать произведение искусства, тем более созданное рукой великого художника, необходимо поднять огромные пласты литературного и, конечно, иконографического материала. Интересно, что за основу «словесного портрета» молодого Маяковского эксперт взял описание внешности будущего поэта... в учетной карточке полицейского участка, сделанное в 1908 году. Очевидно, Володя Маяковский представлял опасность для властей уже в пятнадцать лет!

А затем на рабочий стол эксперта легли многочисленные воспоминания о поэте, сотни известных его портретных изображений. Особенно сложными для исследования и сопоставления оказались фильмы — документальные и художественные. В нескольких художественных картинах первых лет Октября поэт выступал в качестве актера, например в ленте «Барышня и хулиган», снятой по его же сценарию в 1918 году.

Раздобыв эти и другие старые фильмы, Ольга Николаевна Володимерова долгие часы просиживала в просмотровом зале, снова и снова вглядываясь в экран, часто просила оператора остановить движение киноленты и придирчиво всматривалась в тот или иной застывший кадр. В детективных фильмах мы часто видим такие эпизоды: сотрудники уголовного розыска просматривают отснятую пленку, время от времени останавливают ее и вглядываются в лица, мелькнувшие на экране. Среди них — лицо преступника. Здесь никакого преступника не было. Но методика оказывалась прежней. Стоп-кадр помогал выявить истину.

На этот раз совпало около пятидесяти признаков лица — от его овала, вида прически, высоты лба до положения углов рта, высоты и выступания губ, величины и контура ушных раковин.

Но один признак снова «уперся», он бунтовал, не желая укладываться в таблицы и расчеты эксперта, и не совпадал с другими изображениями поэта. Речь идет о глазах молодого человека на рисунке Репина, точнее — о его взгляде исподлобья. Почему молодой человек так странно смотрит куда-то — цепко, внимательно, пристально — и при этом напряженно наклонил голову?

Изучая взаимоотношения Ильи Ефимовича Репина с его современниками и друзьями, эксперт узнал: художник часто просил своих гостей, когда он их рисовал, не сидеть сложа руки в течение всего сеанса, а тоже рисовать. Соглашались, конечно, не все — лишь те, кто умел это делать. А Маяковский, как известно, рисовал прекрасно! И если с этих позиций посмотреть на рисунок Репина, сразу почувствуешь: портретируемый молодой человек несомненно рисует! Его голова явно наклонена к бумаге, а глаза то и дело вскидываются вверх, чтобы еще раз увидеть свою натуру. Молодой поэт, как свидетельствует Чуковский, часто изображал Репина в быстрых, летучих и дерзких шаржах. Судя по несколько хитрому выражению лица, Маяковский и во время этого сеанса набрасывал очередную карикатуру на маститого худож-

ника, наперед зная, что Илья Ефимович все ему простит, если набросок окажется талантливым и выразительным. Так оно обычно и бывало.

Теперь можно было считать, что экспертиза закончена и дала положительный результат.

Каждое вновь обретенное изображение великого поэта всегда для нас драгоценно. Нет сомнения, что и этот, новый для ценителей творчества Маяковского, портрет займет свое место в обширной литературе о поэте.

Имя Александры Михайловны Каратыгиной принадлежит не только истории русского театра, но и тому особому миру, который мы зовем пушкинской эпохой и пушкинским окружением. Этот мир исполнен для нас особого обаяния. Нам неизменно интересны и важны люди, которые знали великого поэта, имели счастье общаться с ним. И тем более те, кому Александр Сергеевич посвящал стихи, эпиграммы. Об этом очень точно сказала Анна Ахматова: «Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками... Рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин»...»

Мысль о том, что любой упомянутый Пушкиным человек становится в наших глазах лицом историческим, можно показать на выразительном примере.

Помните строки из первой главы «Евгения Онегина» — ворчливые замечания Онегина о театре?

И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

Так вот, в одном из первоначальных вариантов, в черновиках поэта, вместо строки «Балеты долго я терпел» стояло: «Одна Лихутина мила...»

Совершенно очевидно, что если бы Пушкин оставил эту строку в окончательной редакции «Евгения Онегина», то о балерине Анастасии Лихутиной (1802 — 1875) знали бы сегодня все, а не только балетная энциклопедия и историк русского балета профессор Вера Михайловна Красовская, как знают все, к примеру, Истомину, чье имя в романе Пушкина звучит.

Итак, мне хочется рассказать вам о счастливой находке неизвестного портрета известной актрисы пушкин-

ской эпохи — миниатюрного портрета актрисы Александринского театра Александры Михайловны Каратыгиной, в девичестве Колосовой. Она была не только близкой знакомой поэта, героиней и адресатом нескольких его стихотворных посланий. Она оставила нам воспоминания о Пушкине. Актриса, независимо от меры своего таланта, вошла в круг «пушкинских женщин», в большинстве своем любимых и чтимых нами. Все их портретные изображения — наперечет. И конечно, расскажу о неocenимой помощи в этой истории экспертов-криминалистов.

Пушкин познакомился с Сашенькой Колосовой, будущей актрисой и женой известного петербургского трагика Василия Андреевича Каратыгина, в доме ее учителя князя Шаховского, драматурга и театрального педагога. Вскоре Пушкин стал бывать и в доме самой Сашеньки и ее матери — известной балерины Евгении Ивановны Колосовой.

Когда в декабре 1818 года шестнадцатилетняя Сашенька Колосова дебютировала на драматической сцене, юный Пушкин отозвался на это событие неоконченным, но восторженным наброском:

О ты, надежда нашей сцены!
Уж всюду торжества готовятся твои,
На пышных играх Мельпомены,
У тихих алтарей любви...

Однако вскоре их отношения омрачились. Произошло это в значительной мере потому, что поэт увлекся другой выдающейся актрисой, Екатериной Семеновой, с которой юная и еще неопытная Колосова стремилась соперничать, не всегда, впрочем, успешно. А Семеновой Пушкин был увлечен всерьез. Ей Александр Сергеевич посвятил ставшие впоследствии знаменитыми заметки «Мои замечания об русском театре», пронизанные восхищением Семеновой как трагической актрисой.

В 1819 году Сашенька Колосова решила выступить в одной из коронных ролей Семеновой — в роли Эсфири из одноименной трагедии Расина. И тогда Пушкин сочинил на нее злую эпиграмму:

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

Александра Михайловна Каратыгина оставила нам воспоминания о великом поэте, навсегда вошедшие в нашу драгоценную Пушкиниану. И начинаются они именно с истории мимолетной вражды поэта со своей современницей.

«Стихотворениям подобного рода,— писала Александра Михайловна,— знаменитый наш поэт не только не придавал никакого значения, но всего чаще, по миновании его безотчетной досады на лиц, не только совершенно безвинно, но и поделом им уязвленных, спешил залечить укол своей сатиры каким-нибудь любезным мадригалом или хвалебным дифирамбом...»

Эти слова Каратыгиной подтверждаются написанным Пушкиным в 1821 году посланием к Катенину, которое актриса также цитирует:

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук...

Итак:

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?

Вопрос Пушкина остался без ответа.

Но именно о портрете и пойдет сейчас речь.

Несколько литографий, изображающих Каратыгину в различных ролях, любители театральной литературы знают — они иногда публиковались. (А хранятся они в фондах Ленинградского театрального музея.)

И вот однажды я случайно узнал, что неизвестный портрет Каратыгиной, причем очень удачный, имеется в частном владении — у вдовы писателя Ивана Федоровича Кратта, Нины Кузьминичны. (Писатель Иван Кратт известен в истории советской литературы как автор нескольких книг о Крайнем Севере, где он жил и работал.)

Я не был прежде знаком с Ниной Кузьминичной. Познакомиться с нею и завоевать ее доверие помогли мне писатели Михаил Семенович Панич и Елена Андреевна Вечтомова, а также вдова писателя Пинегина Елена Матвеевна. Наконец я увидел желанную миниатюру.

На темном фоне изображена женщина с властным ли-

цом и царственной осанкой. Через плечо перекинута нарядное меховое боа. На обратной стороне миниатюры чьей-то рукой крупно и отчетливо обозначено: «Портрет А. М. Каратыгиной. Писал Шпревич». Фамилия художника написана латинскими буквами. Но оказалось, что это — всего лишь дань тогдашней моде. Александр Николаевич Шпревич — русский художник-портретист. В Ленинграде почти нет его работ (в Русском музее имеются всего два портрета работы Шпревича с изображениями киевского митрополита Филарета).

Нина Кузьминична любезно разрешила прийти к ней вместе с фотографом и сделать с миниатюры слайд, который в первую очередь был необходим для новой редакции моей книги о Варваре Николаевне Асенковой. Каратыгина была старшей современницей Асенковой, обе служили в Александринском театре, и Александра Михайловна помогала Асенковой в трудные минуты ее жизни.

Когда я показал слайд научным сотрудникам Театрального музея, те, посмотрев его внимательно, сильно меня озадачили. По их просвещенному мнению, фасон платья и прическа изображенной женщины дают основание довольно точно определить год создания портрета — скорее всего 1842-й. мода на прически и платья соблюдалась дамами того времени весьма строго, и это обстоятельство нередко помогает в определении дошедших до нас портретов.

И тут возникла новая загадка. Дело в том, что в 1842 году художнику, вернее будущему художнику Шпревичу исполнилось... восемь лет. И довольно трудно предположить, чтобы он, даже будучи вундеркиндом, мог такой портрет написать.

И тогда я снова обратился к моим добрым знакомым и отзывчивым помощникам — экспертам-криминалистам Ленинградского Главного управления внутренних дел. Вот и на этот раз, с любезного согласия и разрешения Людмилы Евгеньевны Быстровой, была проведена соответствующая экспертиза. Известные и бесспорные изображения Каратыгиной из Театрального музея сопоставлялись с миниатюрой, переснятой у ее нынешней владелицы.

Заключения экспертов-криминалистов в подобных случаях не должны рассматриваться как однозначные и бесспорные. Они, эти заключения, «работают» более полно в сочетании с искусствоведческой экспертизой. Потому что аппаратура и методика экспертов рассчитаны на

исследования фотографических изображений человеческих лиц, а не портретов, сделанных художниками.

Тем не менее сотрудница лаборатории исследования документов капитан милиции Марина Александровна Солонуха склонилась к убеждению, что на миниатюре изображена именно Александра Михайловна Каратыгина.

Были исследованы и сопоставлены различные признаки внешности Каратыгиной. И почти все признаки совпали: форма головы, высота, ширина и контур лица, все позиции, характеризующие волосы и прическу, высота и ширина лба, особенности формы носа и губ... И лишь контур бровей дал определенное различие. На миниатюре он дуговой, а на портретах из Театрального музея извилистый. «Различие ширины и контура бровей,— пишет в справке эксперт,— предположительно можно объяснить изменениями в облике, внесенными в результате применения косметической техники (выщипывание бровей, подводка тушью)...»

Ну как тут не вспомнить эпиграмму Пушкина! У великого поэта никогда не бывало в стихах случайных деталей! Помните: «Размалеванные брови»! Очевидно, Александра Михайловна пользовалась гримом не только на сцене, но и в жизни. И художник Шпревич воспроизвел брови такими, какими пожелала их сделать сама Каратыгина.

Итак, на портрете действительно изображена актриса А.М. Каратыгина. И писал миниатюру действительно А. Н. Шпревич. Но как же тогда объяснить несовпадение признаков моды на портрете с датой его создания и возрастом художника? Не мальчиком же, в самом деле, трудился он над этой миниатюрой? Когда же, в каком году писался портрет?

Думается, решение загадки в данном случае не так уж сложно.

Александра Михайловна прожила довольно долгую по тем временам жизнь: будучи всего на три года младше Пушкина, она умерла в 1880 году. На склоне ее лет известному уже художнику Шпревичу захотелось написать ее миниатюрный портрет. Не исключено, что он был кем-то заказан. Но пожилой артистке не захотелось видеть себя на миниатюре слишком старой — желание чисто женское и понятное. И тогда, остается предположить, она попросила художника написать миниатюру не с натуры, а с какого-то своего портрета начала сороковых годов, который до нас не дошел и нам не известен. И так как тот, боль-

шой портрет бесследно исчез, миниатюра приобрела значение оригинала.

Такова разгадка тайны неизвестного портрета известной актрисы пушкинской эпохи. Теперь он навсегда войдет в иконографию русского театра первой половины прошлого столетия.

Этот свой портрет Александра Михайловна не могла уже, разумеется, прислать Пушкину — в ответ на поставленный в его стихах вопрос. Он остался во владении Истории.

P. S. Когда эта книга находилась уже в производстве, загадка миниатюры с изображением А. М. Каратыгиной неожиданно получила новое освещение.

А случилось вот что.

В последних числах августа 1988 года мне довелось рассказать об истории этого портрета в телевизионной передаче «Монитор». На следующий же день на студию позвонила Светлана Вячеславовна Казакова, заведующая отделом научно-справочного аппарата Центрального государственного исторического архива СССР. Она сообщила, что старший архивист Анатолий Данилович Павлюков, посмотрев передачу, заинтересовался авторством портрета и решил обратиться к богатейшим картоткам отдела и старым архивным документам. Версия создания миниатюры, предложенная мною, ему показалась не очень убедительной. И тогда всплыли совершенно неожиданные обстоятельства, решительно меняющие дело.

Разумеется, я сразу же отправился в архив.

Анатолий Данилович Павлюков трудится в ЦГИА со дня окончания истфака университета — без малого сорок лет. При этом он сохранил острый, живой интерес к распутыванию всевозможных исторических загадок, каких еще множество таится в бесстрастных архивных картотеках. Обнаруживая тех или иных широко известных или никому не ведомых людей, давно, казалось бы, ушедших в небытие, Анатолий Данилович радостно приговаривает: «Вот они, голубчики!..» И старые высохшие листы пожелтевшей бумаги, испещренные каллиграфическими почерками, в его руках оживают и несут новую, подчас неожиданную информацию.

Так случилось и на этот раз.

Анатолий Данилович познакомился с бумагами фондов Академии художеств, Департамента герольдии Сената, а затем и фонда графов Шереметевых. Выяснилось, что титулярный советник живописец Шпревич пи-

сал миниатюрные портреты малолетнего графа Сергея Дмитриевича Шереметева.

Но это был не Александр Шпревич, известный по классическим справочникам русских художников, а Николай Шпревич, его отец! Он родился в 1800 году в семье немца, учителя музыки в московском воспитательном доме, и получил при крещении имя Готлиб-Богдан. В 1820 году он принял православную веру и стал зваться Николаем. Николай Шпревич оказался ровесником Каратыгиной — был старше ее на два года. И Анатолий Данилович Павлюков закономерно предположил, что именно он — автор миниатюрного портрета актрисы.

Из этой вполне убедительной версии вытекает по меньшей мере два важных обстоятельства. Во-первых, найденная миниатюра, насколько нам известно, — единственное в Ленинграде произведение художника Николая Шпревича. А во-вторых, теперь есть основания считать, что миниатюрное изображение известной актрисы, приятельницы Пушкина, не копия с какого-то неведомого нам большого портрета, а оригинальное произведение, писанное, очевидно, с натуры в 1842 году.

Мне остается поблагодарить талантливого ленинградского архивиста за его заинтересованное вмешательство в эту маленькую детективную историю.

ТАКАЯ СЛУЖБА

Ей всегда требуется время, чтобы ослабить напряжение минувшего дня. Разговаривая с кем-нибудь после работы на неслужебные темы, сидя иногда вечером в кресле партера и глядя на сцену, где перед ней проходят картины иной жизни, иных взаимоотношений, поначалу совершенно ей чуждых, беря книгу, скользя глазами по строчкам и стараясь вникнуть в очерченный автором круг людей и событий, даже просто возвращаясь довольно поздно домой и встречая близких, — во всех случаях для контакта с миром за стенами служебного кабинета ей требуется время. Постепенно расслабляются мышцы лица, и оно молодеет. Возникающий по утрам некий жесткий стержень где-то внутри ее существа смягчается и исчезает. Если она уже дома — можно сбросить туфли на высоком каблуке, ношение которых она считает для себя обязательным: они символизируют воображаемую границу между ее служебным положением и женской сущностью. «Больше всего я люблю стряпать». Как неожиданно это у нее звучит! Гораздо естественнее услышать иное: «Только что вернулась с места преступления, надо было присутствовать при осмотре трупа...»

Ее рабочий день длится примерно двенадцать часов: с половины девятого утра до восьми вечера, а если надо, и дольше. Этого требует служба, охрана законности, оперативная обстановка. В эти часы она — полковник милиции, начальник экспертно-криминалистического отдела Главного управления внутренних дел Леноблгорисполкомов.

И только поздно вечером да в редкие выходные дни — просто человек, жена, приятельница, очаровательная молодая женщина.

Впрочем, женщина она всегда. Кроме разве тех случаев, когда считает целесообразным перевоплотиться в «своего парня». В веселую минуту сослуживцы так ее иногда и называют. Мы назовем ее полным и собственным именем — Людмила Евгеньевна Быстрова.

«Свой парень» появился на свет в результате серьезной психологической проблемы.

Как-то в столице одной из наших республик состоялась большая и важная встреча работников Министерства внутренних дел. Из Ленинграда на встречу прилетела представительная делегация криминалистов — несколько десятков офицеров в довольно высоких званиях, отличные профессионалы, не раз доказавшие свои возможности. А возглавляла ленинградскую делегацию полковник Быстрова. Понятно, что в данном случае облик слабой женщины, которой надо бы поднести чемоданчик, а при случае вечером попытаться вручить букет цветов, ни к чему. И тогда появляется «свой парень» — он существует, работает, устает и отдыхает на равных с мужчинами, не ждет и не требует скидок, напротив, стремится — и небезуспешно — дать своим товарищам несколько очков вперед. И дело тут не в пресловутом споре о том, какой из двух полов слабый, а какой сильный. Дело в том, что, приняв на себя руководство и ответственность, надо своему положению соответствовать: знать больше других, реагировать на события быстрее и точнее, уметь вовремя прийти на помощь коллегам и, никого не обидев своей настойчивостью, добиться в конце концов точного исполнения принятого решения. Ее не интересует власть — важен успех дела. Она не ищет пристрастного, какого-то особенного к себе отношения. Она ждет и требует заинтересованного отношения к работе. Потому что слишком серьезно дело, которому они служат.

Цена мира, спокойной жизни, безопасности — Людмила рано узнала ее. Человеческий покой оплачивается красной ценой. И здесь не может быть компромиссов. Жизнь повернулась к Люде своей бескомпромиссной стороной с самых первых дней детства.

О городе Кирове, где она родилась, о бывшей Вятке, сохранили лирические и благодарные воспоминания ее старшие земляки — писатель Александр Грин, художники Аркадий Рылов, Евгений Чарушин, Юрий Васнецов. Много сердечных страниц посвятил Вятке своего детства еще один вятч, ставший ленинградцем, — писатель Аркадий Минчковский. Но для четырехлетней девочки военный Киров не стал самым уютным местом на земле. Великая Отечественная война принесла и сюда женскую обездоленность матерей и раннее, слишком раннее возмужание малышей, в чьи глаза заглянуло горе. Мать Люды была художницей и подрабатывала, сколько хватало сил: нужда становилась постоянной. И все же мать умудря-

лась одеваться со вкусом, делая себе платья из ничего и ненавидя в одежде небрежность. Дочь исподволь воспринимала хороший вкус, а не слепую покорность моде. В Кирове состоялось знакомство с Е. И. Чарушиным. Позднее, в Ленинграде, художник помогал семье, чем мог: найти жилье, получить работу.

В Кирове Люда с матерью и братом жили хотя бы в благоустроенном доме, принадлежавшем деду, революционеру-подпольщику Петру Григорьевичу Фалалееву. Жили среди огромного количества книг, завещанных дедом своему городу. А в Ленинграде, куда семья переехала после Победы, дома не было. Начались бесконечные «углы», снимаемые то в одной, то в другой квартире, ночлеги на большом чемодане, недоедание, недетские заботы. Вскоре мать тяжело заболела, ее надолго поместили в больницу, и девочка попала в детский дом. И если сама Люда, как уже сказано, родилась в Кирове, то «свой парень» появился на свет девятью годами позже, в Ленинграде, на улице Марата, где находился детдом и где началась для девочки новая, во многом самостоятельная жизнь.

Молодая современная наука об отклоняющемся поведении — она граничит с психологией, педагогикой, уголовным правом и судебной медициной — утверждает, что характер и личность ребенка формируются в самые первые годы его жизни и зависят от множества причин, но прежде всего от влияния близких, особенно матери. И если даже допустить, что нравственный облик и программа человека формируются не первые три года, а двенадцать — пятнадцать лет, то эти годы Людиной жизни прошли в детском доме.

То был один из лучших, наиболее благополучных детских домов. Но и здесь жизнь текла по годами утвержденным законам. И здесь новичкам устраивали «темную». Когда звучал отбой и все укладывались в постели, к одной из кроватей подбегала группа ребят. На избранную жертву набрасывали одеяло, и «энтузиасты» били «обучаемого» чем попало: кулаками, ногами, ботинками. Удары сыпались на маленького человека и на его первое, робкое осознание своего человеческого достоинства и наносились всегда анонимно. Когда наконец удавалось скинуть одеяло, никого вокруг уже не было, все разбегались. Торжествовала не только ничем не сдерживаемая детская жестокость вообще, но и жестокость конкретных мальчиков и девочек в частности. Жила традиция, запечатленная еще в «Республике Шкид»: «...неизвестно от-

куда появилось пальто, которое накинута новенькому на голову. Погасло электричество, и в наступившей тишине удары один за другим посыпались на голову непокорного новичка».

Нет, напрасно думали эзекуторы покорить Люду Фалалееву. Покориться, в конечном счете, пришлось им самим. И если у одних жертв развивалось хроническое чувство страха, подавленности, приниженности, а потом и угодливости, у других, напротив, рождались протест, гнев, бурное сопротивление обидчикам. Не знаю, тогда ли формировались в душе девочки ненависть к преступлению, желание непременно обнаружить и раскрыть обидчика, наказать его. Но такие ночные «уроки» вполне могли подтолкнуть сознание подростка к нравственным законам будущей профессии.

Предстояла борьба. Не только с другими — с самой собой. За сохранение и утверждение своей личности, своего достоинства. В какой-то мере — если это не слишком громко звучит — борьба за выживание. Следовало сохранить себя как человека, не зря же наделенного умом, волей, чувством справедливости.

И она становилась лидером — сначала среди девочек. Утверждался ее авторитет. Прекрасно успевая по математике и физике, начала верховодить и мальчишками, беря не силой, а умом — силой более внушительной, чем бицепсы. «Свой парень» пробовал себя в различных ситуациях, не страдал ни застенчивостью, ни робостью и, когда представилась возможность, оторвался от формул, чтобы появиться... на сцене. Объявления ведущих на самодеятельных детдомовских концертах звучали теперь однообразно:

- Играет Фалалеева Людмила...
- Танцует Фалалеева Людмила...
- Читает Фалалеева Людмила...

Когда детский дом сменился обычной школой, к математике и физике прибавились шахматы. («За первой доской — Фалалеева Людмила».) И только в одной сфере проба сил проходила менее уверенно и не так публично — первое крашение ресниц, глажение лент для косичек, примерка новой кофточки. «Свой парень» отступал, и девушка занимала законное место.

Прощание с детдомом у всех происходило по-разному. Время от времени мальчику или девочке объявляли, что нашлись их родители и сегодня они придут. Дети волновались. Подглядывали во все щели, как пройдет счастливая встреча. Счастье бывает заразительным, даже когда

оно чужое... В коридоры дома входили мужчины и женщины. Увы, они не были ни матерями, ни отцами — просто хотели взять ребенка на воспитание. Но стоило им сказать мальчику: «Здравствуй, Петя, мы пришли...», — как тот со слезами кидался им на шею, не проверяя, не разбирая, веря.

Однажды и Люде сказали, что у директора ее дожидается мама. Это была не чужая, не подставная, а настоящая, своя мама, от которой девочка успела отвыкнуть. Люда вошла, увидела мать, как всегда одетую со вкусом, в нарядной модной шляпке, и остановилась у порога. Не кинулась на шею. Не заплакала. Она становилась взрослым, самостоятельным человеком и непосредственные детские эмоции уже подвергала контролю.

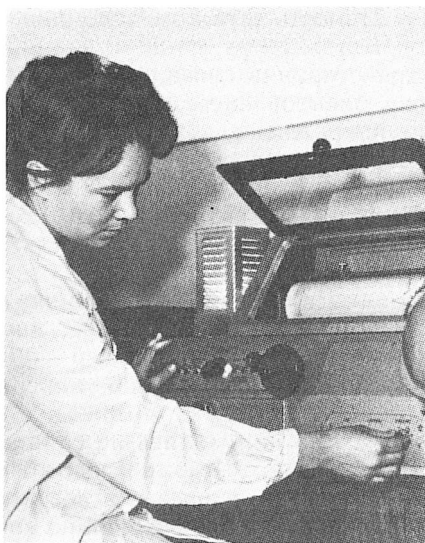
Люда вернулась к матери и брату, и в их общей маленькой комнатухе у нее появился собственный сундук. На нем, подставив под ноги стул, можно было спать. Этот сундук доставлял ей такую острую радость собственного угла, уюта и покоя, какой она не ощущала позднее ни от каких дорогих красивых и удобных вещей.

Нельзя сказать, чтобы Люда не испытывала влияния авторитетных для нее людей. От деда она унаследовала прямого характера, умение в минуту опасности сжиматься пружинной и мобилизовывать волю, а главное — сражаться за правое дело. Одна из первых в Ленинграде их квартирных хозяек, бывшая артистка балета, увлекла ее хореографическим искусством — и Люда два года смело поступала в Вагановское училище (правда, безуспешно). А пожилой адвокат, бывавший в доме, впервые обратил ее мысли к юридической науке и правовым проблемам.

Жизнь шла своим чередом. Работу на заводе она умело совмещала с вечерним технологическим институтом, прекрасно его окончила, стала инженером, работала уже в физико-химической лаборатории, даже диссертацию собиралась писать. А настоящей профессии, большого дела, к какому она стремилась, все не было...

- Надо лезть на крышу.
- Пустите туда собаку!
- Собака в дождь ничего не найдет. А то еще и свалится вниз. А она знаешь сколько денег стоит?
- Как же быть? Там могли остаться следы.
- Верно. Вот ты, лейтенант, эксперт, ты и лезь.
- А если свалюсь я?
- Ничего. Мы тебя привяжем и будем страховать.

**Эксперт-криминалист
Людмила Быстрова.**

Мужчины из группы захвата смотрели на нее немного иронически: что, эксперт, думала, в лаборатории будешь сидеть и пробирочки рассматривать? Попробуй-ка нашего хлеба!

Моросил мелкий ленинградский осенний дождь. Сыпал он водяную пыль и на покатую крышу большого универмага. Здесь произошла кража. Предполагалось, что вор ушел по крыше. И обнаружить его следы предстояло лейтенанту Фалалеевой. Так распорядился старший по званию — он отвечал за расследование происшествия. Балансировать на довольно покато́й крыше высокого здания очень не хотелось. Но при чем тут желание? Какое значение имеет страх? Есть приказ, есть долг, есть служебные обязанности. Подстрахованная веревкой, как цирковой лонжей, она поднялась на мокрую крышу.

Следы она обнаружила и зафиксировала. Вора поймали и уличили. Это дело не заняло в хронике ленинградской службы охраны порядка такого заметного места, как в воспоминаниях одной из его участниц.

Так в 1964 году началась служба Людмилы в криминалистическом отделе Управления внутренних дел. Предполагаемой романтики в новой своей жизни она не обнаружила — ни тогда, когда, привязанная веревкой, не слишком героически поднималась на крышу универмага, ни когда через некоторое время ей поручили помочь в расследовании ограбления кассы одного из предприятий.

Помощь ее в том деле окончилась необычно.

Когда сотрудники милиции, а с ними и молодой эксперт, приняв сигнал тревоги, на исходе ночи подошли к ограбленной кассе, оказалось, что дверь в нее заперта и не повреждена, а в окошке, через которое кассир выдает деньги, зияет дыра. Вскрывать дверь в отсутствие руководителей предприятия и кассира запрещалось. А проникнуть в кассу требовалось. В ней, очевидно, прятался вор. И еще «приятная» новость: стало известно, что он вооружен топором.

— Надо лезть,— лаконично сказал, глядя на Людмилу и на отверстие в стене, другой старший по званию, возможно осведомленный об успехах начинающего криминалиста на крыше универмага.— Там должны быть следы, отпечатки... А может, и самого захватишь!

Шутка получилась не слишком смешной. И снова нахлынул страх. Кроме следов и отпечатков, возможно, и на самом деле придется встретиться с тем, кто их оставил. А это молодой женщине никак не улыбалось. Но она понимала — крепким, плечистым мужчинам, стоявшим рядом с нею, в узкую дыру действительно не пролезть. Значит, надо самой. Вот только как? Ведь он с топором. Ито сначала просунуть в отверстие — голову или ноги? В первом случае получится действующая модель гильотины. Лезть ногами? А кому она будет нужна без ног? — мелькнуло чисто женское соображение. К счастью, злоумышленника в помещении не оказалось: он успел выбраться отсюда до приезда милиции. Отпечатки Людмила обнаружила. Через некоторое время вместе со следователем они расположились в одной из комнат учреждения, чтобы составить необходимые документы.

Наступило утро. Вошла уборщица и спросила, можно ли уже подмести, а то скоро придут сотрудники. Ей разрешили. Людмила дописывала свои бумаги, а уборщица взялась за швабру. Когда она решила протереть пол под столом, за которым безмятежно сидел молодой эксперт, оттуда... выскочил преступник. Он прятался там, ожидая, пока все разойдутся, чтобы спокойно ретироваться. В коридоре его, конечно, задержали. А Людмила сгоряча написала рапорт, что считает себя к новой профессии непригодной...

Такие происшествия могут показаться анекдотически. Но из них тоже складывалась школа жизни. Опыт формируется не из одних успехов. Учатся и на ошибках.

Впрочем, училась она не только на ошибках и удачах. Снова слушала лекции по физике — теперь в университе-

те. И уже через год после начала новой службы выступила с докладом в Волгограде на международной конференции криминалистов. Она говорила о результатах изучения следов удара на костях черепа, о следах металлизации после удара металлическим предметом. Исследования велись на серьезном научном уровне, и тема их называлась весьма академично: «Низкотемпературный спектральный люминесцентный анализ». Потом пришлось заняться идентификацией химических следов выхлопных газов на металлических частях автомобиля. Эта тема оказалась близкой интересам онкологов, и Людмила заканчивала ее совместно с врачами под руководством профессора П. П. Дикуна.

В точках служебных интересов Людмилы пересекались многие науки — физика, химия, медицина, кристаллография, оптика... На месте преступления или серьезного происшествия, связанного, к примеру, с дорожной обстановкой, нередко остаются множественные осколки фарных стекол автомобиля. Эксперты-криминалисты давно интересовались ими. И хотя в машинах одной марки стекло бывает, казалось бы, совершенно идентичным, требовалась надежная методика, чтобы иметь возможность привязать конкретные осколки стекла к совершенно конкретной машине и делать это не только по признаку совпадений фрагментов по конфигурации. С этой проблемой пришлось обратиться в Оптический институт — к профессору И. И. Стожарову. Современная криминалистика все больше опиралась на достижения науки. А на книжном стеллаже в служебном кабинете Людмилы Евгеньевны и сейчас стоит солидная монография профессора Н. Н. Качалова «Стекло».

А в области идентификации автомобильных масел Людмила стала виртуозом.

Однажды на Онежском озере произошло запутанное убийство, и потребовалось участие эксперта. Людмилу командировали в поселок Вознесенье. В оперативную группу входил инспектор уголовного розыска, капитан милиции, опытный оперативный работник. Звали его Юрием Петровичем. Расследование продвигалось успешно. Но кроме основной работы капитан начал почему-то с увлечением посвящать эксперта в тонкости уголовного розыска, в его логику и проблемы. И хотя разговоры носили поначалу вполне профессиональный характер, молодой эксперт вдруг почувствовала, что на этот раз ей

совершенно не хочется выглядеть «своим парнем»... Вскоре Людмила Фалалеева стала женой Юрия Петровича Быстрова.

Продвижение человека по службе может быть предопределено различными причинами — не только стажем. Людмила Быстрова занимала все более ответственные должности в результате явных способностей, добросовестной работы, реальных ее результатов, огромной энергии. Старший эксперт-криминалист. Начальник физико-химического отделения. Заместитель начальника отдела. Начальник отдела. И с каждым повышением по службе и в звании росли ответственность, трудности, психологические проблемы и нагрузки.

Нелегко поначалу складывались взаимоотношения с подчиненными. В отделе еще работали эксперты старшего поколения, фронтовики, превосходившие Быстрову и в опыте, и в званиях. Некоторые из них болезненно восприняли появление на посту начальника отдела женщины, полагая, что обладают перед молодым начальником бесспорным преимуществом хотя бы потому, что они — мужчины. Необходимость подчиняться женщине никогда не была привлекательной для мужчин на протяжении всей человеческой истории и в любой сфере деятельности.

Конечно, подойдя к делу формально, Людмила Евгеньевна имела возможность и право вызвать любого из них к себе в кабинет и приказать или, скажем мягче, предложить выполнить ту или иную работу, поступить так, а не иначе. Но Быстрова поняла, что формальное пользование своими правами заведет ее в психологический тупик. Она сама шла к своим подчиненным, заводила с ними разговоры и постепенно подводила беседу к интересующему ее вопросу.

— А знаете, Иван Иванович,— говорила она,— я подумала над вашим предложением. Оно чрезвычайно перспективно. Вот только жаль, что вы его пока не осуществили.

— Какое предложение? — искренне недоумевал Иван Иванович.

— Ну то самое, что вы высказали третьего дня.

— Извините, Людмила Евгеньевна, что-то не припомню...

Тогда-то Быстрова и преподносила ему свое намерение, «обернутое» в мягкую упаковку дружеской и одновременно дипломатической беседы. И дело шло на лад.

Другой проблемой стала необходимость удержания делового престижа. Начальник отдела — в отличие от

Убийства бывают разные.

Идет допрос Артура Соколауска — преступника и жертвы...

рядового и даже старшего эксперта — не может, не имеет права что-то не знать, растеряться, не найтись в сложной обстановке. Некоторые «старики», не до конца смирившись с женским руководством, специально присылали к ней посетителей с особенно сложными вопросами. Но такие полшутливые «проверки» оборачивались все тем же новым опытом, знаниями, сноровкой. Сообразительность, гибкость ума оттачивались. Не все, конечно, давалось одинаково легко. Особенно трудными оказались для Людмилы Евгеньевны проблемы, связанные с оружием, баллистикой, трассологическими экспертизами. Поэтому основной круг чтения Быстровой составили новейшие книги по баллистике, спектральному анализу, почерковедению, иммунологии крови, оптике. Такие труды иногда вытесняют время, которое с большим удовольствием можно было бы провести за чтением Пушкина, Толстого, любимых Стендаля и Моруа. Но что поделаешь. Силы человека не беспредельны, а в сутках только двадцать четыре часа...

Попав в кабинет начальника экспертно-криминалистического отдела и получив возможность видеть и слышать то, что тут происходит хотя бы в течение нескольких часов, человек знакомится со стилем работы полковника милиции Быстровой. И стиль этот поражает неспециалиста прежде всего «силовым полем» высокого напря-

жения — оно «включено» здесь в течение всего рабочего дня.

Чей-то голос в невидимом динамике докладывает некий вопрос, требующий срочного решения. Голос звучит взволнованно, иногда тревожно, а сама тирада столь сложна, что неспециалисту минутами кажется, будто речь звучит на каком-то странном, нерусском языке. Но Людмила Евгеньевна, сразу же уловив суть разговора, говорит, нет, пожалуй, почти диктует «набело» перечень мероприятий, необходимых для решения вопроса. И вы, мало что поняв в существе дела, а то и вовсе ничего не поняв, тем не менее ощущаете, что начальник отдела мгновенно выделила главное, определила то, что принципиально важно, и одновременно обобщила множество втростепенных граней проблемы.

На одном из новогодних вечеров, устроенном в управлении, Людмила Быстрова появилась в костюме... нет, не Снегурочки и не Снежной королевы — Деда Мороза! Очевидно, в тот вечер борода, усы, посох и мешок с подарками за плечами более подошли «своему парню».

В повседневной работе играть роль Деда Мороза еще легче — стать великодушной, доброй, покладистой, нравиться своим «детишкам», творить «чудеса», чтобы все вокруг были рады и довольны. Только это опасно — вжиться в такую роль. Слишком ответственно дело, которому она и ее товарищи служат. Поэтому утром, когда кабинеты и лаборатории еще пустуют, Быстрова составляет свою знаменитую в отделе и никем здесь не любимую картотеку.

— Мы ее когда-нибудь сожжем! — мрачно шутят сотрудники. — Нам из-за нее сливки за вредность полагаются!

Но сжигать ее бессмысленно, потому что она, как мифологическая птица Феникс, возродится снова.

Рано утром, приехав в отдел, Людмила Евгеньевна получает сводки о происшествиях в городе за ночь, анализирует дела, не завершенные вчера. И на карточках фиксируются мысли, приходящие на свежую голову, имена коллег, которым надо сегодня что-то поручить, названия учреждений, где требуется консультация. На утренней оперативной летучке сотрудники узнают об этих записях. И выстраивается программа дня.

Приводя в движение свою картотеку, Людмила Евгеньевна учитывает характер и склонности каждого из

своих подчиненных. Этот, к примеру, способен обеспечить количественную сторону работы. Тот хорош в налаживании контактов с людьми и учреждениями, у него просто талант к этому. Третий сроков может не соблюсти, но зато способен докопаться до сути в сложном вопросе. Один любит заниматься почерковедением, другой — проблемами, связанными с оптикой. В отделе ведется не только оперативная, практическая работа, но проводятся и научные исследования — то и другое сплетено для пользы дела.

Экспертов-криминалистов готовит всего один вуз в стране. Поэтому отдел становится школой, разумеется, второй школой. Сюда приходят люди с высшим образованием: физики, химики, юристы. Но химика приходится учить законоведению, юриста, к примеру, искусству фотографии (работа фотографа в отделе тоже требует не только мастерства, но и фантазии). Чтобы новый сотрудник, окончивший высшее учебное заведение, стал здесь профессионалом, требуется от шести до десяти лет.

Каждое утро во время оперативки на полковника Быстрову смотрят сотни глаз. Обычные дела в общем-то приедаются. И люди сознательно или невольно фиксируют про себя, как ты сегодня выглядишь, какая у тебя прическа, как ты держишься, как разговариваешь, — воспринимают твоё внутреннее состояние. Поэтому нельзя себе позволить быть сегодня в хорошем настроении, а завтра — в дурном, сегодня чувствовать себя хорошо, а завтра — плохо. Женщины по своей природе эмоциональнее мужчин. Но если разрешить себе смену настроений, какая, может быть, позволительна дома, в работе начнется анархия. Наступает необходимость еще одного перевоплощения — из самой себя в самое себя, но без эмоций неделового характера.

В одной современной стихотворной пьесе есть такие строки:

- Как женщина возвыситься умеет!
- Но до кого же?
- До самой себя.

Наука установила: резервы человеческих сил, способностей, возможностей в пять, а то и в десять раз выше тех, какими мы привыкли пользоваться, какие мы в себе знаем. Возвыситься до них, «включить» их в себе, уметь это делать по мере необходимости, подняться на некий внутренний Эверест — все это приходится делать каждое утро. И каждый раз Людмила Евгеньевна волнуется: как

пройдет? Все ли получится? Постепенно оперативная информация захватывает всех, и начинается работа.

Вникнув в сферу служебных дел и забот полковника Быстровой, читатель, возможно, ждет от автора каких-нибудь детективных историй — ведь без них в экспертно-криминалистическом отделе, да и вообще в органах милиции не обходится. Да, действительно не обходится. И с повестки дня не сходит опасность. Приходится видеть и безжизненно распростертые тела жертв преступления, а иногда и своих погибших на посту товарищей. Жизнь и смерть ходят здесь рядом — и куда нагляднее, чем в обыденной жизни. И нелегко постоянно находиться в тягостной атмосфере преступных побуждений и поступков, где любые нормальные человеческие чувства — даже любовь! — оборачиваются ненавистью. Этот печальный парадокс и ведет нас к детективу, весьма к тому же мрачному. Во время уборки двора одного из ленинградских домов в мусорном бачке нашли человеческий череп.

Череп уже без всяких следов поверхностных тканей доставили работникам уголовного розыска. Но как начать поиски погибшего человека? Попробовали провести эксперимент по методу профессора М. М. Герасимова, известного антрополога, археолога и скульптора: зная законы анатомии, нарастить на костях черепа мышцы и ткани (пользуясь для этого пластилином или глиной) и получить портрет с достаточной степенью приближения. Портрет сделали (он оказался мужским), потом сфотографировали и размножили — в надежде, что погибший числится в розыске и по снимку его опознают. Но не оказалось среди пропавших без вести такого мужчины и кропотливая работа не привела ни к чему. Тогда решили передать печальную находку в экспертно-криминалистический отдел эксперту Людмиле Быстровой (в то время она еще ведала лабораторией).

Прежде всего, наверное, следовало отрешиться от кошмара, каким с житейской точки зрения могло предстать совершенное преступление. Предстояло без всяких эмоций, чисто практически, используя возможности современной науки и техники, решить очередную криминальную задачу. Людмила Евгеньевна пришла к мысли изучить состав сохранившихся зубных пломб, а результаты химических исследований перевести в условия химико-математической задачи. Стоматология в течение многих лет верно служит судебной медицине и криминалистике, давая ключи ко многим загадкам.

Дело в том, что, смешивая пасту для одной или нескольких пломб из амальгамы, полимерных материалов, цемента и других веществ врач обычно не взвешивает количество каждого вещества, а составляет их пропорцию на глаз — для качества пломбы это практического значения не имеет. Если пациенту надо поставить сразу несколько пломб, паста готовится одновременно для всего объема работы. Поэтому ясно: если пациенту ставились, скажем, три пломбы сразу, то их химический состав окажется совершенно одинаковым. Этим-то и решила воспользоваться Быстрова. А если выяснится, что погибший человек ставил один раз три пломбы, в другой раз — две или четыре, в третий — одну, то возникнет математическая комбинация, и притом достаточно индивидуальная. Для ее расшифровки придется посетить ленинградские стоматологические поликлиники и кабинеты. В истории болезни искомого человека должна будет оказаться именно та схема лечения зубов, какую выявит исследование пломб. Если, конечно, человек не приехал в Ленинград из Тюмени или Хабаровска и лечил зубы там. В этом случае поиски грозили бы непомерно усложниться.

При помощи небольшой бормашины (в оснащении отдела имеется даже она) Быстрова извлекла пломбы и задела с ними в химической лаборатории. Предстояла ювелирная работа: только чистота и точность ее проведения могли обеспечить чистоту и точность получаемой информации.

Итак, выявилась комбинация зубов погибшего, запломбированных в разное время. Кстати сказать, даже давность пломбы в лабораторных условиях можно установить сравнительно определенно. Проверить тысячи карточек больных в поликлиниках города было, как говорится, делом техники, хотя и головоломно кропотливым. И вот — удача! Из небытия выплыл конкретный человек с именем, отчеством, фамилией и адресом!

Оставалось выяснить, не ошибся ли эксперт. Нет, не ошибся. По найденному адресу проживала жена погибшего. Вскоре она призналась в убийстве своего мужа на почве ревности. А чтобы спрятать концы в воду и не дать милиции возможность опознать погибшего, она... отделила голову столь горячо любимого супруга и сварила ее, чтобы разрушить ткани лица. В нежном возрасте нас поражает жестокость Отелло или Арбенина. Но, вероятно, Шекспир и Лермонтов содрогнулись бы, узнав о преступлении рядовой горожанки, к тому же, как сказали врачи, вполне вменяемой.

Эта история может нам с вами, читатель, показаться кошмарным сном. Но в работе отдела и, в данном случае, эксперта Людмилы Быстровой это — лишь очередное, и притом успешно оконченное, исследование. А рассуждения о том, под влиянием каких причин любовь переходит в ненависть и человек по известной поговорке совершает разделяющий их один, но роковой шаг,— это уже дело психиатров, юристов и судей. Может быть, и писателей... Как видите, даже шекспировские страсти оборачиваются в отделе производственным заданием.

Вынужденное знакомство с зубными пломбами погибшего человека отмечено не столько новой методикой, сколько адски кропотливой работой. Однако некоторые исследования проводились Быстровой впервые в криминалистической практике и вели позднее к созданию новых методов изобличения преступников. Именно так произошло в 1965 году, когда еще совсем молодого эксперта командировали, как уже упоминалось, в рыбацкий поселок Вознесенье на берегу Онежского озера. Там бесследно исчез житель поселка Аполлон Афонькин, рыбак, семейный человек, отец двоих детей.

Оперативная группа из Ленинграда долго не могла обнаружить следов пропавшего человека. Нашли его рыбаки — увидели на озере два торчавших из воды резиновых сапога. Тело Афонькина доставили на берег. К шее трупа был привязан камень. Оказалось, что и камень на шее не способен скрыть следов преступления.

Начали, разумеется, с медицинского вскрытия. Оно обнаружило обширное огнестрельное ранение грудной клетки, нанесенное с очень близкого расстояния. Медэксперт изъясил из тела большое количество дрови: «сечки» и «кátанки» — так называется самодельная дробь, часто применяемая охотниками. находка вела поиски в закрома охотников-любителей.

Боеприпасы изготовлялись в поселке обычно одним и тем же способом и из одних и тех же материалов: раздобывали проволоку подходящего сечения и делились ею между собой. Она годилась для нарезки самодельной дрови. Как и следовало ожидать, найденные в поселке боеприпасы выглядели совершенно одинаково.

Но возникла иная проблема, еще более сложная. Дело в том, что в момент выстрела любая дробь — и фабричная, и самодельная — деформируется. Ее поверхностные изменения возникают сначала в канале ствола оружия (трение, удары), а затем и при соприкосновении с жертвой (удары о пуговицы, кости). Такие деформации

не дают возможности определить, фабричная или самодельная дробь поразила цель. Тем более трудно идентифицировать такие боеприпасы.

Одновременно с поисками боеприпасов шло все более пристальное знакомство и с их владельцами. Оперативные работники обратили внимание на семидесятилетнего старика Шилова. Оказалось, что его переметы ставились в озере рядом с участком погибшего Афонькина. Среди рыбаков нередко находились охотники проверить не только свои, но и чужие снасти. Может быть, и Афонькин позарился на перемет Шилова? Намечался мотив совершенного преступления.

И все же главная улика — дробь. И Быстрова получила для исследования идентичные на вид ее образцы — взятые у троих подозреваемых, а также рыбацкую робу старика Шилова, найденную на дне его сундука под слоем сушеной рыбы.

Людмила Евгеньевна погрузилась в исследование химического состава дроби. Сплав свинца следовало разъять на составные элементы. Может быть, уже здесь выплывет различие? Одновременно прояснился бы и способ изготовления дроби. Хорошо поставить вопрос — значит уже наполовину решить его, говорил Менделеев. Людмила Быстрова хорошо поставила вопрос. Химический анализ встал на защиту истины.

Но ответа на поставленный вопрос оказалось в данном случае недостаточно. Как уже говорилось, в Вознесенье охотники мастерили дробь по единому рецепту. Поэтому после определения химического состава материала последовал еще и рентгеноструктурный анализ — для установления кристаллографической характеристики металлического сплава. Эксперт продвигался вперед путем, еще не проложенным до него. Этот путь медленно, трудно, но верно вел к идентификации металла, к привязке дроби, найденной в теле убитого, лишь к одному из представленных образцов.

Все эти исследования Быстрова проводила в содружестве со специалистами объединения «Ленинградский Металлический завод», консультируясь у заведующего заводской лабораторией профессора А. И. Чижика. А успех проведенных новаторских работ стал импульсом для создания и внедрения метода исследования металлов с учетом их деформационных дефектов. Сегодня путь, проложенный два десятилетия назад молодым экспертом-криминалистом, верно служит не только криминалистике, но и научно-промышленным интересам.

Начальник экспертно-криминалистического отдела ГУВД Ленинграда полковник милиции Людмила Евгеньевна Быстрова.

А в следствии по делу об убийстве рыбака на Онежском озере удалось доказать: роковой выстрел произведен из оружия старика Шилова. Другим подтверждением его вины стала роба: на ней обнаружались следы замытой крови. И Шилов сообразил: в то утро он увидел, как Афонькин проверяет его переметы. Схватил ружье и выстрелил в соседа. Потом привязал ему камень на шею и отвез труп подальше от берега...

Если уж говорить о любезных сердцу эксперта индивидуальных признаках исследуемого объекта, то у профессии Людмилы Евгеньевны такой признак есть, к тому же весьма суровый: ошибка в работе, иногда даже промедление могут иметь роковые последствия. Женское ли это дело — брать на себя охрану слабых и быть многократно сильнее других? Может быть, и не женское. Но Людмила Евгеньевна Быстрова приняла его на себя и несет огромную нравственную нагрузку мужественно, достойно, самоотверженно. Такая нагрузка окупается тем, что, испытывая ненависть к преступлению, эта женщина имеет возможность и силы ставить преграды между злом и добром, разводить их одно от другого, хотя в жизни они соседствуют, классифицировать предметность зла, определять его меру и суть. Она делает это не только с помощью рентгена, лазерного луча, микроскопа, химических реакций и спектрального анализа. Она щедро тратит и жизненный запас, заключенный в сердце.

Она входит в чужие дома, когда в них разыгрываются драмы, и часто видит человеческие слезы — и в сумраке ночи, и при свете дня, когда весело блистает солнце. Для нас ультрафиолетовые лучи — источник и стимулятор жизни, эликсир бодрости. Для нее красивое ярко-голубое свечение предметов в этих лучах — признак замытой крови, сигнал о смерти. К этому трудно привыкнуть. И хотя врач не может умирать с каждым больным и рыдать с его осиротевшими близкими, а эксперт-криминалист — болезненно сочувствовать каждой жертве преступления, вера в добро и воля к добру дают все новые силы для сострадания. И если вы спросите Людмилу Евгеньевну, какое человеческое качество она ценит выше других, она непременно скажет: доброту. Сегодняшний дефицит доброты заботит ее не абстрактно, не умозрительно.

Работая на таком посту, можно стать жестким и злым, подозрительным и циничным, а в человеческих лицах видеть их негативы. И все же Людмила Евгеньевна нередко и заразительно смеется. Ее сослуживцы говорят: «Вы еще не знаете, как она поет и танцует!» И у нее хватает веселости появиться на новогоднем балу в облике Деда Мороза. Потому что она умеет разграничивать зло и добро и порой судит их поединком. Женское ли это дело? — снова спросим мы. Может быть, и не женское. Необыкновенность Людмилы Быстровой в том и заключается, что, оставаясь женщиной, она становится победителем зла.

И недаром она стала единственной женщиной в ленинградских органах охраны порядка, награжденной званием и знаком «Заслуженный работник МВД СССР». Это очень высокая награда.

А в остальном эта женщина живет как все? Пожалуй, нет. После ненормированного дня и невообразимых событий, сжатых в спираль десяти — двенадцати часов, у нее хватает сил и желания приготовить обед, сшить новое платье, повидаться с друзьями, сходить в театр, а чаще — в кино. Кстати, надо бы подумать и понять, почему кино ей ближе театра.

На службе полковник Быстрова обычно носит форму. Но вечерами она переодевается. В ее кабинете целый гардероб с платьями и туфлями для дома, гостей, театра, даже для торжественного приема. Вечером наступает час, когда необходимы отдых, психологическое и нервное переключение. Театр обычно этого не дает. В театре светло илюдно. На тебя снова смотрят глаза — пусть чужие и равнодушные. Человек здесь все время находится в поле зрения других. И снова надо думать, в порядке ли при-

ческа, какие на тебе туфли, удачно ли выбрано платье. Мишура театрального фойе ее утомляет.

Кино более демократично. В зале — обезличивающий сумрак. Нет антракта, и не нужно фланировать при блеске люстр, теряя с таким трудом собранную сосредоточенность и вовлекаясь в другой, особый светский спектакль статистов. А главное, события на экране развиваются гораздо быстрее, чем в театре, захватывают человека, уводя его от дневных забот и неотступных мыслей в мир экранных героев. Конечно, бывает, попадешь на плохую картину, и желаемого эффекта не происходит. Что ж, издержки искусства портят настроение любому из нас, только печальные последствия брака здесь заметны не сразу...

Наутро — снова работа. Людмила Евгеньевна садится в машину и едет знакомым маршрутом по прекраснейшему городу в мире. Она объездила города Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии, Урала, побывала во многих городах Европы и Америки. Но именно в Ленинграде совершается главное дело ее жизни.

Она едет и собирается с мыслями, готовясь к предстоящему дню. В любой момент может поступить очередная сложная экспертиза, и придется ломать голову заново, мобилизуя весь свой опыт и все начиная сначала. Предстоит заседание партийного комитета главка, членом которого она избирается вот уже более десяти лет. Надо назначить очередное занятие школы молодого коммуниста, которой она руководит. Нужно поработать над докладом для всесоюзной конференции криминалистов...

Может быть, снова напрягаются мышцы лица, некий стержень возникает внутри, взгляд становится строже. Эта женщина с утра готова ко многим неожиданностям своей профессии и к тому, что приятными они, скорее всего, не будут.

Что поделаешь? Такая служба.

Впрочем, не стоит сгущать краски. Неожиданности бывают и чрезвычайно увлекательными.

В декабре 1988 года в экспертно-криминалистический отдел обратился Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) с необычной просьбой. В связи с проводимыми комплексными исследованиями и поисками места захоронения декабристов, а также имеющимся мнением, что зашифрованные указания на этот счет есть в тетрадях Пушкина, сотрудники института привезли в отдел одну из таких тетрадей, в которой часть текста была утрачена.

Чернила на желтой бумаге почти выцвели, и когда-то начертанные быстрой рукой по-французски строки слились с бумажной основой и стали невидимы. Кое-где имелись пятна, кляксы. Под ними тоже мог быть текст или рисунки. Научные сотрудники института попросили Людмилу Евгеньевну провести соответствующее исследование.

И вот на столе у эксперта-криминалиста капитана милиции Григория Владимировича Мироненко необычные материалы. Не подложные товарные накладные. Не фальшивые бухгалтерские счета. Не анонимные письма клеветников. Тетрадь Пушкина! Можно себе представить, с каким волнением, трепетом и чувством ответственности работал эксперт над этим заданием.

И он справился с ним. Утраченный текст удалось восстановить.

Поможет ли он в раскрытии тайной судьбы декабристов? Об этом мы узнаем уже после выхода в свет этой книги.

Что ж, такие задания — «светлые периоды» в работе отдела и его руководительницы. Случаются они, конечно, не часто.

СОДЕРЖАНИЕ

О чайном ситечке, человеческих страстях и законе	24 часа майора Карцева
5	118
Добрый человек из Первой бригады	Метка на полотенце
19	131
Операция на сердце	Авиабилет в Ленинград
29	152
Тайна домово́й книги	Эти четверо в штатском
49	159
А был ли мальчик?..	Огни, воды и медные трубы
61	168
«Темна вода во облацех»	Печальное продолжение предыдущей главы
70	184
Спицы в стене	Грамматика боя старшины Гибляна
82	190
Дафнис, Хлоя и коробка «Казбека»	Две недостающие буквы
91	204
Портрет на подушечке пальца	О тайне человеческих лиц и загадках старинных рисунков
98	219
Свадебное путешествие	Такая служба
105	234

ЮРИЙ
АЛЯНСКИЙ
**ПУЛЯ
И
МИКРОСКОП**

Заведующий редакцией *А. В. Коротнян*
Младший редактор *И. Н. Чугунова*
Художник *Н. Н. Гульковский*
Художественный редактор *А. К. Тимошевский*
Технический редактор *Н. Н. Дмитриева*
Корректор *Е. В. Новосельская*

ИБ № 4807

Сдано в набор 22.09.88. Подписано к печати 27.03. 89. М-18127. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Гарн. литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44 Усл. кр.-отт. 13,86.
Уч.-изд. л. 14,17. Тираж 200 000 экз. Заказ № 665. Цена 70 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Алянский Ю. Л.
А60 Пуля и микроскоп.— Л.: Лениздат, 1989.—
254 с., ил.
ISBN 5-289-00314-2

Эта документально-художественная книга повествует о работниках ленинградских органов внутренних дел — следователях, экспертах-криминалистах, сотрудниках Государственной автомобильной инспекции, Управления пожарной охраны, Управления БХСС. В основе книги подлинные события — расследования убийств, крупных хищений, краж музейных сокровищ, трагедий на дорогах, пожара в Библиотеке Академии наук СССР. Автор рассказывает также и о героях Ленинградской Краснознаменной милиции, выполнивших свой долг в дни войны и блокады города.

Предназначена массовому читателю.

А $\frac{1203020200-151}{M171(03)-89}$ 71—89

67.99(2)116.31

ЮРИЙ АЛЯНСКИЙ

ПУЛЯ И МИКРОСКОП

ЮРИЙ АЛЯНСКИЙ — ПИСАТЕЛЬ, ЧЬЕ ТВОРЧЕСТВО ПОСВЯЩЕНО ЛЕНИНГРАДУ, ЕГО ЛЮДЯМ: АКТЕРАМ, ХУДОЖНИКАМ, УЧЕНЫМ. О НИХ НАПИСАНЫ КНИГИ «РАССКАЗЫ О РУССКОМ МУЗЕЕ», «МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ПРОФЕССОРА КАЧАЛОВА», «ТЕАТР В КВАДРАТЕ ОБСТРЕЛА», «ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЛЕГЕНДЫ», «ВАРВАРА АСЕНКОВА», «А. Б. В. СНИМАЕТ МАСКУ», «ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ», «В МАСТЕРСКОЙ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ», «АЗБУКА ТЕАТРА» И ДРУГИЕ. В СВОЕЙ НОВОЙ КНИГЕ ПИСАТЕЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ О СОТРУДНИКАХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ОБ ИХ НЕЛЕГКОЙ И ПОРОЙ ОПАСНОЙ РАБОТЕ.

70 коп.